

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Актуальные вопросы современных
социально-гуманитарных исследований

Сборник научных статей участников
XXXI Республиканского конкурса научных работ студентов

Минск
2025

УДК 101.1:316(082)
А 437

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 8 от 28 марта 2025 года

Редакционная коллегия:
кандидат социологических наук, доцент Т. В. Бурак (отв. ред.);
старший преподаватель Е. И. Климушко.

Рецензенты:
Филинская Л.В., доцент кафедры социологии, кандидат философских наук, доцент;
Смирнова Н.В., заместитель директора по учебной работе Института психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент.

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований : сборник научных статей участников XXXI Республиканского конкурса научных работ студентов / БГУ, Факультет философии и социальных наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. – Минск : БГУ, 2025. – 126 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ XXXI Республиканского конкурса научных работ студентов 2025/2026 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
<i>Барановский В. А.</i> Новые вызовы и угрозы информационной безопасности Республики Беларусь: социологический анализ	6
<i>Герасимова К. В.</i> Взаимосвязь эмоционального выгорания и внутриличностной конфликтности у медицинских работников	11
<i>Головарёва Я. А.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и оптимизма с межличностной зависимостью у студентов	16
<i>Грыцкевич А. В.</i> Специфика академической прокрастинации и мотивационно-ценностной сферы студентов	21
<i>Гулевич А. С.</i> Переживание одиночества в близких отношениях студентами, склонными к межличностной зависимости	26
<i>Еленская Э. С.</i> Дисфункциональные убеждения у лиц с пограничным расстройством личности	30
<i>Звёздочкина О. В.</i> Представления о психических расстройствах здоровых и имеющих расстройства психики людей	35
<i>Зелёная В. В.</i> Половые различия в уровне доверия в романтических отношениях	41
<i>Карницкая В.Н., Бойко А.Ю., Пунтус А.Ю.</i> Основные аспекты текучести медицинских кадров со средним медицинским образованием в период COVID-19	45
<i>Кочан К. В.</i> Взаимосвязь жизнестойкости и социально-психологических особенностей личности в ранней зрелости	51
<i>Кузина П. А.</i> Взаимосвязь тревожности и диалогичности межличностных отношений у студентов с различным уровнем эмоциональной возбудимости.....	55
<i>Кулицкая А. Ю.</i> Теоретический анализ феномена рефлексии и эмпатии в подростковом и юношеском возрасте.....	59
<i>Курачинская Д. С.</i> Деструкция эстетики: проблема искусства в проекте Дж. Агамбена.....	62
<i>Лукомская Д. В.</i> Особенности мотивационно-ценностных установок женщин-чайлдфри	66

<i>Лунская М. О.</i> ПРОЕКТ АДАПТАЦИИ МАРКСИЗМА К ОБЩЕСТВУ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА В ФРЕЙДОМАРКСИЗМЕ Г. МАРКУЗЕ.....	70
<i>Мартынова А. И.</i> Взаимосвязь конфликтного поведения и эмоционального интеллекта мужчин и женщин в период ранней взрослости.....	75
<i>Подмостко В. Л.</i> Взаимосвязь эмоциональных взаимоотношений и отношения к болезни ребенка у матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра.....	80
<i>Попыванов Д. А.</i> Параметры самоотношения лиц с расстройствами биполярного спектра.....	84
<i>Рабушиц А.Н.</i> Взаимосвязь самооффективности и субъективного благополучия у молодых специалистов	89
<i>Савельева И. И.</i> Романтические отношения как фактор доверия и переживания одиночества в период ранней взрослости.....	94
<i>Семёнова В. А.</i> Этические основы коммуникации врача и пациента в условиях ценностных трансформации и рисков.....	99
<i>Синюкович И. Д.</i> Отрицание как основа единства и различия негативного и спекулятивного методов в философии Г.В.Ф. Гегеля ...	103
<i>Стежкина В. Д.</i> Историко-культурное наследие в формировании имиджа (на примере г. Полоцка).....	108
<i>Тимошко В. Ю.</i> Медиатизация как исследовательский концепт и социокультурный феномен	113
<i>Фадеев А. Н.</i> Взаимосвязь копинг-стратегий и социально- психологической адаптации у людей пожилого возраста	118
<i>Цыдик К. Г.</i> Профессиональная востребованность и осознанность педагогов с различной степенью эмоционального выгорания	122

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Факультет философии и социальных наук ежегодно представлен на Республиканском конкурсе научных работ студентов учреждений высшего образования по социально-гуманитарным наукам. Наши студенты и магистранты под научным руководством опытных преподавателей представляют свои научно-исследовательские проекты в тематические секции конкурса по психологии, педагогической и коррекционной психологии; философии и социологии; педагогике, теории и методике обучения и воспитания.

В XXXI-м Республиканском конкурсе научных работ, который проходил в период с 1 октября 2024 года по 7 марта 2025 года, от факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета приняли участие 43 студента и магистранта. Работы соответствовали высоким академическим требованиям и были выполнены на основании исследований, осуществляемых в рамках подготовки курсовых и дипломных проектов, а также магистерских диссертаций.

В результате конкурсного отбора лучших проектов 1 работа была удостоена звания лауреата, 5 работ были удостоены диплома 1 категории, 16 работ – диплома 2 категории и 15 работ – диплома 3 категории. Все представленные на конкурс работы получили высокую оценку профессионального жюри за высокий уровень научно-методологического осмысления и эмпирического исследования актуальных проблем современного социально-гуманитарного знания.

Представленный Сборник научных статей является апробацией научно и социально значимых результатов, которые были получены авторами в результате кропотливых теоретических и эмпирических исследований с использованием современных методологических стратегий.

Опирающиеся на принципы системности и междисциплинарности научные статьи окажутся востребованными при исследовании мировоззренческих аспектов трансформации ключевых сфер современных обществ в условиях нестабильности и кризиса.

Редакционная коллегия

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В. А. Барановский

baranowski567@outlook.com;

*Научный руководитель — А. Н. Данилов, доктор социологических наук,
профессор*

В статье представлена методика социологического измерения показателей структуры распределения инструментов дестабилизации общественно-политической ситуации в Республике Беларусь и сферах общественной жизни в экстремистских информационных ресурсах; выявлены контент-структура, основные направления деятельности экстремистских информационных ресурсов, методы прогноза контент-структуры экстремистских информационных ресурсов на протестную активность.

Ключевые слова: экстремистские информационные ресурсы; информационная безопасность; контент-структура; протестное моделирование.

Модели социальных отношений, существующие в макросоциуме, претерпевают серьезную трансформацию в области усиления конфликтогенной составляющей межличностного и межгруппового взаимодействия. Сращение национальных культур с пропагандистским, политически обусловленным, аппаратом СМИ влечет за собой тождественность восприятия национальной культуры и соответствующих нарративов в средствах массовой коммуникации. Это представляет серьезную угрозу для развития институтов «народной дипломатии». В контексте дестабилизации это приводит к разрыву созданных межкультурных связей, соответствующих персональных контактов, усилению доли искусственно инспирированной конфликтогенности и, следовательно, к необходимости защиты национальных культурных полей и выработки партикуляристских мер межэтнического взаимодействия людей. А.И. Екадумов подчеркивает: «Распространение новых технологий, детерриторизация политики и экономики задают локальным культурным сообществам глобальную, универсальную перспективу. Культурно-политическая глокализация создает новые угрозы и возможности, инициирует процессы, благоприятствующие одним социокультурным стратегиям, но препятствующие реализации других» [1, с. 4].

Общество как социальная система характеризуется множественностью и, как следствие, неопределенностью детерминирующих его механиче-

скую сторону процессов и структур: социальные институты, взаимодействие, социализация, культура социальных действий. В эпоху трансформации ключевых для общества циклов повседневности, взаимодействия и, соответственно, социального обмена, наиважнейшей видится необходимость обеспечения стабилизации социальных процессов на макро- и микроуровнях. Стабилизация в парадигме устойчивого развития – идеологической доктрины белорусского государства – предполагает обеспечение защиты государства от внутренних и внешних угроз.

Методология исследования базировалась на использовании контент-анализа в качестве метода сбора социологической информации.

Анализ контент-структуры экстремистских информационных ресурсов (далее – ЭИР) позволяет выполнить ряд важнейших для обеспечения гуманитарной безопасности государства мероприятий:

- выявить тематическое распределение публикуемых материалов (угрозы-факторы дестабилизации);

- контролировать ход получения публикуемых материалов целевой аудитории (адресату);

- установить степень влияния публикуемых материалов на динамику содержательной репликации социальных установок целевой аудитории (адресата) в отношении объекта публикуемых материалов;

- спрогнозировать уровень воздейственности сформированного мнения целевой аудитории в отношении совокупности объектов публикуемых материалов на готовность осуществлять действия протестного характера (прогнозирование протестного потенциала целевых групп).

Контент-структура ЭИР классифицируется по двум критериям – ценностно-идеологический и инструментальный. Причем эффективность освоения целевой аудитории контента первого типа (ценностно-идеологического) напрямую влияет на восприятие второго типа (инструментального). Ценностно-идеологический компонент дифференцируется соответственно четырем сферам общественной жизни (экономика, политика, социальная сфера, культура). Инструментальный компонент включает в себя обзор основных социально-экономических преимуществ проживания в зарубежных западных государствах.

Экономическая составляющая контент-структуры ЭИР (низкие зарплаты, высокие цены, зависимость государства от внешних дотаций, отсутствие рабочих мест, налогообложение, коррупция, препятствия для развития предпринимательства) в процессе деструкции общественных отношений выступает ключевым инструментальным медиа-звеном, способствующим:

миграции трудовых профессиональных кадров;
перераспределению уровня насыщенности отраслей национальной экономики в пользу низкоприбыльных и нестратегических;
снижению количества трудоспособного населения.

Политическая составляющая контент-структуры ЭИР (неуважение к зарубежным партнерам, противоречия отношений между Беларусью и Россией, управленческая дезорганизация, лишение суверенитета, восхищение зарубежными странами (преимущественно, западными приграничными)) актуализирует снижение культуры дипломатических отношений со странами-союзниками и недружественными странами, формирует у населения впечатление низкого качества политического менеджмента белорусского государства, снижает инвестиционную привлекательность страны. В контексте трансформации белорусского общества и его ценностного аппарата, инструментальная основа политической составляющей заключается в снижении чувствительности граждан к формированию патриотического сознания и увеличению отдаленности от государства, его институтов и представителей.

Контент-структура ЭИР, характеризующая социальную сферу (низкий уровень качества выполнения социально-значимых услуг, неконтролируемая преступность, нарушение прав и свобод, опасность / гибель детей, опасность жизнедеятельности) характеризует отсутствие жизнеспособности конституционно-идеологической доктрины государства (социальное, правовое, демократическое государство), стимулирует миграцию населения репродуктивного возраста в зарубежные страны западного направления, что снижает демографический, образовательный, научно-исследовательский, экономический потенциал. В контексте влияния на общественные отношения, систематическое восприятие материалов данного типа способствует снижению доверительного потенциала населения к государственным социальным учреждениям (образования, здравоохранения, культуры, институтов общественного порядка, национальной безопасности) и их представителям (снижение влияния человекомерности на взаимодействие людей и формирование отношения к ним, исходя из характера деятельности и идеологической направленности).

Культурная составляющая контент-структуры ЭИР (низкая культура поведения белорусов в возрасте от 50 до 70 лет («Советское поколение»), религиозные противоречия, сепарация идеологий, ограничения на взаимодействие с деятелями культуры, контроль институтов и феноменов т.н. «карательными структурами»), стимулирует формирование установок на:

Несформированность национального характера белорусов в условиях исторически обусловленного пограничного культурного «режима»;

Формирование русофобских настроений в белорусском обществе;

Подрыв народного единства и его ценностей через сепарацию носителей его идеологических доктрин;

Контроль культурной динамики институтами государства, что в восприятии целевых групп характеризуется как «отсутствие свободы».

Прогноз влияния контент-структуры ЭИР на протестную активность осуществляется методом протестного моделирования. Протестное моделирование (далее – ПМ) – формирование жанрово-тематического, социально-демографического, ресурсного, инструментального дизайна протестных мероприятий. Осуществляется в рамках двух типов: либеральный и триггерный. Триггерный подразделяется на краткосрочный и долгосрочный. Либеральный тип ПМ предполагает расчет отношения суммы упоминаний элемента структуры и усредненного значения протестных акций за электоральный период к общему количеству призывов осуществления протестных мероприятий. Полученный показатель необходимо разделить на 100. Ключевым недостатком-параметром итогового коэффициента выступает линейность социально-политических и социально-экономических процессов в анализируемой группе. «Либеральность» коэффициента заключается в минимальных требованиях законодательства к возможности организации массовых мероприятий. Преимущество коэффициента – в его содержательной и математической простоте. Триггерный тип ПМ базируется на необходимости определения системы основных показателей: устойчивость информационных нарративов о триггере (событии) со стороны доверительного источника информации; информированность целевой аудитории о триггере (количество публикаций доверительного СМИ в течение часа после триггера (1-2 публикации – низкая степень; 7-15 и более – высокая степень); степень влияния триггера на изменение индивидуальных и групповых (профессиональных) циклов повседневности (нарушение работы торговли, транспорта, интернета, связи, телевидения); календарная близость триггера с важным событием, репрезентирующим активность ценностного аппарата объекта; концентрация инструментов и ресурсов протестного регулирования в его пространственной близости к центрам устойчивых скоплений населения (магистральные улицы, площади, парки); легальность протестов. Вероятностная оценка активизации протестов в системе параметров краткосрочного вида триггерного типа ПМ представлена в таблице.

Таблица.

Вероятностная оценка активизации протестов и используемые средства катализации в зависимости от режима взаимодействия основных и неосновных параметров.

Взаимодействие основных и неосновных параметров	Показатель вероятности / Средства катализации
Совпадение основных и неосновных параметров	0,6-0,9 / Увеличение числа событий-триггеров
Совпадение одного основного параметра и нескольких неосновных параметров	0,4-0,6 / Создание информационного «вакуума» вокруг события-триггера (его связью со средой)
Совпадение нескольких неосновных параметров и несовпадение ключевых параметров	0,1-0,3 / Проектирование информационной среды в целях подготовки перцептивных параметров объекта к событию-триггеру (реструктуризация информационного потребления, насыщение «слуховыми» деструктивными моделями, акцентирование горизонтальной коммуникации)

Долгосрочный вид триггерного ПМ базируется на расчете отношения количества совпадений высоких вероятностей протестов и отсутствия их реализации к коэффициенту протестного потенциала объекта на измераемый период.

Таким образом, компетенция социологов-исследователей в стабилизации внутреннего функционирования государства, заключается в исследовательском сопровождении действий по увеличению степени эффективности мониторинга деструктивного поля информационного пространства Республики Беларусь с целью противодействия складывающимся вызовам и угрозам национальной безопасности, суверенитету.

Библиографические ссылки

1. *Екадумов, А. И.* Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире. Минск: БГУ, 2015. 159 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

К. В. Герасимова

kseniya.956@icloud.com;

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

В статье освещается взаимосвязь внутриличностной конфликтности и эмоционального выгорания у медицинских работников разных учреждений здравоохранения. Подчеркивается роль организационной среды в переживаемом внутриличностном конфликте медицинских работников. Приводятся результаты о специфике переживания эмоционального выгорания медицинскими работниками, занятыми в больницах и поликлиниках. Полученные данные могут быть использованы психологами в работе по профилактике эмоционального выгорания специалистов сферы здравоохранения.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; внутриличностная конфликтность; медицинские работники; больницы; поликлиники.

Эмоциональное выгорание как состояние физического, эмоционального и когнитивного истощения личности далеко не редкость в современном быстро развивающемся обществе. Этому же способствуют и изменения, касающиеся профессиональной деятельности каждого субъекта.

У медицинских работников выгорание обусловлено сложным взаимодействием социальных и индивидуальных факторов. К последним можно отнести длительный внутриличностный конфликт. Он истощает эмоциональную сферу специалистов, вызывая уменьшение уровня эмоциональной реакции и нравственную дезориентацию.

В некоторой степени способствуют развитию внутриличностного конфликта стресс, связанный с работой, продолжительность рабочего времени, высокая рабочая нагрузка, конфликты с пациентами (администрацией или коллегами), организационные изменения, снижение социальной и организационной поддержки, отсутствие психологической поддержки и нарушение баланса между семьей и личной жизнью [1].

Переутомление, личностная отстраненность на работе (цинизм), а также ощущение собственной неэффективности являются наиболее существенными проявлениями (компонентами) эмоционального выгорания в соответствии с трехфакторной моделью К. Маслач [2]. Как следствие, у медицинских работников возникает разочарование в профессиональной

деятельности (вплоть до увольнения и кардинальной смены рода деятельности); нарушение межличностных отношений приводит к негативному восприятию себя, равнодушию, апатии и обесцениванию своего труда.

Эмоциональное выгорание всегда сопровождается трансформацией ценностно-смысловой сферы работников [3]. **Внутриличностные конфликты** как противоречия в структуре ценностей мешают установлению иерархии целей и выбору личностно приемлемых методов для их реализации. Источником возникновения конфликта является *осознание* недостатка согласованности, отсутствие которой в мыслях и действиях индивида отражается в принуждении себя к активности [4].

Затяжной внутриличностный конфликт вызывает напряжение, приводящее к хронической усталости и истощению эмоциональной сферы; стремление защитить иллюзии о целесообразности деятельности и внутренних целей способствует усилению деперсонализации (личностной отстраненности) и рефлексии, вызывает мысли о личной профессиональной неуспешности. Невозможность совладания с возникающими противоречиями может происходить в форме эмоционального выгорания.

Исследование. В выборку вошли 60 медицинских работников (50 женщин и 10 мужчин) в возрасте от 19 до 60 лет. Средний возраст – 34,9 лет. Местом работы респондентов являются больницы и поликлиники г. Минска и областных центров.

Сбор данных осуществлялся с использованием методик:

1) «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданной на основе методики MBI (Maslach Burnout Inventory) К. Маслач, С. Джексон [2];

2) «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова [5].

Обработка производилась с помощью пакета SPSS Statistics v. 23.0 с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и интерпретация. У большинства респондентов зафиксирована крайне высокая – у 29 человек (48,4%) и высокая – у 25 человек (38,3%) степень эмоционального выгорания. Средняя и низкая степень эмоционального выгорания выявлена лишь у 8 человек (13,3%).

При этом у более чем половины опрошенных медицинских работников преобладает средний уровень внутриличностной конфликтности – у 33 человек (55%); низкий – у 16 человек (26,7%), а высокий и сверхвысокий – у 11 человек (18,3%).

На это указывает тот факт, что с возрастом доля выгоревших до крайне высокой степени медицинских работников увеличивается (рисунок 1).

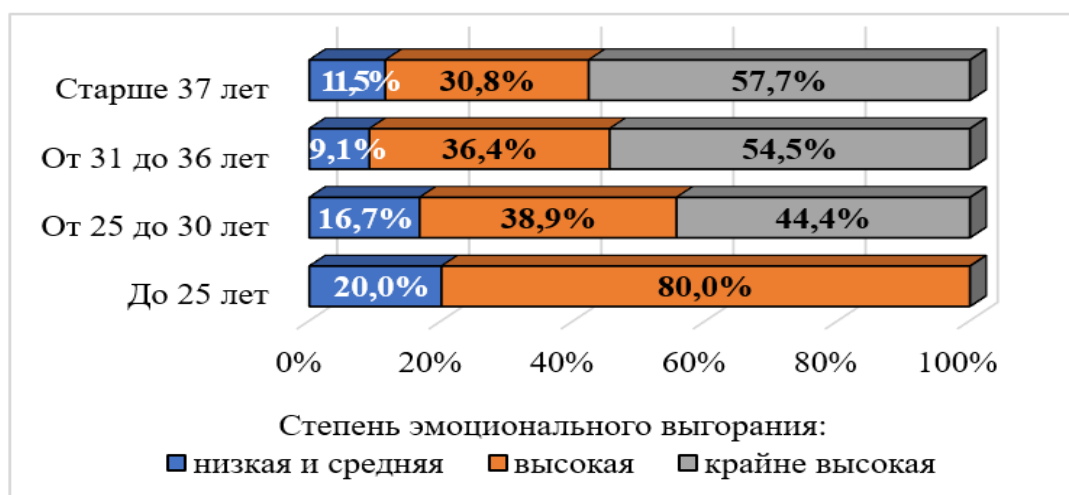

Рисунок 1 – Распределение выборки по возрасту и степени эмоционального выгорания

Одновременно, по мере взросления доля острых внутриличностных конфликтов у медицинских работников снижается (рисунок 2).

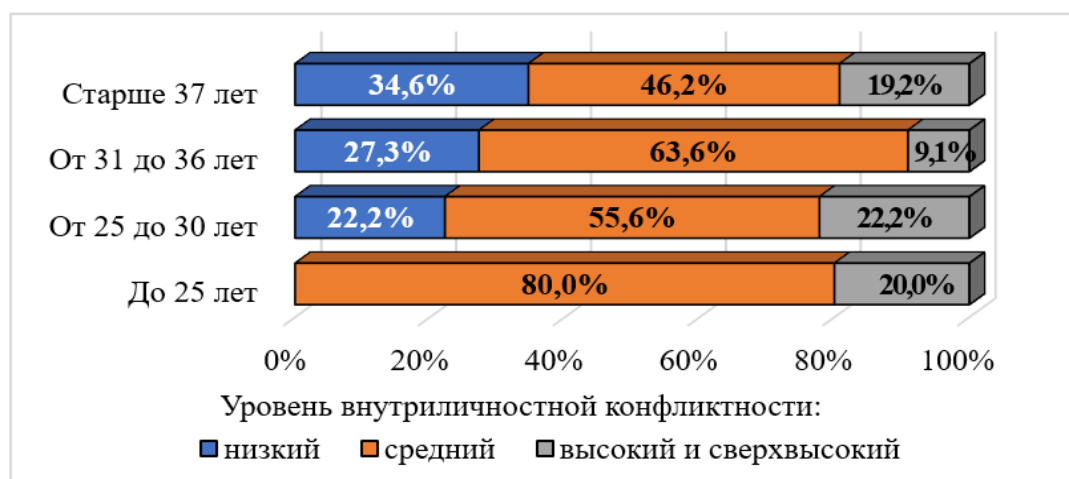

Рисунок 2 – Распределение выборки по возрасту и уровню внутриличностной конфликтности

Такие данные могут свидетельствовать о трансформации конфликта. Эмоциональное выгорание, защищая медицинского работника от воздействия профессиональных стрессоров, смещает фокус внимания с внутреннего мира на внешние условия (например, на организационные условия труда), тем самым снижая остроту переживаемого внутриличностного конфликта.

В ходе корреляционного анализа взаимосвязь внутриличностной конфликтности и эмоционального выгорания во всей выборке не выявлена. Однако в разрезе учреждений здравоохранения, в которых заняты медицинские работники, установлен ряд взаимосвязей (таблица).

**Значимые корреляционные связи между
внутриличностной конфликтностью и эмоциональным выгоранием**

Шкалы внутриличностной конфликтности	Эмоцио- нальное истощение	Деперсо- нализа- ция	Редукция персональ- ных дости- жений	Итоговый показа- тель выго- рания
Больницы (N=30)				
Внутриличностная кон- фликтность	0,418*	—	—	0,462*
Моральный конфликт	—	—	–0,472**	0,470**
Конфликт нереализован- ных желаний	0,414*	—	—	—
Ролевого конфликт	0,596***	—	—	0,528**
Адаптационный конфликт	—	—	—	0,389*
Мотивация	0,373*	—	—	0,427*
Долженствование	0,480**	—	–0,362*	0,565***
Самооценка	0,380*	—	—	0,374*
Поликлиники (N=30)				
Ролевого конфликт	—	–0,378*	—	—
Адаптационный конфликт	–0,404*	–0,397*	—	—
Конфликт неадекватной самооценки	–0,367*	—	—	–0,376*

*** Корреляция значима на уровне значимости 0,001.

** Корреляция значима на уровне значимости 0,01.

* Корреляция значима на уровне значимости 0,05.

У работников больниц:

— все аспекты *внутриличностной конфликтности* (мотивация, долженствование и самооценка), а также ролевого конфликт и конфликт нереализованных желаний умеренно *связаны с эмоциональным истощением*. Напряжение из-за неразрешенных противоречий между различными ожиданиями, требованиями и ролями в своей профессиональной деятельности и нереализованными желаниями вызывает стресс, тревожность и ***разочарование***, что эмоционально истощает медицинских работников;

— обратно связаны моральный конфликт с редукцией персональных достижений и с долженствованием, то есть любые противоречия в части выполнения рабочих обязанностей ведут к уменьшению чувства собственной профессиональной компетентности; а некоторые обязанности и вовсе могут восприниматься сотрудниками как нечто навязанное, что может находить выражение в снижении ответственности и передаче обязанностей (перевод пациентов на амбулаторное лечение);

— внутриличностная конфликтность напрямую связана с эмоциональным выгоранием, а также с моральным, ролевым и адаптационным кон-

фликтами и всеми аспектами внутриличностного конфликта. На фоне высокой ответственности деятельности у медицинских работников сильнее актуализируются противоречия внутреннего мира и ситуативных условий; защитной реакцией на противоречия становится именно эмоциональное выгорание, риск развития которого повышается при неразрешенных противоречиях.

У работников поликлиник наблюдается обратная картина:

– обратно связаны эмоциональное истощение и итоговый показатель выгорания с адаптационным конфликтом и конфликтом неадекватной самооценки. Так, при адаптационном конфликте осознание временной неспособности исполнить профессиональные требования, *уменьшает субъективную ответственность* работников поликлиник, тем самым снижая риск эмоционального истощения;

– обратно связаны ролевой и адаптационный конфликты с деперсонализацией. В данном случае специалисты сталкиваются с невозможностью одновременной реализации нескольких ролей, что ведет к уменьшению вовлеченности в ситуацию и **формальному выполнению профессиональных обязанностей**. Присутствие адаптационного конфликта способствует развитию активных стратегий приспособления и поиску ресурсов для решения проблем.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о специфике переживания эмоционального выгорания медицинскими работниками различных учреждений здравоохранения с учетом особенностей их внутриличностных противоречий. Длительное напряжение, создаваемое внутренними конфликтами, повышает риск эмоционального выгорания. При этом рассматриваемая взаимосвязь более сложна и многогранна. Так, наличие конфликта неадекватной самооценки у работников может стать стимулом для предотвращения негативных последствий выгорания и саморазвития специалистов.

Библиографические ссылки

1. Суханова, Е. И. Профессиональное выгорание медицинских сотрудников и его диагностика // Неонатология : Новости. Мнения. Обучение. 2022. Т. 10, № 2 (36). С. 55–60.
2. Maslach, C. Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // Job Stress and Burnout. – Beverly Hills / London / New Delhi : Sage Publications, 1982. P. 29–40.
3. Денисов, А. А., Терехина, Н. В. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности (на примере эмпирического исследования эмоционального выгорания у стоматологов) // Развитие личности. 2015. № 4. С. 98–112.
4. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : «Прогресс», 2001. 480 с.
5. Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И. Конфликтология. СПб. : Питер, 2018. 528 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ОПТИМИЗМА С МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ

Я. А. Головарёва

yanag03@gmail.com

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и оптимизма с межличностной зависимостью у студентов. Между группами с различным уровнем зависимости обнаружены статистически значимые различия в средних значениях эмоционального интеллекта и оптимизма. Корреляционный анализ указал на потенциал развития эмоционального интеллекта и оптимизма у студентов в профилактике формирования межличностной зависимости. Полученные результаты могут быть использованы практикующими психологами в ходе коррекции зависимого поведения молодежи, а также для понимания потребностей зависимых от отношений студентов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; оптимизм; межличностная зависимость; студенты.

Общественные трансформации, происходящие в современном обществе, способны провоцировать у молодежи развитие дезадаптивных поведенческих паттернов, не связанных с употреблением психоактивных веществ. В связи с этим актуальными остаются исследования межличностной зависимости, представляющей собой особую форму поведенческой аддикции, базирующейся на специфической и интенсивной связи между участниками взаимоотношений [1].

В медико-биологическом подходе **межличностную зависимость** принято рассматривать как расстройство, характеризующееся дезадаптивным паттерном поведения и отношений, проявляющимся в чрезмерной фиксации на окружающих людях или конкретном индивиде [2]. Однако межличностная зависимость – это многоаспектное явление, которое может проявляться в различных типах отношений. Важнейшей особенностью этой зависимости является острая потребность в поддержке и помощи со стороны значимого другого, сопряженная с выраженной неспособностью к автономному поведению.

Негативные последствия межличностной зависимости зачастую недооцениваются. Она может отрицательно повлиять на личностное развитие, построение жизненного сценария, выбор партнера, профессиональное развитие и психическое состояние индивида, стабилизировать которые можно за счет определенных ресурсов личности, например, оптимизма.

В современной психологии оптимизм рассматривается преимущественно с позиций диспозиционного подхода. Согласно ему, *оптимизм* представляет собой устойчивую личностную характеристику, отражающую позитивные ожидания индивида относительно благоприятного исхода будущих событий [3]. Оптимистично настроенные индивиды склонны верить в возможность достижения своих целей, в том числе и в части взаимоотношений с другими, и в части собственных возможностей.

Оптимизм повышает устойчивость личности к воздействию стрессогенных факторов и снижает риск возникновения межличностной зависимости [4]. При этом оптимизм является естественным следствием развитого умения понимать и управлять эмоциями, то есть развитого *эмоционального интеллекта* индивида.

Так, развитый межличностный эмоциональный интеллект обеспечивает возможность адекватного восприятия и понимания окружающих, эффективного общения с другими. Высокий внутриличностный эмоциональный интеллект позволяет лучше понимать свои желания и возможности, обращая внимание на позитивные стороны жизни, рассматривать препятствия как временные.

Исследование. Выборку исследования составили 122 студента (93 девушки и 29 юношей) различных белорусских ВУЗов. Возраст участников варьировался от 18 до 25 лет. Средний возраст – 20,9 лет.

Для сбора эмпирических данных использовались методики:

1. Опросник межличностной зависимости (IDI) R. Hirschfeld; адаптированный О. П. Макушиной [5];
2. Опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина [6];
3. Шкала оптимизма и активности (AOS) I. Schuller, A. Comunian; адаптированная Н. Е. Водопьяновой и М. Штейн [7].

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v. 22 с применением однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), H-критерия Краскела-Уоллиса и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

По величине интегрального показателя межличностной зависимости вся выборка была разделена на группы по уровню межличностной зависимости: низкий уровень обнаружен у 30 человек (или 24,6%), средний – у 72 человек (или 59%) и высокий – у 20 человек (или 16,4%).

Средние значения компонентов эмоционального интеллекта у студентов с различным уровнем межличностной зависимости представлены на рисунке. Как следует из рисунка, основной вклад в низкие значения эмоционального интеллекта вносят внутриличностный эмоциональный интеллект и управление эмоциями.

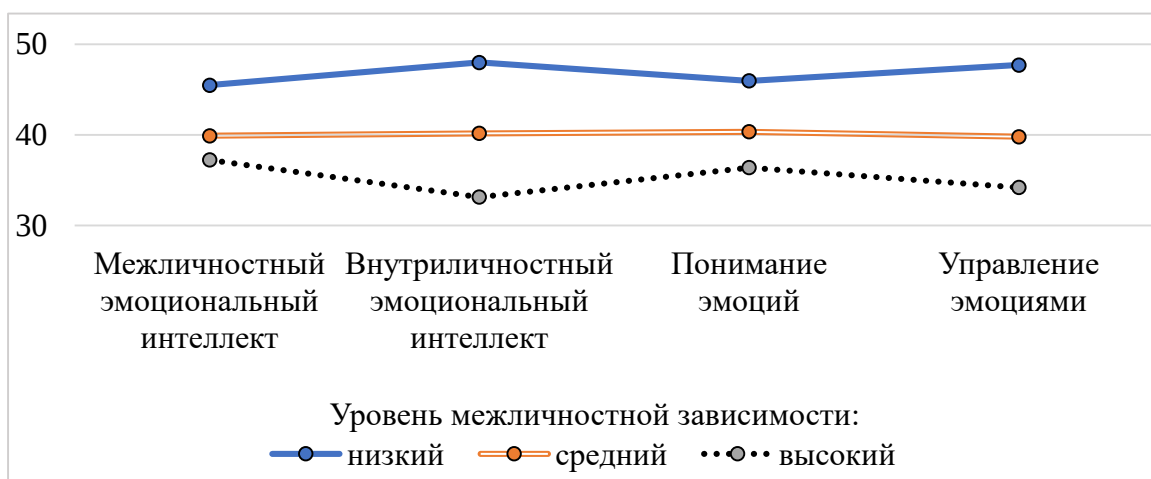

Рисунок – Средние значения шкал эмоционального интеллекта у студентов с различным уровнем межличностной зависимости

В ходе однофакторного дисперсионного анализа обнаружены достоверные различия средних значений во всех по показателям:

- межличностный эмоциональный интеллект ($F=5,589$; $p = 0,005$);
- внутриличностный эмоциональный интеллект ($F=20,515$; $p < 0,001$);
- понимание эмоций ($F=8,712$; $p < 0,001$);
- управление эмоциями ($F=20,722$; $p < 0,001$).

У склонных к межличностной зависимости студентов на фоне сильной потребности в эмоциональной поддержке и одобрении других зафиксированы показатели внутриличностного эмоционального интеллекта ниже, чем в других группах. Такие студенты склонны игнорировать и/или подавлять собственные эмоции в пользу интересов других. Можно сказать, что страх быть покинутыми или отвергнутыми затрудняет понимание и управление собственными эмоциями. В дальнейшем это может привести к проблемам с самосознанием.

Кроме того, достоверные различия между группами студентов с различным уровнем межличностной зависимости обнаружены и в средних значениях оптимизма ($H=26,212$ при $p<0,001$). Так, у более склонных к межличностной зависимости студентов менее выражен оптимизм, по сравнению с молодыми людьми со средним и низким уровнем зависимости. Пессимисты достоверно сильнее нуждаются в эмоциональной опоре на других ($p<0,001$), чем оптимисты и реалисты, так как испытывают страх и тревогу из-за негативного взгляда на мир. Недостаток социальных связей и изоляция приводят в дальнейшем трансформируется в зависимость от межличностных отношений. Они вынуждены искать сторонней поддержки, чтобы обрести чувство стабильности.

Высокий уровень эмоционального интеллекта сопровождается высокими значениями оптимизма ($p=0,009$). Студенты с развитым эмоциональным интеллектом, как правило, обладают хорошими навыками межличностного общения, что позволяет им в дальнейшем строить и поддерживать здоровые отношения. Умение распознавать и понимать свои собственные эмоции способствует адекватному и позитивному восприятию себя и своих возможностей, а также росту оптимизма.

В ходе корреляционного анализа между показателями эмоционального интеллекта, оптимизма и межличностной зависимостью, выявлены следующие статистически значимые взаимосвязи (таблица).

Таблица

Значимые взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта, оптимизма и межличностной зависимости

Название шкалы	Эмоциональная опора на других	Неуверенность в себе	Межличностная зависимость
Межличностный эмоциональный интеллект	—	–0,400***	–0,192**
Внутриличностный эмоциональный интеллект	–0,419***	–0,427***	–0,500***
Понимание эмоций	–0,225**	–0,381***	–0,295**
Управление эмоциями	–0,307**	–0,523**	–0,446**
Общий показатель эмоционального интеллекта	–0,284**	–0,509**	–0,417**
Оптимизм	–0,511**	–0,362**	–0,453**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляция значима на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Обратная связь эмоционального интеллекта и оптимизма с межличностной зависимостью, а также ее компонентами свидетельствует, что лучшее понимание и управление собственными (в первую очередь) эмоциями и чувствами способствует снижению межличностной зависимости и повышению уверенности в себе. Оптимизм, положительно связанный с эмоциональным интеллектом ($r = 0,414$, $p < 0,001$), позволяет индивиду эффективно использовать свои сильные стороны, что снижает потребность в чрезмерной опоре на других.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зависимым от межличностных отношений студентам характерны более низкие показатели эмоционального интеллекта и оптимизма, в отличие от не склонных к межличностной зависимости студентов. Здоровый оптимизм и развитый эмоциональный интеллект способствуют установлению гармоничных отношений среди молодежи. Проведение просвещения относительно характера взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, оптимизмом и

межличностной зависимостью может способствовать повышению психологического благополучия студентов.

Библиографические ссылки

1. *Каменский, П. И.* Взаимосвязь типов межличностной зависимости с различными копинг-стратегиями в ранней взрослости // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие : мат-лы V Междунар. научн. конф. Кострома, 2019. Т. 2. С. 38–42.
2. *Кочарян, А. С. и др.* Психологические модели зависимых расстройств // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія : Психологія. 2004. № 617. С. 123–126.
3. *Григорьева, Е. П.* Диспозиционный оптимизм и эмоциональное прогнозирование // Обеспечение безопасности жизнедеятельности : проблемы и перспективы : мат-лы X междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых курсантов, г. Минск, 7-8 апр. 2016 г. Минск, 2016. С. 47–48.
4. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств / пер. на русс. яз.; под ред. Ю. Л. Нуллера, С. Ю. Циркина. СПб. : АДИС, 1994. 303 с.
5. *Макушина, О. П.* Опросник межличностной зависимости Р. Гиршфильд // Психология общения : энциклопед. словарь. М. : Когито-Центр, 2011. С. 530.
6. *Люсин, Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн : новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект : от процессов к измерениям. М. : Ин-т психологии РАН, 2009. С. 264–278.
7. *Водопьянова, Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с.

СПЕЦИФИКА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ И МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ

А. В. Грыцкевич

agrytskevich@bk.ru

*Научный руководитель – К.И. Татарко, кандидат психологических наук,
доцент*

В статье представлены результаты исследования мотивационно-ценностной сферы студентов как корреляты академической прокрастинации. Данная сфера личности представляется значимой в связи с тем, что она является важным регулятором всей деятельности человека, в том числе учебной и профессиональной деятельности студента. В литературе представлена масса исследований связи уровня прокрастинации и мотивации, прокрастинации и смысловых ориентаций, однако тема связи с ценностными ориентациями не разработана в достаточной степени. Обнаружены множественные связи отдельных ценностей с частотой прокрастинации и характеристиками, чертами личности студентов-прокрастинаторов. Студенты, привыкшие действовать самостоятельно и решительно, а также те, которые не боятся общения с преподавателем, прокрастинируют меньше. Чем выше в иерархии мотивов личности находятся коммуникативные мотивы, тем ниже частота академической прокрастинации. Студенты, высоко ценящие широту знаний и высокий культурный уровень, лучше контролируют процесс своей учебной деятельности. Полученные результаты о взаимосвязи частоты прокрастинации с мотивами и ценностями личности могут быть использованы в работе со студентами с целью повышения качества усваиваемых ими знаний и умений, улучшения их психоэмоционального состояния. Выявлены взаимосвязи между выраженностью коммуникативных мотивов и ценности независимого уверенного поведения с уровнем академической прокрастинации

Ключевые слова: академическая прокрастинация; мотивационно-ценностная сфера; мотив; ценность; студенты.

В современном мире студенты часто сталкиваются с проявлениями академической прокрастинации.

Академическая прокрастинация является одним из наиболее изученных видов прокрастинации. Академическая прокрастинация – это иррациональное откладывание выполнения заданий и принятия решений до наступления чувства субъективного дискомфорта [1]. Она изучается такими исследователями как Fleet G. L., Moonaghi H. K., Pereira L., L. Solomon, E, D. Rothblum C., Варваричева Я. И., Зверева М. В., Попова Д. И. и др.

Прокрастинаторов можно разделить на пассивных и активных. Активные прокрастинаторы сознательно выбирают откладывание заданий с целью экономии времени и сил на их выполнение. Пассивные же мало уве-

ренны в своих силах, в меньшей степени используют эффективные стратегии обучения. Именно пассивная форма прокрастинации ухудшает способность справляться с академическими задачами [2].

Студенты с низким уровнем прокрастинации способны эффективно организовать свою работу над академическими заданиями. Они прикладывают волевые усилия, проявляют настойчивость и упорство при выполнении задач [3].

Для студентов с высоким уровнем академической прокрастинации характерны неорганизованность, забывчивость, лень. Такие студенты имеют ориентацию на настоящее, испытывают сложности с контролем и организацией своей деятельности. Они часто отличаются недобросовестным отношением к работе – как правило, более совестливые люди склонны выполнять работу добросовестно ради избежания эмоционального дискомфорта [3].

Ранее были проведены исследования взаимосвязи академической прокрастинации с самооценкой (Milgram N. A.), тревожностью (Лученкова М. А.), самоэффективностью (Тап С. Х.), саморегуляцией (Микляева А. В.), уровнем интеллекта (Варваричева И. Я.), психологическими защитами (Ивутина Е. П.).

В исследованиях прокрастинации все её разновидности очень часто сводятся к мотивационным переменным. Изучение прокрастинации в связи с мотивационно-ценностной сферой личности представляется важным из-за прямого влияния содержания этой сферы на академические успехи студентов и в будущем на их отношение к профессии, а значит на профессиональное определение, становление и развитие [4; 5].

Мотивационно-ценностная сфера является устойчивым многокомпонентным личностным образованием, состоящим из двух взаимосвязанных и взаимообусловленных частей – мотивационным и ценностно-ориентационным. Она включает в себя мотивы, ценности, потребности, цели, карьерные ориентации [4; 6]. Исследования показывают, что прокрастинация более негативно сказывается на результатах учебной деятельности в том случае, если она в малой степени соответствует их ценностным ориентациям и целям [4].

В настоящем исследовании приняли участие 46 студентов гуманитарных специальностей. Использовались методики “Шкала оценки академической прокрастинации PASS (Procrastination Assessment Scale for Students by L. Solomon & E. Rothblum)” в адаптации М. В. Зверевой; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; методика “Изучение мотивов учебной деятельности студентов” А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Д. Бадмаевой.

Согласно результатам исследования, для 39,1 % респондентов характерна высокая частота академической прокрастинации. Такие студенты в большинстве случаев откладывают академические задания (написание курсовой работы, подготовка к итоговой аттестации) на «последний» момент. 34,8 % респондентов обладают средним уровнем прокрастинации и лишь 26 % студентов демонстрируют низкую частоту академической прокрастинации. Для таких студентов характерно выполнение полученных заданий и написание курсовых работ без промедления и откладывания.

Использованная нами методика изучения академической прокрастинации позволяет определить выраженность факторов прокрастинации и личностных характеристик прокрастинаторов (рисунок).

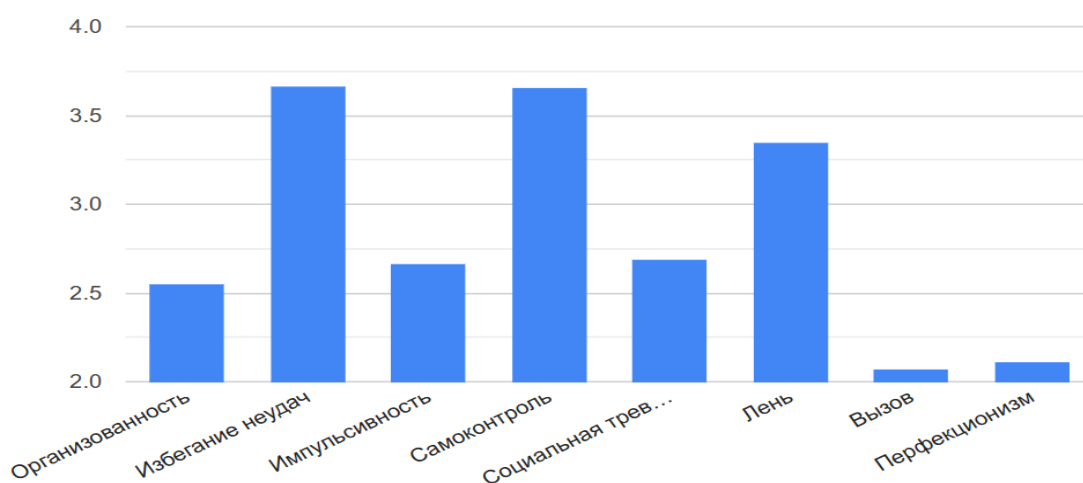

Рисунок – Выраженность факторов прокрастинации и личностных характеристик прокрастинаторов

Наиболее значимыми для студентов мотивами являются профессиональные мотивы (39,1%) и мотивы творческой самореализации (32,6%), занявшие 1 и 2 места в иерархии мотивов соответственно. На последних двух местах оказались мотивы избегания неудач (43,5%) и мотивы престижа (39,1%). Средние позиции заняты коммуникативными (23,9%), социальными (32,6%) и учебно-познавательными (34,8%) мотивами.

Для таких студентов характерно стремление к развитию навыков и умений профессиональной деятельности, стремление к совершенствованию своих способностей путём активного участия в выполнении творческих учебных заданий. В то же время, для студентов не характерно стремление к успеху и превосходству над другими людьми, избегающее поведение относительно выполнения академических заданий.

Значимыми терминальными ценностями для студентов являются следующие: здоровье (68,2%), материально обеспеченная жизнь (61,4%), любовь (54,5%), активная деятельная жизнь (52,3 %), наличие хороших и верных друзей (52,3%), жизненная мудрость (47,7%), интересная работа (43,2%). Именно эти ценности в значительной степени определяют вектор жизнедеятельности человека, представляя собой притягивающие цели. Студенты стремятся к поддержанию своего физического и психического здоровья, отсутствию материальных проблем. Инструментальные ценности означают средства, использование которых может привести человека к ценностям-целям. К числу значимых относятся следующие ценности: здоровье (67,4%), жизнерадостность (60,4%), независимость (53,5%), образованность (44,2%), твёрдая воля (44,2%), широта взглядов (41,9%).

В результате корреляционного анализа нами обнаружена значимая обратная корреляция ($r=0,002$) частоты прокрастинации и инструментальной ценности «Независимость» ($-0,463$). Чем более значима ценность «Независимость», тем ниже частота академической прокрастинации. Это означает, что студенты, ориентированные на самостоятельную и решительную деятельность, обладают низким уровнем прокрастинации. Те студенты, для которых такой образ поведения не является приоритетным, характеризуются высоким уровнем академической прокрастинации, т. е. часто откладывают выполнение учебных заданий и испытывают весь спектр неприятных эмоций, выполняя эту работу в последний момент.

Частота прокрастинации статистически значимо ($p = 0,046$) отрицательно связана с коммуникативными мотивами ($-0,296$). Чем выше в иерархии мотивов личности находятся коммуникативные мотивы, тем ниже частота академической прокрастинации. Студенты, стремящиеся расширять свой круг общения и иметь прочные связи с окружающими, откладывают учебные задания несколько реже тех, у кого не так выражена потребность в общении. Такие студенты не боятся задавать вопросы преподавателю, из-за чего страх перед трудным новым заданием становится незначимым, а сложности в ходе работы над учебным заданием преодолеваются быстрее.

Фактор «Вызов» статистически значимо положительно коррелирует с ценностью «Рационализм» (0,301), «Удовольствие» (0,304).

Чем более выражен фактор «Вызов», тем более значимыми являются ценности «Рационализм» и «Удовольствие». Студенты, использующие промедление как активатор ценят необременяющий досуг и беззаботное времяпрепровождение. Некоторые активные прокрастинаторы действительно получают удовольствие от задержки выполнения учебных задач. Они используют рациональное мышление, приходя к выводу о том, что не

обязательно выполнять полученную работу сразу, ведь сейчас можно заняться чем-то другим.

Таким образом, академическое прокрастинация является распространенным среди студентов феноменом, и ее частота напрямую влияет на успеваемость, личную удовлетворенность и эмоциональное состояние студентов. Помимо самоэффективности, саморегуляции и самооценки, как корреляты академической прокрастинации можно рассматривать мотивационно-ценностную сферу студентов. Выраженные профессиональные, коммуникативные, мотивы творческой реализации сопряжены с более низким уровнем академической прокрастинации. Также в зависимости от ценностей-средств (независимость, например), студенты будут откладывать дела на последний момент с различной частотой.

Прежде всего, полученные результаты могут быть использованы в области педагогической психологии для воспитания, культивирования определенных мотивов учебной деятельности и ценностей, которые должны быть выработаны в сензитивный для этого период и позволят этой деятельности быть более эффективной. Также возможно использование для работы со студентами для снижения влияния академической прокрастинации на качество получаемого образования (к примеру, поиск смысла деятельности).

Библиографические ссылки

1. *Solomon L., Rothblum E. D.* Academic procrastination: frequency and cognitive-behavioral correlates // *Journal of Counseling Psychology*. 1984. № 31(4). P. 503–509.
2. *Ковылин, В. С.* Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013. № 2(2). С. 22–41.
3. *Кожевникова О. В., Шкляева Е. П.* Психологические предикторы склонности субъекта к академической прокрастинации // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2017. №4. С. 451–455.
4. *Толстых Л. Р., Гольберт Е. В.* Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения // *Психолог*. 2023. №1. С. 24–31.
5. *Бадмаева, Н. Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2004. 280 с.
6. *Лавринович Т. М.* Особенности ценностно-мотивационной сферы личности будущих психологов на разных этапах процесса их профессионализации // *Психология. Психофизиология*. 2014. №4. С. 27–36.
7. *Кормачева И. Н.* Академическая прокрастинация как элиминация учебной активности // *Психология человека в образовании*. 2021. №1. С. 61–70.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ СТУДЕНТАМИ, СКЛОННЫМИ К МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

А. С. Гулевич

nastaygulevich00@gmail.ru;

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

В статье описывается взаимосвязь переживания одиночества и межличностной зависимости с учетом характеристик близких отношений – тревожности и избегания близости. 135 студентов белорусских ВУЗов приняли участие в исследовании с гипотезой о том, что сформированные в детстве деструктивные модели поведения в близких отношениях увеличивают риск переживания одиночества и зависимости в межличностных отношениях во взрослом возрасте. Установлено, что тревожные в близких отношениях студенты на фоне острого переживания одиночества как негативного чувства более склонны к межличностной зависимости. Результаты исследования будут полезны психологам при организации работы по профилактике и преодолению межличностной зависимости.

Ключевые слова: переживание одиночества; межличностная зависимость; близкие отношения; тревожность; избегание близости; студенты.

Личностью одиночество может переживаться по-разному: как открывающее возможности для самопознания или как погружающее в изоляцию и отчуждение. Фокусировка на конструктивных психологических аспектах одиночества и переосмысление деструктивных имеет решающее значение для субъективного благополучия индивида [1].

Опосредуется одиночество в первую очередь представлениями о наличии и качестве близких отношений, поэтому можно испытывать одиночество, даже находясь в близких отношениях с партнером [2]. Согласно Е. А. Манаковой, *переживание одиночества* – «негативное социально-психологическое переживание, возникающее в результате неадекватного удовлетворения социальных потребностей личности, следствием которого является ощущение себя покинутым, ненужным; при этом происходит утрата эмоциональной связи с окружающими» [3, с. 3].

Субъективное отношение индивида к одиночеству и непосредственно переживание данного чувства может повлиять на развитие личности в каждом возрастном периоде [4; 5]. Ранняя взрослость является одним из наиболее важных факторов возникновения и развития одиночества, так как на данном этапе формируется как профессиональная, так и личностная идентичность, появляются новые ценности, меняется мировоззрение,

а также происходит принятие ответственности за происходящее в собственной жизни. Кроме того, в период ранней взрослости интенсивно выстраиваются близкие отношения с окружающими.

В случае успешного построения близких взаимоотношений у индивида укрепляются чувства безопасности и понимания, необходимые еще с детства [6]. Негативный детский опыт близких отношений чреват возникновением во взрослой жизни трудностей с построением здоровых, **близких отношений**, которые строятся преимущественно по двум моделям:

- поведение, характеризующееся *тревожностью в отношениях*. Индивид растворяется в партнере, «цепляясь» за отношения, в которых он «чувствует безопасность и опору»;

- поведение, характеризующееся *избеганием эмоциональной близости в отношениях*. При этом в приоритете оказываются собственные интересы, развлечения и карьера, а в отношении часто сменяемых партнеров свойственна некоторая сдержанность [7].

Вышеописанные модели поведения во взрослом возрасте носят стрессогенный характер из-за отсутствия чувства безопасности, а недостаток глубины и эмоциональной близости в отношениях ведут к переживанию одиночества. При угрозе разрыва отношений с партнером, негативные переживания субъекта усиливаются, что влияет на его эмоциональное состояние и усиливает действие деструктивной модели.

Длительное нахождение с партнером в близких отношениях придает индивиду черты зависимой личности (тревожность, ригидность, конформность) [2]. Одержимость другим человеком характеризует **межличностную зависимость**, довольно распространенную среди молодежи и деструктивную, так как приводит к травмированию личности как в физическом, так и в эмоциональном плане [8].

Несоответствие ожиданий и действительности чувства зависимого человека отличаются амбивалентностью. С одной стороны, он стремится удержать партнера любой ценой, с другой стороны, испытывает враждебность к объекту зависимости. Из-за неспособности установить границы между собой и другими индивиды, склонные к межличностной зависимости, оказываются неспособными к реальной оценке окружающих [1] и к выстраиванию близких отношений. Изолируя себя от окружающего мира и игнорируя социальные контакты, зависимые молодые люди чувствуют себя отчужденно, полагая, что их никто не понимает и не принимает.

Подобное поведение становится привычной внутренней моделью, переживаемой как одиночество. Оно субъективно воспринимается личностью как негативное чувство, хотя при разрыве отношений чувства свободы и облегчения не возникает. Наоборот, человек начинает испытывать еще больший дискомфорт, вынуждающий возобновить отношения. Как

итог, образуется замкнутый круг: потребности в принятии и безопасности не удовлетворяются, индивид теряет собственное «Я», пытаясь добиться признания от партнера, что сказывается на его эмоциональном состоянии и выражается в первую очередь в чувстве одиночества.

Исследование. В исследовании приняли участие 135 студентов в возрасте от 17 до 24 лет. Среди них 54 юноши и 81 девушка. Сбор эмпирических данных проводился с использованием методик:

- «Опросник переживания одиночества» Е. А. Манаковой;
- «Опыт близких отношений» К. Бреннана и Р. К. Фрейли (в адаптации Т. В. Казанцевой);
- «Тест на межличностную зависимость» Р. Гиршфильда (в адаптация О.П. Макушиной).

В результате корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена установлено следующее.

При стремлении к поиску опоры и поддержки от других, потребности в одобрении и принятии, то есть в эмоциональной опоре на других, ***одиночество чаще переживается как негативное чувство*** ($\rho=0,448$ при $p<0,001$). Такие студенты нуждаются в близких людях, поэтому боятся остаться одни и одиночество субъективно воспринимают в негативном ключе.

Студенты, испытывающие тревогу в отношениях, сильнее нуждаются в эмоциональной опоре и поддержке ($\rho=0,455$ при $p<0,001$). Таким личностям важна поддержка и принятие от значимого другого. Постоянно находясь в близких, доверительных отношениях, они удовлетворяют данную потребность. Однако это лишь усиливает их тревогу по поводу потери значимого партнера, а также недостаточного внимания и поддержки.

Высокая тревожность в отношениях связана с более интенсивным переживанием одиночества ($\rho=0,207$ при $p=0,016$). Это можно объяснить тем, что люди с высокой тревожностью, боясь остаться одни, переживают, что партнер их разлюбит и бросит. Им важно постоянно находиться в отношениях, чувствуя себя таким образом принятыми.

Помимо этого, выявлена прямая связь между тревожностью в отношениях и межличностной зависимостью ($\rho=0,575$ при $p<0,001$), что свидетельствует об избыточной фокусировке на отношениях и преувеличенной роли партнера. ***Склонные к межличностной зависимости студенты снижают свою тревогу в близких отношениях***, чрезмерно сближаясь с партнером. Боязнь не оправдать ожидания последнего и быть покинутым движет склонной к зависимым отношениям и тревожной личностью, которая буквально сама «растворяется в отношениях» и одновременно нарушает личные границы партнера. Такие личности чувствуют себя беспомощными и несамостоятельными, постоянно нуждаются в одобрении и

принятии. Индивиды активно стремятся доказать свою значимость и необходимость не столько для партнера, сколько для самого себя.

Таким образом, одержимость партнером и утрата собственного «Я» ведут к поверхностности в близких отношениях и к переживанию одиночества как негативного чувства. Студенты, склонные к межличностной зависимости, снижают тревожность путем активной деятельности по поддержанию близких отношений, чтобы получить признание и избежать одиночества. Результаты исследования будут полезны практикующим психологам при организации работы по профилактике и преодолению межличностной зависимости.

Библиографические ссылки

1. *Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества : структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.
2. *Mikulincer, M., Shaver, P. R.* An Attachment Perspective on Loneliness // *The Handbook of Solitude.* John Wiley & Sons, 2014. P. 34–50.
3. *Манакова, Е. А.* Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 149–171.
4. *Перлман, Д., Пепло, Л. Э.* Теоретические подходы к одиночеству // *Лабиринты одиночества : Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского.* М. : Прогресс, 1989. С. 152–168.
5. *Чевтаева, А. В.* Особенности одиночества женщин ранней взрослости // *Вестник науки.* Т. 1, № 2 (23). С. 96–98.
6. *Эриксон, Э.* Детство и общество. СПб. : Ленато, 2006. С. 181-183.
7. *Григорова, Т. П.* Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* 2014. № 6. С. 271–277.
8. *Хмарук, И. Н.* Патологическая любовь как форма болезни зависимого поведения // Бехтерев В. М. и современная психология : мат-лы докладов на Росс. науч.-практ. конф. Казань : Центр инновационных технологий, 2005. Вып. 3, т. 2. С. 316–321.

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ У ЛИЦ С ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Э. С. Еленская

Yelenskaya_ES@mail.ru;

Научный руководитель – Е. И. Климушко, старший преподаватель

В данной статье исследуется характер дисфункциональных убеждений у лиц с пограничным расстройством личности (ПРЛ). Основной целью работы является выявление преобладающих дисфункциональных убеждений у лиц с ПРЛ и их отличия от лиц без ПРЛ. Объектом данной работы являются дисфункциональные убеждения. Предмет – взаимосвязь дисфункциональных убеждений с развитием пограничного расстройства личности.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности; дисфункциональные убеждения; когнитивные установки; саморазрушающее поведение, недоверие, защита.

Изучение дисфункциональных убеждений у лиц с пограничным расстройством личности (ПРЛ) является актуальной задачей современной клинической психологии и психотерапии. Пограничное расстройство личности характеризуется эмоциональной нестабильностью, нарушениями межличностных отношений и импульсивным поведением, что оказывает значительное влияние на качество жизни клиентов. Одним из ключевых аспектов, определяющих течение и проявления данного расстройства, являются дисфункциональные когнитивные установки, которые могут способствовать формированию патологических моделей поведения.

Понимание природы и структуры этих убеждений позволяет глубже осветить механизмы возникновения деструктивных эмоциональных реакций, саморазрушающего поведения и трудностей в социализации. Данный аспект является особенно важным в контексте разработки и применения когнитивно-поведенческих терапевтических методов, направленных на изменение иррациональных убеждений и повышение адаптивности пациентов.

В когнитивной психотерапии термин «дисфункциональные убеждения» означает идеи или установки, которые формируются на основе неправильных ценностных ориентаций. Эти убеждения часто являются негативными и могут быть неосознанными. Они определяют содержание наших мыслей, эмоций и поведения.

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) — это сложное и многофакторное психическое расстройство, характеризующееся эмоциональной нестабильностью, импульсивностью, нарушениями межличностных отношений и расстройством самовосприятия. Согласно **DSM-5**, основные симптомы ПРЛ включают:

Эмоциональная нестабильность – резкие перепады настроения, высокая чувствительность к стрессовым ситуациям.

Импульсивность – рискованное поведение, самоповреждения, злоупотребление психоактивными веществами.

Нестабильные межличностные отношения – колебания от идеализации к обесцениванию партнеров.

Страх покинутости – чрезмерные реакции на предполагаемое или реальное отвержение.

Нарушение идентичности – нестабильный образ себя, ощущение внутренней пустоты.

ПРЛ — это расстройство, обусловленное комплексом биологических, психологических и социальных факторов. Генетическая предрасположенность и нарушения работы мозга делают человека более уязвимым к расстройству, в то время как травматические события детства и неадекватная эмоциональная среда способствуют его проявлению. Когнитивные искажения и низкая стрессоустойчивость закрепляют симптомы, делая ПРЛ хроническим и трудным для коррекции.

Дисфункциональные убеждения — это устойчивые, иррациональные когнитивные установки, которые влияют на восприятие человеком себя, других людей и окружающего мира. Они формируются в процессе социализации, личного опыта и, в ряде случаев, под влиянием травматических событий.

Согласно когнитивно-поведенческой теории (Аарон Бек, Джеффри Янг), дисфункциональные убеждения подразделяются на несколько типов:

О себе: «Я недостаточно хорош», «Я никому не нужен»;

О других: «Люди опасны», «Никому нельзя доверять»;

О мире: «Жизнь несправедлива», «Меня всегда предадут».

Эти убеждения формируют автоматические негативные мысли, искажения мышления (например, дихотомическое мышление — «все или ничего», катастрофизация) и приводят к неадаптивному поведению.

Лица с пограничным расстройством личности демонстрируют **специфический набор дисфункциональных убеждений**, которые подпитывают их эмоциональную нестабильность и трудности в отношениях. Исследования показывают, что у людей с ПРЛ часто встречаются следующие когнитивные схемы:

- Боязнь покинутости;
- Недоверие и ожидание предательства;
- Перфекционизм и страх неудачи;
- Самообвинение.

Эти убеждения приводят к импульсивным реакциям, сильной тревожности, нестабильным отношениям и самодеструктивному поведению. Более того, из-за когнитивных искажений (например, персонализации или чтения мыслей) пациенты с ПРЛ могут неправильно интерпретировать действия окружающих, что ведет к эмоциональным вспышкам и конфликтам.

В исследовании приняло участие 50 респондентов, 25 из которых имеют пограничное расстройство личности, и 25 здоровые в возрасте от 18 до 25 лет.

Эмпирическое исследование: количественный анализ данных, статистический анализ данных.

Опросник для диагностики пограничного расстройства личности (форма S). Методика представляет собой личностный опросник, разработанный на основе диагностических критериев пограничного расстройства личности согласно DSM-III-R и DSM-IV в 2012 году коллективом авторов (Т. Ю. Ласовская, С. В. Яичников, Ю. В. Сарычева, Ц. П. Короленко).

Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности (Personality Belief Questionnaire – Borderline Personality Disorder, PBQ-BPD), в адаптации А. М. Максимова, А. Б. Холмогорова (2011).

Теоретико-методологическим основанием исследования данной курсовой работы являются следующие подходы: *Теория Аарона Бека* — это психологическая модель, разработанная американским психиатром и психотерапевтом Аароном Беком в середине XX века. Эта теория сосредотачивается на когнитивных аспектах психопатологии, и в основе её лежит предположение о том, что наши мысли, убеждения и оценки могут влиять на наши эмоции и поведение.

Результаты анализа показали, что группы с диагнозом пограничного расстройства личности имеют статистически значимо более высокие значения на шкалах пограничного расстройства личности, недоверия, зависимости и защиты (шкалы опросника дисфункциональных убеждений), чем группы без этого диагноза. Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь между выраженностью симптомов ПРЛ и уровнем иррациональных когнитивных установок ($p < 0.01$). Напротив, у участников контрольной группы убеждения не были выражены в той же степени, а коэффициент корреляции между их показателями по тесту на ПРЛ и уровнем дисфункциональных убеждений оказался низким или статистически незначимым ($p > 0.05$).

Шкала недоверия: коэффициент корреляции: 0,623; значимость: $p < 0,001$.

Коэффициент корреляции 0,623 указывает на умеренную связь между этими переменными. Значение $p < 0,001$ говорит о статистической значимости этой связи.

Люди с ПРЛ часто испытывают сильные трудности в установлении стабильных и доверительных отношений, что связано с их тревогой о покидании, а также с установлением границ в межличностных отношениях. Повышенная недоверчивость у таких людей может быть следствием их переживаний по поводу предательства, неуверенности в других и возможной угрозы. Это может проявляться в высоких показателях на шкале недоверия. Высокая корреляция между результатами теста на ПРЛ и шкалой недоверия может отражать частые проблемы с доверием к окружающим и гиперчувствительность к возможным угрозам.

Шкала зависимости: коэффициент корреляции: 0,792; значимость: $p < 0,001$. Отрицательная корреляция между диагнозом и шкалой зависимости. Значение $p < 0,001$ говорит о статистической значимости этой связи.

Люди с ПРЛ могут испытывать выраженную зависимость от других людей из-за своей нестабильной самооценки и потребности в постоянном подтверждении ценности и значимости. Они часто боятся оставаться одни, что усиливает их зависимость от внешних источников подтверждения.

Шкала защиты: коэффициент корреляции: 0,824; значимость: $p < 0,001$. Коэффициент корреляции 0,824 указывает на очень сильную связь между этими переменными. Значение $p < 0,001$ говорит о статистической значимости этой связи.

У людей с ПРЛ часто встречаются механизмы защиты, такие как избегание или идеализация/девальвация, которые помогают справляться с интенсивными эмоциями и страхами. Это может проявляться в высоких баллах на шкале защиты. Например, защитное поведение в виде «все или ничего» может быть направлено на уменьшение внутренней боли, особенно в отношениях. Также защита может проявляться в избегании травмирующих ситуаций или в наличии «защитных барьеров» для уменьшения уязвимости.

Люди без пограничного расстройства личности в большей степени обладают эмоциональной стабильностью и зрелыми навыками адаптации, что снижает выраженность негативных когнитивных установок, таких как недоверие, зависимость и чрезмерная защита. У них меньше потребности в защите себя от реальных или воображаемых угроз, и они могут легче устанавливать доверительные отношения, что приводит к слабой корреляции с такими шкалами.

Результаты исследования подтверждают, что дисфункциональные убеждения играют значимую роль в механизмах ПРЛ и могут рассматриваться не только как его следствие, но и как один из ключевых факторов формирования расстройства. Данный вывод согласуется с когнитивно-поведенческой моделью, согласно которой иррациональные убеждения способствуют эмоциональной нестабильности, импульсивному поведению и нарушениям в межличностных отношениях. Кроме того, выявленная взаимосвязь подчеркивает важность психотерапевтического воздействия, направленного на коррекцию дезадаптивных убеждений у лиц с пограничным расстройством личности.

Библиографические ссылки

1. Бек, А., Фримен А. Когнитивная терапия пограничного расстройства личности // Журнал практической психологии и психоанализа, №2. 2003г.
2. Вельтищев, Д. Ю. Расстройства личности // Психиатрия: справочник практического врача / под ред. проф. А.Г. Гофмана. 3-е изд., перераб. и доп. М. : МЕДпресс-информ, 2017. С. 308-331.
3. Herman, J. L. Trauma and recovery. 1992.
4. Obneli, A. Shyness as a behavioural problem and its' effects on adolescents' social behaviour and academic achievements: implication for effective guidance and counselling // Journal of Teaching and Education. 2015. №4. Vol. 3. P. 275 – 284.
5. Paris, J. Treatment of borderline personality disorder: A guide to evidence-based practice. 2008.
6. Rogers, C. R. A Theory of Therapy, Personality, and Interpersonal Relationships: As Developed in the Client-Centered Framework // Psychology: A Study of a Science. Formulations of the Person and the Social Context. 1959. Vol. 3. P. 184–256.
7. Van der Kolk, B. A. The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma. 2014.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ ЗДОРОВЫХ И ИМЕЮЩИХ РАССТРОЙСТВА ПСИХИКИ ЛЮДЕЙ

О. В. Звёздочкина

zvezdochkinaolga5@mail.ru

*Научный руководитель – О. В. Конькова, кандидат психологических
наук, доцент*

Данное исследование было проведено с целью выявления представлений о психических расстройствах здоровых и имеющих расстройства психики людей. Исследование актуально и отражает отношение людей к немаловажной теме психического здоровья, а в частности к людям, имеющим психическое расстройство. Данная работа также обращается к проблеме стигматизации и борьбе с ней.

Ключевые слова: психическое здоровье; психическое расстройство; социальные представления; стигматизация.

В современном мире мы всё чаще подвергаемся стрессу. Сейчас как нельзя актуальна проблема здоровья. Психическое здоровье не является исключением. Более 970 млн. человек страдают психическими расстройствами по данным ВОЗ. После 2020 года эта цифра значительно увеличилась. Жизнь с психическим расстройством несомненно сложна. Люди с психическими расстройствами часто сталкиваются с одиночеством, страхом со стороны окружающих, недопониманием, отвержением, стигматизацией.

Стигматизацией принято считать предвзятое, негативное отношение к отдельному человеку или группе людей, связанное с наличием у него/них каких-либо особых свойств или признаков. Стигматизируемые люди сталкиваются с общим дискриминирующим настроением, который зачастую сопровождается сильной враждебностью. Известен также такой феномен как самостигматизация. Это совокупность реакций больного как на само заболевание, так и на статус «психически больного». Социальные последствия действия стигматизации проявляются в трудностях трудоустройства психически больного, сложностях с получением образования, получением социальной и медицинской помощи, с сокращением круга общения и т.д.

Целью исследования было выявить представления о психических расстройствах здоровых и имеющих расстройства психики людей.

Гипотеза предполагала, что существуют различия в представлениях о психических расстройствах у здоровых людей и людей с нарушениями психики.

Выборку составило 40 человек:

20 человек с психическими расстройствами (генерализованное тревожное расстройство, биполярное аффективное расстройство, шизотипическое расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство, депрессивное расстройство, шизофрения), из них 13 женщин и 7 мужчин, в возрасте от 18 до 45 лет, средний возраст составил 26 лет.

20 человек без психических расстройств, из них 15 женщин и 5 мужчин, в возрасте от 15 до 46 лет, средний возраст составил 23,2 года.

Для исследования представлений использовалась анкета. «Исследование представлений о психических расстройствах». Данная анкета была разработана для выявления представлений о психических расстройствах. В анкете есть как открытые, так и закрытые вопросы. В анкете представлены также три вопроса на ассоциации и три вопроса по типу незаконченных предложений. Открытые вопросы в анкете позволяют выявить суждения респондентов на заданную тему.

Ознакомимся поближе с ответами респондентов на заданные им вопросы.

На вопрос «Насколько, по Вашему мнению, опасен для окружающих человек, имеющий психическое расстройство?» и здоровые люди, и люди с расстройствами психики ответили одинаково: 70% опрошенных людей нейтрально относятся к людям с психическими расстройствами, 15% считают их дружелюбными, а 15% – опасными для общества. Результаты указывают на то, что существует некоторая степень толерантности и понимания со стороны общества по отношению к людям с психическими расстройствами, поскольку большинство опрошенных выразили нейтральное отношение к ним.

Респондентам был задан вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что большинство людей, страдающих от психического расстройства, скрывают своё заболевание?». Большинство (70%) здоровых людей считают, что индивиды с психическими расстройствами скрывают свое состояние, в то время как 15% опрошенных отрицают этот факт. С другой стороны, среди людей с психическими расстройствами 60% считают, что большинство таких людей скрывают свое заболевание, в то время как 35% не согласны с данным утверждением и 5% не могут определиться с ответом. Таким образом, результаты опроса показывают различия во взглядах между здоровыми людьми и теми, кто имеет опыт психических расстройств, на скрытность подобных заболеваний.

На вопрос о профессиональной сфере, подходящей для людей с психическими расстройствами большинство здоровых людей и людей с психическими расстройствами выбрали творческие профессии, лингвистику, науку и программирование, меньшее количество ответов получили такие

сферы деятельности, как сфера услуг, сельское хозяйство, торговое дело, медицина, военное дело.

Это может свидетельствовать о том, что такие профессии могут предоставить больше возможностей для самовыражения, творчества и развития у людей с психическими расстройствами. С другой стороны, сферы, наименее выбранные респондентами, такие как сельское хозяйство, торговое дело, медицина, и военное дело, могут быть менее привлекательными из-за потенциальных стрессовых ситуаций и особенностей работы в данных областях.

В анкету был включен вопрос «Какие эмоции Вы бы испытали, если рядом с Вами был человек, имеющий психическое расстройство?». Большинство здоровых людей чаще всего испытывают сочувствие и тревогу (55%), на втором месте чувство смятения (45%), страх испытывают 30% респондентов, 15% респондентов испытывают интерес и 10% ответили, что не испытывают никаких эмоций в отношении людей с психическими расстройствами. Люди с психическими расстройствами в большинстве испытывают интерес (55%), сочувствие (35%), тревогу (25%), страх (15%), 10% не испытывают никаких эмоций.

Интересное наблюдение заключалось в том, что люди с психическими расстройствами в три с половиной раза чаще здоровых испытывают интерес по отношению к людям с расстройствами и вообще не испытывают смятение, в то время как 45% здоровых людей выбрали в качестве ответа данный пункт. Ответы здоровых респондентов в гораздо большей мере имеют негативную окраску, они чаще всего испытывают тревогу, смятение и страх. Это подтверждает существование негативных установок по отношению к людям с психическими расстройствами и существование негативных стереотипов. Подробнее с ответами респондентов можно ознакомиться с помощью рисунка.

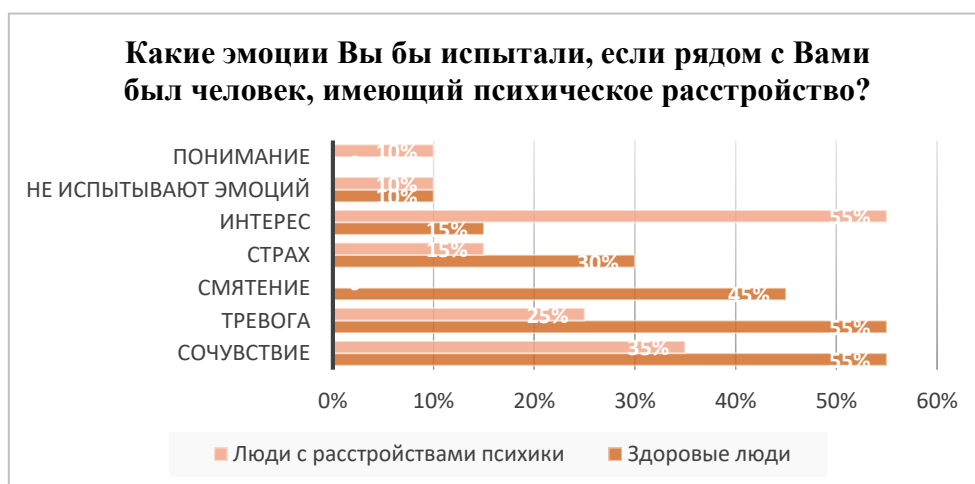

Рисунок — Какие эмоции Вы бы испытали, если рядом с Вами был человек, имеющий психическое расстройство?

Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как вы думаете, как много людей, имеющих психическое расстройство?» Люди с расстройствами психики (50% респондентов) отмечают, что в современном мире большое количество людей с психическими расстройствами. Здоровые же люди, наоборот, предполагают, что таких людей не очень много.

На вопрос «Как вы считаете, люди, имеющие психическое расстройство, могут быть успешными в жизни?» 95% людей из обеих групп ответили, что могут, однако были и те 5% которые ответили отрицательно.

Участникам также предлагали подобрать ассоциации к словосочетаниям «психическое здоровье» и «психическое расстройство».

Рассматривая ассоциации со словосочетанием «психическое здоровье» были получены следующие ответы:

Благополучие, баланс, стабильность (отмечают 70% здоровых людей и 60% имеющих расстройства психики людей).

30% здоровых людей ассоциируют данное понятие с отсутствием психических расстройств, осознанностью, нормой.

Рассматривая ассоциации со словосочетанием «психическое здоровье» были получены следующие ответы:

60% здоровых людей и 20% людей с психическими расстройствами представляют профессиональную помощь и лечение.

50% людей с расстройствами психики проводят ассоциацию с уязвимостью, недопониманием, борьбой и отчаянием.

20% здоровых людей и 20% людей с расстройствами психики ассоциируют данное словосочетание с негативными представлениями.

15% здоровых людей отмечают такие ассоциации, как тревожность, нереальность.

Ответы на вопрос о том, на чем основаны знания и убеждения человека насчет психических расстройств, можно представить следующим образом:

Знания и убеждения здоровых людей основаны на: знаниях, полученных от знакомых (85%) - что указывает на широкое использование социального опыта и обмена информацией в обществе; информации, полученной из Интернета (75%) - это свидетельствует о важности онлайн-ресурсов в распространении информации; личном опыте (30%) и научной литературе (30%); информации из СМИ (25%) и художественной литературы/фильмов (15%).

Знания и убеждения людей с расстройствами психики основаны на: личном опыте (80%); информации из Интернета (70%); знаниях, получен-

ных из научной литературы (55%) - что говорит о стремлении к самообразованию и пониманию собственного состояния; информации из СМИ, рассказов знакомых, художественных фильмов/книг (20%).

В результате исследования также выяснилось, что главным прототипом психического расстройства является шизофрения. 70% здоровых людей и 55% людей с психическими расстройствами имели такое представление. В обеих группах это расстройство воспринимается как одно из наиболее распространенных. На втором месте по частоте упоминания биполярное аффективное расстройство: 20% здоровых людей и 15% людей с психическими расстройствами представляют это расстройство.

Таким образом, в результате исследования различий в представлениях здоровых людей и людей с психическими расстройствами было выявлено, что несмотря на практически нейтральное отношение обеих групп к людям с психическими расстройствами, существуют различия в полученных портретах.

Здоровые люди чаще обращаются к негативной стороне расстройства. В эмоциональном плане они чувствуют тревогу и страх, но также и сочувствие к людям с психическими расстройствами. Несмотря на знания, полученные из интернета и научной литературы, люди по-прежнему подвержены влиянию стереотипов, хотя уже осознают это.

Портрет, составленный на основе мнений людей с психическими расстройствами, показывает, что такие люди сталкиваются с недопониманием, осуждением и недоверием окружающих из-за индивидуального восприятия и нестандартного поведения, вызванных расстройством. Они могут испытывать чувства одиночества, страха и тревоги, что при отсутствии поддержки может привести к социальной изоляции. Для таких людей важна поддержка и понимание со стороны окружающих, профессиональная помощь и социальная поддержка для улучшения их качества жизни.

Библиографические ссылки

1. *Дубровина, И. В.* Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности / И. В. Дубровина // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3 (20). С. 17—21.
2. *Лебедева, О. В.* Проблема соотношения понятий «психическое здоровье» и «психологическое здоровье» в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе / О. В. Лебедева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 33—37.
3. *Менделевич В. Д.* Клиническая и медицинская психология: учеб.пособие. 5-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2005. 432 с.
4. *Московичи, С.* Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер, 2006. 592 с.

5. *Серебряйская, А. Я.* Социально-психологические факторы стигматизации : дис. ... кандидата психол. наук : 09.00.04 / А.Я. Серебряйская ; Научный центр психического здоровья РАМН. М., 2005. 177 с.
6. *Boysen G.A., Isaacs R.A., Tretter L., Markowski S.* Evidence for blatant dehumanization of mental illness and its relation to stigma // *The Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 160. № 3. P. 346—356.
7. *Parcesepe A. M., Cabassa L. J.* Public Stigma of Mental Illness in the United States: A Systematic Literature Review // *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*. 2013. Vol. 40. P. 384—399.
8. *Sadler M. S., Meagor E. L., Kaye K. E.* Stereotypes of mental disorders differ in competence and warmth // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 74. № 6. P. 915—922.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ ДОВЕРИЯ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В. В. Зелёная

vilazelya@gmail.com

*Научный руководитель – С. М. Ширко, кандидат психологических наук,
доцент*

Исследования уровня доверия в романтических отношениях всё чаще становятся предметом изучения в современной психологической науке. Это обусловлено тем, что романтические отношения представляют собой важную сферу межличностного взаимодействия, оказывающую влияние на эмоциональное благополучие личности. Среди ключевых факторов, определяющих уровень доверия между партнёрами, можно выделить стили привязанности, коммуникативные стили общения, наличие общих ценностей, личностные характеристики и прошлый опыт индивидов. Актуальность данного исследования определяется тем, что снижение уровня доверия между партнёрами зачастую приводит к конфликтным ситуациям между ними, и в целом, к трудностям в построении межличностных отношений с окружающими.

Ключевые слова: уровень доверия; романтическая привязанность; романтические отношения; половые различия.

Феномен доверия является одной из современных проблем в романтических отношениях. Согласно исследованиям, низкий уровень доверия к партнёру формирует различного рода подозрения, повышает тревогу, вызывает негативные эмоциональные проявления, конфликты и ревность, следовательно, недоверие может содействовать развитию деструктивных отношений [1].

Основные направления исследований доверия в романтических отношениях включают изучение различных факторов, влияющих на формирование доверия. Среди ключевых показателей, определяющих уровень доверия между партнёрами, можно выделить стили привязанности, коммуникативные стили общения, наличие общих ценностей, личностные характеристики и прошлый опыт индивидов [2]. Исследования роли доверия в формировании и развитии романтических отношений показывают, что высокий уровень доверия связан с высокими показателями стабильности и сохранением длительных устойчивых отношений [3].

В контексте современных исследований рассматривается влияние нарушений доверия на романтические отношения. Низкие показатели доверия приводят к возникновению конфликтных ситуаций между партнёрами, а также снижают уровень удовлетворённости романтическими отношениями [4].

Методологическим основанием исследования сослужил подход к определению доверия А.Б. Купрейченко, согласно которому доверие – это психологическое состояние, в котором индивид верит в честность, надёжность и благонадёжность другого индивида или организации, основанное на убеждении в их способности и готовности выполнять свои обязательства и соблюдать договорённости [5]. Автор выделяет шесть уровней доверия к другим личностям: уровень единства, уровень надёжности, уровень приязни, уровень знания, уровень расчёта и уровень недостатков.

Цель исследования – установить половые различия в уровне доверия в романтических отношениях. В исследовании приняли участие 80 респондентов: 42 женщины и 38 мужчин, состоящих в романтических отношениях в возрасте от 20 до 55 лет. Процедура статистической обработки данных включала в себя сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Согласно данным, полученным по методике А.Б. Купрейченко [5], были рассчитаны средние значения по уровням доверия мужчин и женщин, которые представлены на рисунке. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у респондентов в большей степени преобладают уровни доверия «надёжность», «знание», «приязнь» и «расчёт».

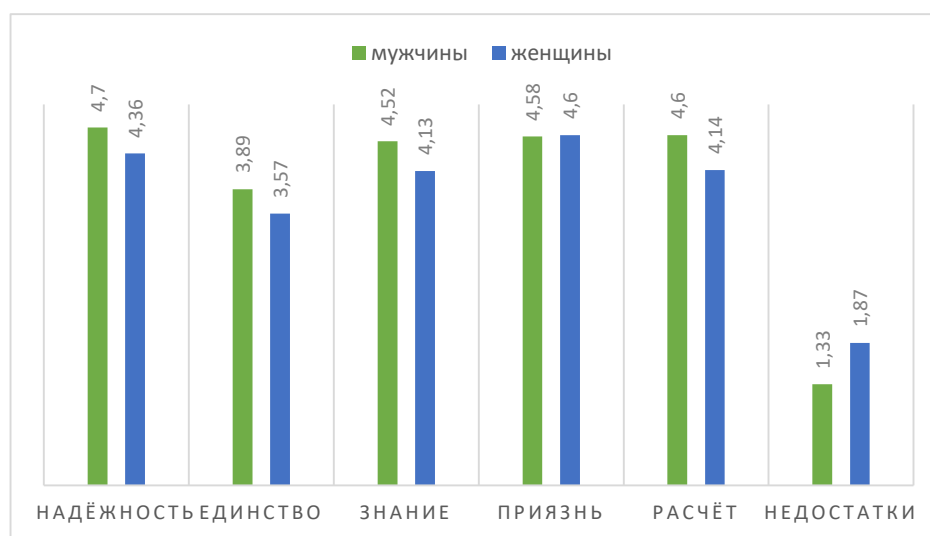

Рисунок – Различия в уровне доверия в романтических отношениях

Существуют статистически значимые различия между мужчинами и женщинами в уровне доверия «надёжность» ($p = 0,019$). Данные результаты позволяют нам установить, что в исследуемых нами романтических отношениях индивиды оценивают своих партнёров как отзывчивых и готовых прийти на помощь в любой момент, предложить свою поддержку [1]. Также для респондентов характерно безусловное эмоциональное принятие по отношению к своему партнёру, субъекты постоянно проявляют

взаимный интерес друг к другу. Индивиды хорошо знают своих партнёров их потребности, что помогает им избегать конфликтных ситуаций, недопонимания и взаимных упрёков. При этом, мужчины, в сравнении с женщинами, имеют более адекватный уровень ожиданий от партнёров в контексте романтических отношений [2].

Установлены статистически значимые различия в уровне доверия «единство» у мужчин и женщин ($p = 0,037$). Уровень доверия «единство», проявляющийся в представлениях партнёров об идентичности друг с другом, общности взглядов, целей, принципов и аспектов мировоззрения, представлен следующими показателями: у мужчин – $M=3,89$; $SD=0,608$, у женщин – $M=3,57$; $SD=0,561$. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что женщины не обладают высокой степенью совпадения со своим партнёром относительно интересов и взглядов на мир, однако, отстаивают схожие принципы и умеют совмещать свои интересы и интересы партнёра.

Полученные нами результаты подтверждаются результатами исследования Е.С. Полупановой [6]. Согласно автору, средние показатели по шкале «единство» свидетельствуют о том, что у партнёров в отношениях не происходит полного отождествления взглядов, целей и ценностей, однако, они умеют следовать интересам друг друга, находить компромиссы и всё же стараются находить общие взгляды на мир.

Существуют статистически значимые различия в уровне доверия «знание» ($p = 0,018$) у мужчин и женщин. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что мужчины в большей степени склонны доверять своему партнёру, способны предсказывать его поведение, рассчитывать на помощь и поддержку от партнёра в романтических отношениях [3]. Мужчины считают, что партнёр удовлетворяет все их потребности, заинтересован в их жизни, готов отстаивать их совместные интересы.

Выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами в уровне доверия «расчёт» ($p = 0,001$), а также в уровне доверия «недостатки» ($p = 0,000$). Следует констатировать, что средние значения по показателям уровня доверия «недостатки» в целом приближены к низким (мужчины – $M=1,87$; $SD=0,516$, женщины – $M=1,33$; $SD=0,264$). Однако, для женщин в нашем исследовании более характерны представления о партнёре как непонимающей и непредсказуемой личности в ситуациях, которые особенно важны для индивидов.

Статистически значимых различий в уровне доверия «приязнь» не выявлено ($p = 0,880$), что может свидетельствовать о том, что мужчины и женщины в равной мере испытывают к своему партнёру симпатию или любовь, эмоциональное принятие, уважение, а также склонны доброжелательно относиться к партнёру в романтических отношениях, независимо от ситуаций и обстоятельств.

Данные результаты подтверждаются результатами исследования Е.С. Полупановой [6], направленным на установление связи между уровнем доверия и удовлетворённости браком. В ходе исследования автором было выявлено, что для респондентов наиболее характерным являются проявления уровней доверия «надёжность», «знание», «приязнь» и «расчёт». Согласно автору, респонденты с высокими показателями уровней доверия «надёжность», «знание», «приязнь», «расчёт» воспринимают своего партнёра как надёжного, способного заступиться за их интересы, открытого и предсказуемого. Индивиды осознают, что в процесс взаимодействия с партнёром они способны удовлетворять свои значимые потребности и получать взаимную выгоду друг от друга [6].

Таким образом, выявлены половые различия в уровне доверия в романтических отношениях. Для мужчин и женщин более характерны проявления таких уровней доверия, как «надёжность», «знание», «приязнь» и «расчёт». Данные результаты позволяют нам сделать вывод о том, что мужчины и женщины оценивают своих партнёров как отзывчивых и готовых прийти на помощь в любой момент. Низкие показатели получены по уровню доверия «недостатки», что в большинстве ситуаций определяет партнёров как понимающих личностей. Существуют статистически значимые различия между уровнями доверия «надёжность», «единство», «расчёт», «знание» у мужчин и женщин. Мужчины имеют более высокие показатели по данным уровням доверия, что может свидетельствовать о том, что они в большей степени склонны доверять своему партнёру.

Библиографические ссылки

1. *Скрипкина, Т.П.* Проблема доверия в отечественной психологии // Психология общения и доверия: теория и практика: сборник Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. М.: Университет РАО, 2014. С. 48-51.
2. *Gottman, J.M.* How to build trust and avoid betrayal. AbeBooks, 2021.
3. *Dozois, D. J., Evraire, L. E., Wild, J.L.* The Contribution of Attachment Styles and Reassurance Seeking to Trust in Romantic Couples // *Front Psychology*, 2023. Vol. 2. № 14. P. 19-39.
4. *Lavner, J.* Women and men are the barometers of relationships: testing the predictive power of women's and men's relationships satisfaction // *Proceedings of the National Academy of science*, 2022. 119 p.
5. *Купрейченко, А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008.
6. *Полупанова, Е.С.* Связь доверия и удовлетворённости браком в супружеских парах с разной продолжительностью семейной жизни // *Московский институт психоанализа*, 2021. 131 с.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКУЧЕСТИ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ СО СРЕДНИМ МЕДИЦИНСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ПЕРИОД COVID-19

В. Н. Карницкая, А. Ю. Бойко, А. Ю. Пунтус

karnickaVN@bsu.by

Научный руководитель – В. К. Милькаманович, кандидат медицинских наук, доцент.

В статье рассмотрено понятие текучести кадров, основные факторы. Проблематика текучести кадров в системе здравоохранения. Дефицит кадров, вызванный дополнительными нагрузками, эмоциональным выгоранием персонала. Появление вируса COVID – 19, и его влияние на медицинский персонал. Основные проблемы в период пандемии вируса COVID – 19 и пути их решения.

Ключевые слова: пандемия; новая коронавирусная болезнь COVID-19; текучесть кадров; медицинское образование.

Текучесть кадров — это процесс внепланового увольнения работников организации, который обусловлен неудовлетворённостью работника своим рабочим местом (активная текучесть кадров) и неудовлетворённостью организации конкретным работником (пассивная текучесть кадров). Он включает увольнение работников по собственному желанию и по инициативе работодателя, если имеет место нарушение договорных обязательств между работником и работодателем [7].

Высокая текучесть кадров приводит к перерывам в работе, неравномерности распределения нагрузки, ухудшению социально-психологического климата в организации, снижению качества трудовых ресурсов. Текучесть кадров наносит экономический ущерб за счёт дополнительных затрат на поиск, подбор, адаптацию, обучение или переобучение, последующее развитие вновь принятых работников [7].

Многие факторы влияют на уровень текучести персонала. Каждая организация вправе установить для себя свой показатель нормы текучести кадров, на величину которого могут повлиять место расположения, деятельности и других составляющие. Но мы рассмотрим не частные, а общие причины текучести, которые, как правило, присущи всем организациям:

- отсутствие системы удержания ценных сотрудников;
- руководство просто не фокусирует внимание на этой проблеме;
- отсутствует анализ текучести;
- отсутствие системы материального и нематериального удержания персонала;

- нет определённости в перечне требуемых компетенций;
- нет методов, обеспечивающих достаточную надёжность выявления компетенций и мотивации при найме;
- нет системы определения атрибутов идеального кандидата;
- компания не обеспечила адаптацию и обучение требуемого качества, в результате чего сотрудник «не дорос» до требуемого уровня;
- ожидания, созданные компанией при найме, не совпали с реальностью;
- нарушаются данные работодателем обещания;
- нарушаются неписанные нормы отношений работодателя и работника, существующие на рынке;
- не раскрывают сложных условий труда;
- ожидаемые условия труда после найма изменились в худшую сторону;
- заработной платы до рыночного уровня, соответствующего возросшей ценности сотрудника;
- плохая корпоративная культура;
- отношения между сотрудниками;
- излишние конфликты [3].

Среди причин нехватки среднего медицинского персонала особое место занимает развитие синдрома эмоционального выгорания. Условиями для его развития служат неблагоприятный психологический климат в коллективе, отсутствие возможностей для профессионального роста и неудовлетворённость результатами своей работы [5].

Работа в медицине предусматривает плотное общение с контингентом, требующим повышенного внимания и заботы. Особенно это касается специфических категорий пациентов: психически больных людей, онкологических больных, носителей COVID-19, инвалидов, пациентов ожоговых и травматических центров. Категории медработников, среди которых уровень выгорания довольно высок [8]:

- врачи;
- медицинские сестры;
- психиатры и психотерапевты;
- сотрудники «тяжёлых» отделений.

Необходимость вникать в положение каждого пациента приводит к тому, что уже через полтора года стажа работы медицинская сестра или начинающий врач чувствуют первые симптомы выгорания. После 3 лет признаки выгорания оказываются налицо [4].

Однако, первое место среди проблем медицины занимает в нынешних сложных условиях - дефицит кадров, вызванный дополнительными нагрузками вследствие борьбы с эпидемией.

30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения признала вспышку нового заболевания (как стало известно, вызываемого новым штаммом коронавируса – SARS-CoV-2) чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а уже в марте этого же года было зафиксировано начало пандемии [1]. Первый случай заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19 в Республике Беларусь был официально подтверждён 28 февраля 2020 г. [7].

Работа в условиях пандемии COVID-19 оказала значительное влияние на медицинских работников. Нужно учитывать, что медики более уязвимы к заражению COVID-19, чем население в целом, из-за частых контактов с инфицированными пациентами, также они вынуждены работать в стрессовых условиях и принимать трудные решения, в том числе этические. Системы здравоохранения и социальные системы по всему миру с трудом справляются с этой задачей [4].

Был разработан и внедрён комплекс организационных, архитектурно-планировочных и санитарно-противоэпидемических мероприятий. Вместе с тем случаи заражения медицинских работников COVID-19, к сожалению, имели место, что характеризует условия их работы как потенциально опасные для здоровья при контакте с инфекционным агентом [4].

Медицинские сестры, врачи, водители скорой помощи, медицинские регистраторы и другие специалисты, которые оказывали непосредственную помощь пострадавшим от COVID-19, могут быть подвержены дополнительным факторам стресса:

- стигматизация по отношению к тем, кто работает с пациентами с COVID-19 и их останками;
- строгие меры биобезопасности (физическая нагрузка от защитного снаряжения; физическая изоляция, снижающая уровень комфорта; постоянная ответственность и напряжение; соблюдение строгих процедур, исключающих спонтанность и автономность);
- повышенные требования на работе, включая увеличение длительности рабочего дня, количества пациентов;
- необходимость отслеживания последней информации по COVID-19;
- снижение возможности использования социальной поддержки из-за напряжённого графика работы и стигматизации;
- недостаточность личных ресурсов или отсутствие возможности ухода за собой;
- страх возможности заразить COVID-19 близких и друзей [5, с.6].

Таблица.

Динамика текучести среднего медицинского персонала.

Наименование организаций	2019	2020	2021	2022	2023
УЗ «Стародорожская ЦРБ»	75	120	65	55	12
УЗ «6 ГКБ»	15	20	15	10	13
УЗ «32 поликлиника»	13	12	20	7	12
Среднее значение трёх организаций	34,3	50,6	33,3	22,3	12,3

Из таблицы мы видим, что в период пандемии (2020 год) среднее значение трёх организаций выше, а это означает, что пик текучести за 2019-2023 был в 2020 году.

Причинами увольнения специалистов со средним специальным медицинским образованием в период пандемии COVID-19 в учреждении здравоохранения являлись:

- боязнь заболеть (причина преобладала у сотрудников старше 60-ти лет);

Вероятность инфицирования на рабочем месте увеличивали такие факторы, как оказание помощи пациентам с подтверждённым COVID-19, участие в процедурах, связанных с генерацией аэрозоля, работа с биоматериалом пациентов с COVID-19, контакт с поверхностями в окружении больного COVID-19, незнание вопросов инфекционной безопасности из-за отсутствия инструктажа перед допуском к работе.

- боязнь умереть от COVID-19 (причина преобладала у сотрудников старше 60-ти лет);

COVID-19 является новым вирусом, о котором изначально было мало информации, что создало у людей много неопределенности и тревоги, боязнь умереть от COVID-19 усиливался из-за массовых медицинских рекомендаций и ограничений, которые были введены для предотвращения заражения, а также новости о высокой смертности в острой форме болезни и длительных последствиях усилили страх и тревогу.

- высокая загруженность медицинского персонала (причина преобладала у молодёжи в возрасте до 31 года);

Повышенная загруженность медицинского персонала приводит к усталости, снижению качества оказываемой помощи, риску ошибок. Это чревато ухудшением состояния здоровья и уровня благополучия медицинского персонала, нарушением рабочего режима и условий труда. Кроме того, это может быть причиной увольнения медицинских работников, что обеспечит дефицит персонала.

- недостаточная обеспеченность средствами индивидуальной защиты (далее - СИЗ).

При оценке эффективности отдельных СИЗ при их использовании в процессе работы было установлено, что наибольшее значение для профилактики заражения COVID-19 имели СИЗ для защиты лица, органов дыхания и зрения, а также гигиена рук. При этом многие сотрудники столкнулись с проблемой недостаточного количества средств защиты на рабочем месте.

Таким образом, для устранения фактора текучести кадров специалистов со средним специальным медицинским образованием и более эффективной защиты работников медицинских организаций необходимо было:

- достаточное количество средств индивидуальной защиты, особенно для лица, органов дыхания и зрения;
- доступность гигиенической обработки рук в процессе работы;
- проведение регулярного инструктажа по вопросам инфекционной безопасности с применением интерактивных форм обучения и организация скрининговых обследований ранее не болевших и не вакцинированных сотрудников;
- снижение и перераспределение нагрузки на персонал как психологической так и физической;
- повышение материального стимулирования работников (премирование);
- улучшение условий труда;
- повышение уровня дисциплины.

Библиографические ссылки

1. Горбачёв В. Пандемия COVID-19: сравнительная характеристика противоэпидемических мероприятий в Беларуси и Латвии в фазе эпидемического распространения (март-июнь 2020г.) [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/NASTYA/Downloads/pandemiya-covid-19-sravnitelnaya-harakteristika-protivoepidemicheskikh-meropriyatiy-v-belarusi-i-latvii-v-faze-epidemicheskogo-rasprostraneniya-mart-iyun-2020-g.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
2. Заболеваемость с временной утратой трудоспособности сотрудников медицинской организации при новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zabolevaemost-s-vremennoy-utratoy-trudosposobnosti-sotrudnikov-meditsinskoy-organizatsii-pri-novoy-koronavirusnoy-infektsii/viewer> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Министерство здравоохранения Республики Беларусь В Беларуси зарегистрирован завозной случай коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <http://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/v-belarusi-zaregistrirovan-zavoznoy-sluchay-koronavirusa/>. (дата обращения: 02.03.2024).

4. Особенности работы организаций здравоохранения Республики Беларусь в условиях третьей волны пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-organizatsiy-zdravoohraneniya-respubliki-belarus-v-usloviyah-tretyey-volny-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения: 01.03.2024).
5. Основные факторы текучести персонала и : методы ее снижения в организации [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-factory-tekuchesti-personala-metody-ee-snizheniya-v-organizatsii> (дата обращения: 01.03.2024).
6. *Петрова Н. Г., Погосян С. Г.* О необходимости изменения парадигмы взаимоотношений врачей и среднего медицинского персонала. Российский семейный врач. 2013;(4):22—5
7. *Шилинская И. А.* Совершенствование управления текучестью персонала. Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017;1(7):119—25
8. Экстренная психологическая помощь для специалистов системы здравоохранения в кризисной ситуации : учеб.-метод. пособие / И.А. Байкова [и др.]. Минск : БелМАПО, 2020. 74 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ

К. В. Кочан

kkochan023@gmail.com;

Научный руководитель — Е. И. Климущко, старший преподаватель

В публикации исследуется взаимосвязь жизнестойкости молодых людей с социально-психологическими факторами, такими как сила «Я», социальное положение, семейная ситуация и уровень нейротизма. Результаты показывают, что высокая жизнестойкость имеет связь с уверенностью в собственное «Я», социальной активностью и поддержкой семьи, тогда как повышенный уровень нейротизма сопровождается пониженный уровень жизнестойкости. Полученные данные могут быть использованы в разработке психологических программ, направленных на повышение адаптивных возможностей людей в ранней зрелости и формирование стратегий преодоления стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; контроль; принятие риска; сила «Я»; социальная активность; семейная ситуация; нейротизм.

В современном мире молодые люди сталкиваются с высоким уровнем неопределенности и множеством стрессогенных факторов: технологический прогресс, стремительные социальные изменения и нестабильность экономической среды создают постоянные вызовы для психики человека. Информационное перенасыщение, которое является неизбежным следствием цифровой эпохи, приводит к когнитивной перегрузке и эмоциональному истощению. Постоянный поток новостей, социальных сравнений и давления общественного мнения способствует развитию тревожных состояний и снижению уверенности в завтрашнем дне. Современная молодежь оказывается перед выбором: адаптироваться к этим реалиям, развивая внутреннюю устойчивость, или подвергаться воздействию стресса, теряя контроль над собственной жизнью. В условиях нестабильности жизнестойкость становится не просто желаемым качеством, а необходимым ресурсом для успешной самореализации и личностного роста. Жизнестойкость позволяет противостоять стрессам, переосмысливать негативные события и находить возможности даже в сложных ситуациях.

Первое упоминание жизнестойкости приходится на 80-ые года прошлого столетия. С. Мадди и С. Кобейса были пионерами в исследовании психологической концепции, которую они называли «жизнестойкость» (hardiness). [1;2]. В своей концепции они представляли жизнестойкость как личностный паттерн отношения, который помогает разглядеть в

стрессовых обстоятельствах возможность для дальнейшего роста [3]. В концепцию жизнестойкости С. Мадди входит 3 компонента:

вовлеченность (commitment) – убеждение в том, что в любой ситуации важно оставаться заинтересованным в событиях, а не изолироваться от них, что позволяет человеку чувствовать связь с окружающим миром и находить смысл в происходящем [4].

контроль (control) – убеждение в том, что на ситуацию можно повлиять и изменить исход событий, что позволяет человеку «бороться» даже в самых сложных жизненных обстоятельствах [4].

принятие риска (challenge) – вера в то, что преодоление стрессов событий, приведет человека к неизбежному развитию и получению соответствующего опыта. Люди, принимающие риск, видят в переменах шанс научиться чему-то новому и стать сильнее, а не повод для страха или беспокойства [4;5].

В отечественной психологии понятие жизнестойкости изучалось в рамках различных подходов, включая концепции адаптивных способностей и личностных ресурсов. Д.А. Леонтьев рассматривает жизнестойкость как систему смысловых установок, которые позволяют личности сохранять целостность в стрессовых ситуациях [4]. В исследованиях Е.И. Рассказовой и Р.И. Стецишина подчеркивается связь жизнестойкости с мотивационной сферой и активной жизненной позицией. А также важность жизнестойкости в успешном планировании и реализации профессиональных целей. Она формируется и укрепляется в процессе профессионального роста, помогая личности оставаться адаптированной и эффективной в своей рабочей сфере [4;6].

Исследование. Исследование посвящено анализу взаимосвязи жизнестойкости и социально-психологических особенностей личности студентов. В качестве методов использовались анкетирование (опросник Hardiness Survey и биографический опросник) и статистический анализ данных (корреляционный анализ Спирмена) [7;8].

Выборка состоит из 134 студентов (67 девушек и 67 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст участников исследования –19,1 лет). Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics v. 22.0 с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Анализ полученных данных выявил значимую взаимосвязь между жизнестойкостью и рядом психологических факторов. Наибольшее влияние оказали следующие переменные: сила «Я», социальное положение, семейная ситуация и нейротизм.

Высокий показатель силы «Я» ($r_s = 0,565$; $p \leq 0,01$) говорит о том, что чем больше уверенности человек испытывает по отношению к своим возможностям и способностям, тем более устойчив он к внешним и внутренним стрессовым воздействиям. Это подтверждает идею о том, что внутреннее ощущение личной силы и контроля над ситуацией способствует выработке более эффективных стратегий преодоления жизненных трудностей и стрессов, а значит, повышает уровень жизнестойкости.

Корреляция социальной активности с жизнестойкостью ($r_s = 0,512$; $p \leq 0,01$) указывает на то, что людям с высоким уровнем жизнестойкости для эффективного противостояния стрессу необходимо обладать способностью к адаптации к различным ситуациям, в том числе и к ситуациями связанным с взаимодействием с различным кругом лиц. Благодаря этому они гибки и открыты для новых знакомств, умеют найти общий язык с разными людьми и поддерживать позитивные отношения на протяжении времени.

Семейная ситуация, которая вносит свой вклад в формирование устойчивых механизмов преодоления жизненных трудностей, также показал положительную корреляцию с жизнестойкостью ($r_s = 0,364$; $p \leq 0,01$). Благоприятные условия в семье, в том числе эмоциональная поддержка и правильное воспитание, формируют у индивида способности для эффективного преодоления стрессовых ситуаций и развития устойчивости к негативным жизненным обстоятельствам.

Отрицательная корреляция с нейротизмом ($r_s = -0,626$; $p \leq 0,01$) подчеркивает, что высокий уровень эмоциональной нестабильности, склонность к переживаниям и негативному восприятию мира значительно снижают уровень жизнестойкости. Люди с высоким уровнем нейротизма склонны воспринимать даже незначительные проблемы как катастрофические, что делает их более уязвимыми к стрессу и трудностям. Эмоциональная лабильность и частые переживания становятся барьером для успешного преодоления жизненных вызовов и снижают способность к адаптации.

Таким образом, исследование показало, что жизнестойкость – это многоуровневое и всеобъемлющее понятие, на которое влияют как внутренние черты характера, так и внешние обстоятельства. В частности, было выявлено, что жизнестойкость связана с такими личностными особенностями, как сила «Я» и нейротизм, что отражает роль субъекта в формировании устойчивости к стрессу. Одновременно с этим, важными факторами оказались и внешние условия, такие как социальное положение и семей-

ная ситуация, подчеркивая значимость социального контекста в формировании жизнестойкости. Исходя из этого можно сказать, что устойчивость к жизненным трудностям формируется не только за счет личных качеств, но и под воздействием поддерживающей, благоприятной среды.

Библиографические ссылки

1. *Maddi, S. Kobasa, S.C.* The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (Ill.) : Dow Jones-Irwin, 1984.
2. *Kobasa, S.C.* Stressful life events, personality and health: an inquiry into hardiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. No 37. P. 1–11.
3. *Maddi, S.* The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // *Consulting Psychology Journal*. 2002. No 54. P. 175–185.
4. *Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.
5. *Maddi, S.* The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // *Consulting Psychology Journal*. 2002. No 54. P. 175–185.
6. *Стецишин, Р.И.* Направленность личности и жизнестойкость : психологическое исследование // *Вестник Адыгейского гос. университета*. 2008. No 7. С. 35–47.
7. *Осин, Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // *Вестник Московского университета*. 2013. No 14. С. 147–165.
8. *Чикер, В. А.* Психологическая диагностика организации и персонала. СПб. : Речь, 2006.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ И ДИАЛОГИЧНОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ВОЗБУДИМОСТИ

П. А. Кузина

pkuzina981@gmail.com;

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи тревожности и диалогичности межличностных отношений у студентов с различным уровнем эмоциональной возбудимости. Студенты со средним уровнем возбудимости достоверно более тревожны и менее ориентированы на построение диалогичных межличностных отношений, чем студенты с низким уровнем эмоциональной возбудимости. Подчеркивается потенциал работы со студентами по усилению диалогичности отношений, что может способствовать снижению тревожности в ситуациях межличностного общения и повышению эффективности саморегуляции.

Ключевые слова: личностная тревожность; ситуационная тревожность; диалогичность межличностных отношений; неуправляемая эмоциональная возбудимость; студенты.

Студенческий возраст наиболее богат на события, вызывающие широкий спектр эмоциональных реакций. Гармоничное эмоциональное состояние студента – один из факторов формирования личности будущего специалиста и основа его профессиональной пригодности.

Регуляция эмоционального состояния подразумевает выбор наиболее приемлемого способа энергетической разрядки, то есть функциональный стереотип эмоционального поведения. Использование стереотипа, который не обладает коммуникативностью и не отвечает общепринятым нормам поведения, существенно сказывается на отношениях с окружающими. Импульсивные реакции на значимые для индивида ситуации объясняют **неуправляемой эмоциональной возбудимостью** [1].

Отсутствие контроля за выражением эмоций провоцирует нарушения в межличностных отношениях, что сопровождается переживанием эмоционального дискомфорта, предчувствием грозящей опасности и повышением **тревожности**. Вместе с тем повышенная личностная тревожность как относительно устойчивая черта личности студентов, а также ситуационная тревожность (тревога) как эмоциональное состояние в определенных ситуациях [2] находят отражение в импульсивных эмоциональных реакциях при межличностном взаимодействии.

У более возбудимых студентов тревожность редуцирует стремление ориентироваться на реакцию партнеров по общению, осложняя построение

ние гармоничных отношений. *Диалогичность* представляет собой характеристику *межличностных отношений*, отражая стремление видеть и признавать уникальность партнера и предполагая ценность и значимость отношений для взаимодействующих субъектов [3]. Развитие диалогичности отношений может способствовать снижению тревожности в ситуациях межличностного общения и усилению контроля за эмоциональным поведением.

Исследование. Сбор данных осуществлялся с помощью методик:

1) «Склонность к неуправляемой эмоциональной возбудимости» В. В. Бойко [1].

2) «Шкалы диалогичности межличностных отношений» С. В. Духновского [3];

3) «Интегративный тест тревожности» А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана и Б. В. Иовлева [4];

В **выборку** исследования вошли 184 студента белорусских ВУЗов в возрасте от 18 до 23 лет (100 девушек и 84 юноши).

Полученные данные были обработаны с помощью SPSS Statistics v. 23.0 с применением t-критерия Стьюдента, U-критерия Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. Между группами студентов с низким и средним уровнем неуправляемой эмоциональной возбудимости обнаружены достоверные различия в средних значениях диалогичности ($p < 0,05$) и конструктивности ($p < 0,05$) отношений. Повышенная эмоциональная возбудимость у студентов сопровождается снижением диалогичности и конструктивности, так как *эмоциональная возбудимость осложняет взаимодействие с окружающими*, препятствуя построению гармоничных отношений.

Кроме того, между группами импульсивных студентов и студентов без признаков импульсивности, обнаружены статистически значимые различия в средних значениях личностной тревожности ($p < 0,001$) и ее компонентов – эмоционального дискомфорта ($p < 0,001$), астенического ($p = 0,003$) и фобического ($p < 0,001$) компонентов, тревожной оценкой перспективы ($p < 0,05$). Это свидетельствует, что *импульсивные студенты более тревожны*, чем студенты с низким уровнем возбудимости. У молодых людей, импульсивно и необдуманно реагирующих на ситуацию, чаще отмечается тревожность как личностная черта, выражающаяся в переживаниях эмоционального дискомфорта, неудовлетворенности собой и озабоченности будущим.

Значимые различия между группами студентов с различным уровнем неуправляемой эмоциональной возбудимости выявлены в выраженности ситуационной тревожности ($p < 0,001$) и ее компонентов – эмоционального дискомфорта ($p = 0,001$), астенического ($p < 0,05$) и фобического компонен-

тов ($p < 0,001$), тревожной оценки перспективы ($p < 0,001$), социальных реакций защиты ($p < 0,05$). *Эмоционально возбудимые студенты более склонны к испытанию ситуационной тревоги*, рассматривая социум в качестве источника опасности, который представляет угрозу и доставляет эмоциональный дискомфорт.

Корреляционный анализ между тревожностью и диалогичностью межличностных отношений в группе студентов с низким уровнем эмоциональной возбудимости выявил лишь две статистически значимые взаимосвязи. Такими студентами для энергетической разрядки используются иные стереотипы эмоционального поведения (гипертимия, эйфория), которые как нивелируют роль тревожности в построении межличностных отношений, так и способствуют успешности отношений, снижая уровень тревожности в различных социальных ситуациях.

Так, слабая обратная связь обнаружена между **эмоциональным дискомфортом личностной тревожности** и компонентом диалогичности – **самоценностью** ($\rho = -0,230$ при $p = 0,022$). С усилением эмоционального дискомфорта в структуре тревожности студенты менее склонны чувствовать себя уверенно и комфортно в ситуациях межличностного общения. Одновременно неудовлетворенность собой из-за невозможности иметь ценные и значимые отношения, испытать сближающие чувства сопровождается эмоциональным напряжением.

Обратная взаимосвязь **диалогичности** и **эмоционального дискомфорта ситуационной тревожности** ($\rho = -0,199$ при $p = 0,047$) свидетельствует, что даже испытывая тревогу в каких-то ситуациях, студенты не ощущают эмоционального дискомфорта, так как удовлетворены межличностными отношениями и уверены в своей способности совладания.

Результаты корреляционного анализа между тревожностью и диалогичностью межличностных отношений в группе студентов со средним уровнем эмоциональной возбудимости представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Значимые корреляционные взаимосвязи между личностной тревожностью и диалогичностью у студентов со средним уровнем эмоциональной возбудимости

Показатель	Диалогичность	Самоценность	Конструктивность
Личностная тревожность	-0,276**	-0,309**	-0,191**
Эмоциональный дискомфорт	-0,284**	-0,279**	-0,186*
Астенический компонент	-	-0,172**	-
Фобический компонент	-0,203**	-0,216**	-0,148*
Оценка перспективы	-0,205**	-0,178*	-0,191**
Социальная защита	-	-0,150*	-

* Корреляция значима на уровне 0,05.

** Корреляция значима на уровне 0,01.

Таблица 2

**Значимые корреляционные взаимосвязи между
ситуационной тревожностью и диалогичностью
у студентов со средним уровнем эмоциональной возбудимости**

Показатель	Диалогичность	Самоценность	Конструктивность
Ситуационная тревожность	–0,360**	–0,295**	–0,373**
Эмоциональный дискомфорт	–0,297**	–	–0,325**
Астенический компонент	–0,370**	–0,236*	–0,403**
Фобический компонент	–0,382**	–0,422**	–0,320**
Оценка перспективы	–0,308**	–	–0,375**

* Корреляция значима на уровне 0,05.

** Корреляция значима на уровне 0,01.

Полученные корреляционные взаимосвязи свидетельствуют, что импульсивным студентам при повышении уровня тревожности присущ более низкий уровень диалогичности, самооценности и конструктивности отношений. ***Повышенная тревожность, сопровождаемая эмоциональной возбудимостью, препятствует построению диалогичных отношений***, предполагающих ценность и значимость отношений для субъектов отношений, а также достижение совместных целей. Индивид, переживая тревогу в отношениях, боится не оправдать ожидания партнера, что может приводить ко всевозможным претензиям к партнеру; помимо этого, еще к необдуманным, резким эмоциональным реакциям, что в целом усугубляет взаимодействие с окружающими.

Таким образом, с повышением эмоциональной возбудимости студентам характерно усиление тревожности и меньшая ориентация на диалогичность отношений. Более импульсивные высокотревожные (личностная тревожность) студенты менее склонны к построению межличностных отношений, к тому же повышение ситуационной тревожности препятствует переживанию сближающих чувств и достижению совместных целей в ситуации общения. На фоне переживания тревоги такие студенты демонстрируют необдуманные и резкие эмоциональные реакции, что осложняет межличностное взаимодействие. Полагаем, что работа по усилению диалогичности отношений может способствовать снижению тревожности в ситуациях межличностного общения и повышению эффективности саморегуляции.

Библиографические ссылки

1. Бойко, В. В. Психоэнергетика. СПб. : Питер, 2008. 416 с.
2. Spielberger, C. D. Anxiety : Current Trends in Theory and Research. New York, 1972. Vol. 1. P. 24–55.
3. Духновский, С. В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб. : Речь, 2010. 140 с.
4. Бизюк, А. П., Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В. Применение интегративного теста тревожности. Методические рекомендации. СПб. : Изд-во Психоневрол. ин-та им. В. М. Бехтерева, 2005. 23 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА РЕФЛЕКСИИ И ЭМПАТИИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А. Ю. Кулицкая

kylitskayaarina@gmail.com;

*Научный руководитель — Е. Д. Беспанская-Павленко,
кандидат психологических наук, доцент*

В данной статье приводится теоретический анализ формирования и развития феномена рефлексии и эмпатии в подростковом и юношеском возрасте. Изучение связей рефлексии и эмпатии не только эмпирическим, но и теоретическим путем имеет большую значимость для подкрепления полученных результатов определенной фактической базой.

Ключевые слова: рефлексия; эмпатия; подростковый возраст; юношеский возраст; сравнительный анализ; взаимосвязь.

Существуют множество подходов к определению понятия рефлексии, однако основными являются метакогнитивный подход, генетический подход, полипроцессуальный подход, исследование рефлексии в структуре самосознания и самооценки личности, а также исследование рефлексии как самостоятельного феномена

Метакогнитивный подход включает в себя знания о себе как о субъекте и регуляцию познания. Рефлексивное знание – знание о субъекте и его познавательных способностях. Это интуитивное понимание чувств и мыслей и специфическая способность представления ситуации с различных точек зрения. Человек имеет активную позицию и может регулировать способность познания [2].

Согласно **генетическому подходу**, рефлексия – это особый вид мышления, который также может проявляться в деятельности человека. Он начинает формироваться в возрасте 11 – 12 лет, так как основа этого процесса лежит в осознании и оценке хода собственной мысли, а также способности делать выводы на основе собственных рассуждений. Обращение сознания на область собственных действий осуществляется через общение, а выстраивание адекватного представления о своих действиях лежит в основе символического движения [4].

Современные исследователи подчеркивают важность рефлексии, как компонента процессов самопознание, самопонимание, саморегуляция, эмоционально-ценностные отношения, самооценка личности.

Рефлексия как самостоятельный феномен рассматривается Н.Г. Алексеевой и В.С. Мухиной как важная регулятивная составляющая

личности, которая позволяет ей выстраивать свою жизнедеятельность осознанно.

Таким образом рефлексия – это способность осознанно наблюдать за своими мыслями, эмоциями и поведением. Она позволяет человеку размышлять о себе как о наблюдателе, анализировать свои реакции и осознавать свои собственные испытываемые чувства.

Эмпатия основана на способности правильно воспринимать внутреннее состояние другого человека и умении сопереживать ему. Через эмоциональную реакцию люди способны распознавать эмоциональное состояние других и успешно взаимодействовать, эффективно понимая друг друга. Эмпатия понимается как способность, процесс, состояние, феномен познания [7].

Подростковый возраст является периодом высокой сензитивности к формированию мировоззрения и целостной картины мира, а также эмпатии по отношению к другим людям. Подросток старается добиться равного положения со взрослым, а стремление к общественному признанию ведет к подражанию подростка взрослым, сверстникам и представителям референтных групп.

В основе развития эмпатии в подростковом возрасте лежит ориентация на других людей и особенностями взаимодействия с родителями и другими значимыми взрослыми. Развитие эмпатии в данном возрастном периоде осложняется эмоциональной неустойчивостью подростков. Для них свойственна повышенная возбудимость, резкая смена настроения, глубина эмоциональных переживаний [6].

Юношеский возраст является периодом, в котором происходит становление личности как в социальном, так и в профессиональном плане. Самосознание в юношеском возрасте является одним из важных механизмов саморегуляции и саморазвития личности [3].

Также можно выделить и такие процессы, как активное формирование мировоззрения и жизненных планов, установок на построение личной жизни, дальнейшее развитие рефлексивных процессов и профессиональное самоопределение, развитие идентичности и вхождение в социум.

Данный период отличается пиком развития когнитивных способностей, а также закладывает развитие значимых компонентов личности. Происходит активное развитие нравственных и эстетических чувств, формирование характера, освоение социальных ролей зрелой личности [1].

Таким образом формирование и развитие обоих феноменов напрямую связано с социализацией в подростковом возрасте, а также с прошлым

эмоциональным опытом. Важным фактором в таком взаимодействии является ценностное отношение к другому человеку. В юношеском возрасте происходит завершение оформления этих процессов в единое целое с другими компонентами личности индивида

Библиографические ссылки

1. *Абдиева, Г. И.* Некоторые психологические особенности юношеского возраста // Chronos. 2021. Т. 6. № 11(61). С. 41-43.
2. *Басова, А. Г.* Понятие эмпатии в отечественной и зарубежной психологии // Молодой ученый. 2012. №8. С.254-256.
3. *Жданов, А. А.* Развитие я-концепции в юношеском возрасте. Ученые записки // Электронный научный журнал Курского государственного университета [Электронный ресурс] // URI: <http://www.https://cyberleninka.ru/journal/>. (дата доступа: 12. 12.2023)
4. *Кайдановская, И. А.* К вопросу о рефлексии // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. Т. 2, № 9. С. 26–30.
5. *Карпов, А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2004. 421 с.
6. *Тухужева, Л. А.* Особенности социализации в подростковом возрасте // Вопросы науки и образования. 2020. №20. С.88 –89
7. *Фризен, М. А.* Рефлексивные основания экзистенциальной ответственности личности: от осмысления к измерению // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sisp.nkras.ru/> (дата доступа: 03. 03.2024г)

ДЕСТРУКЦИЯ ЭСТЕТИКИ: ПРОБЛЕМА ИСКУССТВА В ПРОЕКТЕ ДЖ. АГАМБЕНА

Д. С. Курачинская

daria.kurachinskaya@gmail.com;

*Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук,
профессор*

Итальянский мыслитель Дж. Агамбен в своих ранних работах рассматривает взаимосвязь творца и творения, искусства и человека. Анализируя концепт «эстетическое суждение» в историко-философском ракурсе, Дж. Агамбен утверждает появление «человека без содержания». Последнее означает творца без произведения. Цель статьи – проследить, как возникновение фигуры критика, выносящего эстетическое суждение, повлияло на отношение «творец-произведение» и привело к десакрализации искусства.

Ключевые слова: Дж. Агамбен; эстетика; искусство; творец; зритель; критик; эстетическое суждение; человек без содержания.

Ранние исследования Дж. Агамбена направлены на преодоление новоевропейской эстетики и поиск изначальной структуры произведения искусства. Согласно Дж. Агамбену, подлинное искусство имеет онтологический статус, поэтому важной становится задача анализа «жизненности» современного искусства. Итальянский мыслитель ставит цель исследования в ревизии эстетики и возвращению бытию человека его подлинного статуса.

В работе «Человек без содержания» Дж. Агамбен проблематизирует эстетическое как таковое: обладает ли оно тем же статусом, что и несколько столетий назад. «Возможно – если мы хотим по-настоящему поставить проблему искусства в наше время – нет более неотложной задачи, чем деструкция эстетики; освобождая поле от привычных очевидностей, она позволила бы поставить под вопрос само значение эстетики как науки о произведении искусства» [1, с. 16].

Вплоть до XVII века творец находился на маргине между жизнью и смертью: в деятельности художника присутствовал риск. Творец обладал некой предельностью: «художник испускает вопль ужаса, перед тем как упасть побежденным» [1, с. 15]. «Произведения искусства всегда будут плодами риска, опыта, доведенного до предела, до точки, где человек не может больше продолжать» [1, с. 15].

Творение всегда определялось взглядом смотрящего. «Зритель» обладал активной позицией, творец же выступал таинственной фигурой второго плана. Реконструкция эстетики ставит перед нами проблему: будет ли существовать горизонт понимания эстетического или мы создадим

пропасть, преодолеть которую можно путем радикального прыжка. Ф. Ницше в предисловии к «Веселой науке» призывает к ревизии искусства: «...если мы... еще нуждаемся в искусстве..., то это другое искусство... искусство для художников, только для художников!» [1, с. 17].

Человек вкуса, появившийся в европейском обществе в XVII веке, разделил искусство на до и после: хорошее и плохое. Вследствие чего искусство-само-по-себе деформировалось в искусство-для-зрителя. Творение никогда не принадлежало творцу в качестве собственности, однако связывало их. «В искусстве, – пишет Лабрюйер, – есть некая точка совершенства, как в природе – точка благодати или зрелости: тот, кто чувствует и любит ее, наделен превосходным вкусом; тот, кто ее не чувствует, кто любит, промахиваясь мимо нее, наделен вкусом дурным. Следовательно, вкусы бывают хорошие и дурные, и люди с полным правом спорят о них» [1, с. 24].

Дж. Агамбен анализирует появление фигуры, наделенной «шестым чувством», указывает, что без понятия «великий художник» плохих художников было бы гораздо меньше. «Хороший вкус по сути своей сделан из дурного вкуса» [1, с. 29]. Следовательно, сам феномен искусства раздваивается, однако одна сторона неизменно зависима от другой. Искусство начинает подстраивать себя под искаженные стандарты дурного вкуса и перестает отражаться «в драгоценном кристалле хорошего». Критик, как искусный парфюмер, тонко чувствующий все ноты аромата, рискует быть захваченным собственной противоположностью. «Подобно тому, как интеллект, взяв некий рубеж, нуждается в глупости, можно было бы сказать, что хороший вкус, достигнув определенной степени утонченности, не может обойтись без дурновкусия» [1, с. 33].

Последняя капля крови творца, отдавшегося без остатка, ознаменовала союз продукта творчества и творца. Человек-критик превыше ставит собственное суждение о продукте искусства, нежели сам продукт. На первый план выходит Слово. Таким образом, переориентация с эстетического на разговор об эстетическом, разорвало последнее. «Суждения о поэзии имеют большую ценность, чем сама поэзия» [1, с. 57]. Образовалась своего рода симуляция: замена реальности знаками реального, то есть переориентация с собственно эстетического на суждение об эстетическом. И, как мы увидим позже, разорванность эстетического приводит к появлению антагонистической пары: художник и зритель.

Дж. Агамбен ставит вопрос о том, как искусство, невиннейшее из всех занятий, может столкнуть человека с Террором. Французский писатель Ж. Полан в «Тарбских цветах» делит писателей на Риторов и Террористов. Ритор – тот, кто растворяет все значение в форме и принимающих форму в качестве единственного закона литературы. Ритор обращается к

словам.

Террорист – тот, кто воспринимает язык только в качестве смысла; террорист – ненавистник слова, речи. Совершеннейший язык для такого рода писателей – «мысль, в огне которой знак сгорел бы дотла, обеспечив писателю встречу лицом к лицу с Абсолютом» [1, с. 18].

Мечта Террора заключается в создании произведений, которые существовали бы в статусе вещи. «Шедевры тупы, – писал Флобер, – у них спокойные обличья, как у созданий природы – крупных животных и гор» [1, с. 19].

Где заканчивается Риторика, начинается Террор, а на его месте снова появляется Риторика. «Бегство от Риторике привело к Террору, а Террор – к своей противоположности, то есть обратно к Риторике» [1, с. 20]. Таким образом, мы наблюдаем «мерцание» то одного рода писателей, то другого; преследование смысла знаком и наоборот.

Дж. Агамбен в своих ранних работах показывает сущность Террора, которая заключается в раздвоении искусства между тем, каким оно переживается художником, и тем, каким оно переживается зрителем. Следовательно, оппозиция между Риторикой и Террором является оппозицией между художниками и зрителями. И благодаря этой оппозиции возникает разорванность самого искусства.

Произведение искусства демонстрирует с одной стороны, живую реальность, с другой, безжизненное множество элементов, составляющих лишь образ. Последнее рождается благодаря эстетическому суждению зрителя.

Эстетическое суждение, несмотря на его противоречивость, постепенно превратилось в важнейший орган нашей чувственности для восприятия произведения искусства. Суждение произвело на свет фигуру «современного критика, чьим единственным *raison d'être* [смысл существования] и исключительной задачей является упражнение в эстетическом суждении» [1, с. 65].

Десакрализация искусства довела произведение искусства до предела. Эстетическое суждение прорубило брешь в ткани реальности: божественный ужас, испытанный от взгляда зрителя на творение, трансформировался в ничто. Пустота – то, что скрывается за эстетическим суждением. Творец, находясь в мастерской, неизбежно сталкивается с пустотой, с абсолютной невозможностью произведения. Зритель же, находясь в музее, чувствует преграду в невозможности прожить творение искусства.

Лишенное содержания искусство, согласно Дж. Агамбену, блуждает среди форм и содержания: то пробуждаясь, то отрицая самое себя. «Искусство не умирает, но, превратившись в самоуничтожающееся ничто, вечно переживает самое себя» [1, с. 79]. Искусство не способно умереть,

но существовать в первоначальном статусе оно также не может. Время искусства остановилось, и перешло в длительность бесконечно повторяющегося момента. «Искусство есть Уничтожающее, которое пересекает все свои содержания, никогда не будучи способным на утверждающее произведение, поскольку не может больше идентифицироваться ни с одним из них» [1, с. 80]. Искусство не может актуализироваться ввиду оторванности от реальности. Искусство посылает человеку себя в качестве Ничто из-за невозможности выбрать содержание. Отрицая каждый раз последнее, в сущности его царит нигилизм. «Сущность нигилизма совпадает с сущностью искусства в предельной точке его судьбы в том, что в них обоих бытие посылает себя человеку как Ничто» [1, с. 80].

Таким образом, Дж. Агамбен делает вывод: искусство не сможет выйти из порочного круга разорванности, пока нигилизм скрыто правит ходом истории Запада. Лишь деструкция эстетики позволит избавиться ее от самоотрицания и предоставит возможность к актуализации. Последнее есть процесс воскрешения подлинного искусства: искусства для художников.

Библиографические ссылки

1. Агамбен, Дж. Человек без содержания. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
2. Прокументик, К. В. Siate inoperosi: поэтика бездействия Джорджо Агамбена [Электронный ресурс] / К. В. Прокументик // Технологос, 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siate-inoperosi-poetika-bezdeystviya-dzhordzho-agambena> (дата доступа: 24.01.2025).

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ЖЕНЩИН-ЧАЙЛДФРИ

Д. В. Лукомская

dashal110211@gmail.com;

Научный руководитель — Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент

В статье анализируются различия в мотивационно-ценностных установках женщин, желающих иметь детей, и женщин-чайлдфри. Авторы исследуют основные ценности и мотивацию каждой группы, а также выявляют различия в выраженности психологических параметров, таких как безопасность, гедонизм, карьера и т.д. Результаты исследования могут способствовать лучшему пониманию психологических особенностей женщин, принимающих разные репродуктивные решения, и разработке подходов к поддержке и консультированию в этой области.

Ключевые слова: женщины-чайлдфри; мотивационно-ценностные установки; тест юмористических фраз; методика Ш.Шварца.

В настоящее время, согласно результатам многочисленных научных исследований, наблюдается снижение рождаемости детей и утрата ценности «полноценной» семьи, т.к. все больше молодых людей осознанно выбирают путь бездетности. Функция воспитания и социализации в значительной степени перешла от семьи к школе, забота о пожилых все больше ложится на систему социального обеспечения, а не на семью. Люди не связывают свою судьбу на поздних этапах жизни с числом детей [1].

Основной идеей чайлдфри является отказ от детей во имя личной свободы и пропаганда бездетного образа жизни. Феномен чайлдфри возник относительно недавно, но, однозначно, добровольно бездетные пары встречались во все времена.

Для лучшего понимания мы будем использовать следующее определение «чайлдфри», предложенное О.Г. Исуповой, – это люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них не рождались дети [2]. Чайлдфри – индивид, как женского, так и мужского пола, сознательно нежелающий когда-либо иметь детей. Чайлдфри не откладывают рождение ребенка на неопределенный срок, их позиция весьма твердая – в ребенке они попросту не нуждаются [3].

В нашем исследовании мы решили проанализировать мотивационно-ценностные установки женщин-чайлдфри и женщин, которые хотят иметь детей, чтобы понять и объяснить выбор женщин.

Методологическая основа. За методологическую основу изучения ценностей была взята теория Т. Парсонса [4]. За методологическую основу

термина «мотивации», мы взяли труды Р. Л. Аткинсона, в рамках его идеи «мотивация – это состояние, активизирующее и направляющее наше поведение» [5].

За методологическую основу понимания термина «добровольная бездетность или чайлдфри» были взяты исследования О. Г. Исуповой [2].

Цель исследования: определить мотивационно-ценностные установки женщин-чайлдфри для лучшего понимания их выбора.

Гипотеза нашего исследования звучит следующим образом: существуют различия в мотивационно-ценностных установках женщин-чайлдфри и женщин, которые хотят детей. Так, для женщин-чайлдфри будут характерны такие мотивационно-ценностные установки, как гедонизм, отсутствие конформности и склонность к психологической безопасности.

Для изучения мотивационно-ценностных установок мы использовали опросник ценностей Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева[6]. Второй методикой мы выбрали «Тест юмористических фраз» В. С. Бабина (Болдырева) и А. Г. Шмелева для диагностики мотивационной сферы личности, соединяющая в себе достоинства стандартизированного измерительного теста и индивидуализированной проективной техники. Данные методики были выбраны в соответствии с теоретическими основаниями работы. Также, вместе с опросником, респонденты вносили свои паспортные данные (пол, возраст).

Для проверки гипотезы настоящего исследования были использованы методы определения значимых различий с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Выборку составили 81 женщина, среди которых 31 респондент женщин-чайлдфри и 50 женщин, которые хотят иметь детей. Возраст респондентов от 17 до 24 лет.

По результатам статистического анализа было выявлено, что в методике Ш. Шварца обзор ценностей получились следующие результаты:

На первых трех рангах ценностей на основе методики «общие ценности» Ш. Шварца у чайлдфри стоят: самостоятельность, гедонизм и психологическая безопасность.

Основываясь на этих трех первых критериях, мы делаем вывод, что чайлдфри важно получать удовольствие от жизни, быть «ее хозяином», поддерживать свою психологическую безопасность. Если же рассматривать первые три категории тех, кто хочет детей, то это – самостоятельность, безопасность, гедонизм. От чайлдфри их отличает то, что безопасность и гедонизм поменялись местами. Возможно, это связано с тем, что данные женщины обладают высокой самостоятельностью, чтобы принять решение о том, чтобы завести ребенка, обеспечить при этом психологическую безопасность, то есть подойти к этому вопросу очень ответственно

и только затем получать удовольствие от жизни. Если у чайлдфри удовольствие от жизни подразумевается, как «все себе», то у женщин, которые хотят детей – дети и есть удовольствие.

Данные ценности основываются на уровне убеждений, то есть на нормативных идеалах, которые не всегда проявляются в реальном социальном поведении. Для лучшего понимания рангов стоит также проанализировать профиль личности.

Первые три ранга ценностей в данной категории у чайлдфри – это гедонизм, самостоятельность и безопасность.

На основе полученных данных видно, что ранги у чайлдфри в профиле личности совпадают с профилем «общие ценности». То есть получается, что на уровне индивидуальных приоритетов, чайлдфри также выбирают получать удовольствие от жизни, быть независимыми в мышлении и в выборе действий, а также предпочитают гармонию и стабильность.

Но вот у тех, кто хочет детей на основе индивидуальных предпочтений все вышло по-другому, чем в нормативных идеалах. Во-первых, на первом месте у тех, кто хочет детей, появился конформизм. Получается, что в социальном поведении личности появляется зависимость от мнения общества. Но все также присутствует гедонизм на втором месте и самостоятельность на третьем.

Подводя итог, можно сделать вывод, что те, кто хочет детей, желают быть самостоятельными в своих решениях, получать от жизни удовольствия, но слишком сильно подвержены мнению общества, из-за чего безопасность оказалась на пятом месте. Можно также сказать, что стабильность в рангах чайлдфри как раз-таки связана с тем, что у них конформизм находится на последнем месте, поэтому у них на безопасность занимает одно место в обеих методиках.

По результатам статистического анализа методики теста юмористических фраз было выявлено, что на первом месте у чайлдфри стоят такие мотивационные сферы как социальные проблемы, человеческая глупость и межполовые отношения. Это означает, что у чайлдфри преобладают следующие мотивы в жизни: интимно-сексуальные отношения, разрядка напряжения при сексуальной неудовлетворенности, познание, самоутверждение. Данные мотивы сходятся с ценностями чайлдфри: гедонизмом, самостоятельностью и безопасностью. Чайлдфри выбирают получать удовольствие, проявлять себя, стремиться к новым знаниям и стараться получить от этой жизни все.

Но и у тех, кто хочет детей, преобладают эти же мотивы. Однако они больше зависят от общества, получается к их мотивам прибавляется преграда в виде чужого мнения. Например, в мотиве межполовые отношения

у них преграда – скромность, социальные запреты или недостаточная привлекательность.

Наша гипотеза о том, что существуют различия в мотивационно-ценностных установках женщин-чайлдфри и женщин, которые хотят иметь детей, подтверждена лишь наполовину. Так, для женщин-чайлдфри характерны такие мотивационно-ценностные установки как гедонизм, отсутствие конформности и склонность к психологической безопасности. Но и у тех, кто хочет детей, также преобладает гедонизм и склонность к безопасности, однако они более подвержены конформизму. Мы предполагаем, что у чайлдфри из-за социального давления выработался «иммунитет» к мнению со стороны общества, поэтому данная ценность занимает последнее место.

Библиографические ссылки

1. Романова И.В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. №2. С. 87-90
2. Исупова О.Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly, №427-428, 2010.
3. ПолUTOва М.А., Жанбаз О.О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «чайлдфри» с позиции постмодернизма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. №1 (116). С. 89-100.
4. Парсонс Т., Чеснокова В.Ф., Белановский С.А. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2016. 879 с.
5. Аткинсон Р.Л. Введение в психологию. М. : Прайм-Еврознак, 2007. 816 с.
6. Карандашев, В.Н. Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004. 70 с.

ПРОЕКТ АДАПТАЦИИ МАРКСИЗМА К ОБЩЕСТВУ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА В ФРЕЙДОМАРКСИЗМЕ Г. МАРКУЗЕ

М. О. Лунская

margo_lun@mail.ru

*Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук,
доцент*

В работе был осуществлен анализ разработанного Г. Маркузе проекта приложения фрейдизма к социальной реальности, позволивший выявить отчуждение современного человека в качестве результирующего фактора подавления его инстинктов обществом развитого капитализма. Целью данного исследования является обоснование причин критики и замещения марксистской концепции революции в фрейдомарксизме Г. Маркузе. В основе человеческого поведения лежит принцип удовольствия, который с момента возникновения культуры и экономических отношений начинает замещаться принципом реальности. Труд превращает человеческое тело из источника удовольствий в инструмент производства, в результате чего принцип реальности в индустриальных обществах замещается принципом производства, создающим предпосылки для неравномерного распределения подавления. В результате исследования выявлено, что выход из репрессивного общества Г. Маркузе усматривал в «Великом отказе», способном трансформировать сверхрациональное капиталистическое общество в основанный на свободной реализации принципа удовольствия социум.

Ключевые слова: фрейдомарксизм; Г. Маркузе; гуманистический марксизм; репрессивная цивилизация; З. Фрейд; принцип производства.

Предложенный Г. Маркузе синтез идей К. Маркса и З. Фрейда является одной из наиболее влиятельных версий фрейдомарксизма, в которой он смещает акцент с рассмотрения внешних проявлений подавления человеческой свободы на внутренние, посредством проведения детального анализа порабощения человеческой психики системой развитого капитализма. Г. Маркузе ставит под сомнение возможность трансформации социума посредством социальной революции, а также осуществимость индивидуального излечения человека, что легло в основание его пессимизма в отношении революционности рабочего класса. В фрейдизме был сделан акцент на человеческой иррациональности: действия индивида возможно понять, ориентируясь не только на его сознательные акты, но и на бессознательное. Поведение рабочих больше не поддавалось объяснению посредством логики марксизма, поэтому акцент, сделанный Г. Маркузе на биопсихической организации человека, был призван вернуть марксизму утраченное понимание человека.

Отталкиваясь от психоаналитической теории З. Фрейда, Г. Маркузе стремился разработать новую социальную онтологию: «Традиционное разграничение психологии, с одной стороны, и политической и социальной философии, с другой, устарело вследствие условий человеческого существования в современную эпоху» [1, с. 4]. З. Фрейд характеризовал культуру и общество как пространство сублимированных инстинктов, поскольку порожденные ими морально-этические императивы не позволяют реализовывать присущие человеку влечения в полной мере. З. Фрейд описывал такое положение вещей как неизменную данность всякого общества, однако Г. Маркузе вносит в его идеи марксистскую историческую перспективу – с ходом истории уровень подавления индивида изменяется и его преодоление является необходимым условием освобождения человека.

Марксизм и фрейдизм являлись революционными учениями для своего времени, поскольку они отрицали преобладающие в обществе прогрессистские настроения. Актуализированная в марксизме и фрейдизме идея прогресса превратилась в главную цель западной цивилизации и стала править человеческой практикой в области производства. Несмотря на то, что К. Маркс был сторонником социального прогрессизма, что и видно из его линейной модели истории, он своеобразно представлял картину прогресса, характеризуя коммунистическую формацию как начальную фазу истории. Капиталистическая «предыстория» для К. Маркса была связана с усилением эксплуатации непривилегированного класса, а для З. Фрейда прогресс коррелировал с вытеснением принципа удовольствия принципом реальности.

Вслед за З. Фрейдом в центр своего учения Г. Маркузе помещает два важнейших человеческих инстинкта – Эрос и Танатос. Эрос включает в себя инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода и лежит в основе принципа удовольствия. К нему относится и сексуальность, которая рассматривается в широком смысле и распространяется на всю человеческую телесность. Танатос всегда взаимосвязан с Эросом, инстинкт смерти и инстинкт жизни не существуют отдельно друг от друга. Два этих начала повелевали действиями человека еще до зарождения общества в современном смысле слова, однако с ходом истории происходит их трансформация, которая и представляет интерес для Г. Маркузе.

В основании фрейдомарксистской теории Г. Маркузе лежит единство онтогенеза и филогенеза, рода и вида: невозможно понять общество на поздних стадиях его развития, не исследовав его «детство». В работе «Тотем и табу» З. Фрейд излагает первый филогенетический опыт подавления принципа удовольствия, обращаясь к опыту отцеубийства в первобытной

орде [2]. Желание сыновей обрести возможность к неограниченному получению удовольствий приводит к акту отцеубийства – монополия на получение удовольствий отвержена, однако сыновья не реализуют свои изначальные стремления, поскольку противоречие между Эросом и Танатосом, любовью и ненавистью к отцу, приводит к формированию ограничивающего механизма «Сверх-Я». Отец отныне властвует над сыновьями не как вождь, но как образ порядка в структуре их психики, «внешняя репрессия получает поддержку изнутри» [1]. Такой исторический опыт с одной стороны демонстрирует, что подавление человека неизбежно приводит к бунту, а с другой стороны, закладывает начало репрессивной организации общества.

Ограниченность ресурсов и необходимость человеческого труда для сохранения рода приводит к возникновению принципа реальности. Попытки немедленного удовлетворения влечений лишили бы человеческий род шанса на выживание, поскольку в таких условиях было бы невозможно производить достаточно жизненно необходимых благ. Нехватка ресурсов в мире требует, чтобы стремление к немедленному удовольствию было подавлено, а энергия, которую люди в противном случае вложили бы в получение удовольствий, была сублимирована в продуктивную работу. Таким образом, возникший принцип реальности вступает в противоречие с принципом удовольствия и начинает его постепенно замещать.

Посредством трудовой деятельности человек воздействует на окружающую природу, тем самым отделяясь от нее, преодолевая естественное в себе и создавая себя как общественного индивида. Однако производство превращает человеческое тело в инструмент труда, сексуальность, которая прежде распространялась на всю телесность человека, начинает концентрироваться исключительно в половых органах. Человек производит блага, но не имеет возможности полностью ими насладиться, поскольку сублимация энергии влечений в производство по своей сути репрессивна [3, с. 56]. С этого момента труд и удовольствие становятся несовместимы, труд подавляет человеческий эрос и поэтому является отчужденным трудом – если сущность человека заключается в его инстинктах, то их подавление отчуждает человека от самого себя. В связи с этим, для Г. Маркузе цивилизация представляет собой конфликт между внутренним и внешним, между инстинктами и репрессивной окружающей средой.

Если для З. Фрейда поглощение принципа удовольствия принципом реальности является исторической константой, то Г. Маркузе считает, что соотношение этих двух принципов обусловлено, во-первых, техническим уровнем развития определенного общества, и, во-вторых, степенью его

прибавочной репрессивности. Если основное подавление возникает одновременно с зарождением культуры, то прибавочное подавление не обусловлено филогенетической необходимостью и связано с уровнем господства социально-политической власти над индивидом. Нарастание прибавочного подавления человека является следствием экономической экспансии индустриальных обществ, в которых принцип реальности принимает облик принципа производительности. В результате, в современном обществе на всеобщее подавление инстинктов наслаивается прибавочное подавление, которое распределяется заведомо непропорционально – в пользу господствующего класса собственников средств производства [4, с. 94].

Прогресс в области производства, на первый взгляд, способен уменьшить репрессии в отношении индивидов, поскольку он ведет к сокращению физических и временных затрат людей в процессе труда, однако на практике в модернизированных обществах подавление индивида лишь возрастает. Если человеческому Эросу будет дана воля со стороны аппарата дополнительного подавления, то принцип удовольствия преодолест принцип реальности, в результате чего построенное на принципе реальности общество будет уничтожено. Поэтому социально-политическая элита всеми силами препятствует освобождению сулящего ей гибель Эроса. Развитые индустриальные общества компенсируют подавление принципа удовольствия допущением реализации инстинкта смерти, направленность которого строго контролируется социально-политической элитой. Капиталистическое общество навязывает рабочим образ внешнего врага, против которого им предстоит выступать, в результате чего недовольство системой всякий раз выходит за пределы этой системы. Усиление эксплуатации, нарастание объемов труда и избыточное производство продукции обосновываются потребностью во все более высоких темпах производства, необходимых для защиты от внешнего врага. Рабочие стремятся спасти свое общество, однако спасают только капиталистов от разрушительной революции. В связи с этим стремление к разрушению живого обретает все большие масштабы – эскалация войны выгодна обществам, в основе которых лежит принцип производительности, поэтому с ходом истории конфликты становятся все более разрушительными и иррациональными.

Выходом из ситуации безмерно возрастающих репрессий по отношению к человеческой природе является установление равновесия между принципом удовольствия и принципом реальности. Общество не погибнет, если труд человека начнет приносить ему удовольствие, повержена будет лишь его репрессивная организация. Актуализацию такого равно-

весия Г. Маркузе связывал с «Великим отказом», который реализуется через обращение к области искусства, поскольку именно она является пространством игры человеческого воображения. Подчинение принципа реальности человеческому воображению способно устранить сверхрациональность западной культуры, перевести ее с рельс экономической гонки и порабощения природы в область «бесцельной» деятельности ради нее самой, способной приносить человеку удовольствие.

Таким образом, Г. Маркузе отвергает марксистскую теорию революции в виду того, что за социальной революцией всегда следует установление нового господства – попытки устранения дополнительного подавления будут из раза в раз завершаться поражением до тех пор, пока посредством революции в структуре инстинктов не будет уничтожено основное подавление: «Подобно тому, как последним словом марксовой теории воспроизводства является социалистическая революция, последним словом теории Фрейда – Маркузе является биологическо-психологическая революция» [5, с. 162].

Библиографические ссылки

1. *Маркузе, Г. Эрос и цивилизация* ; пер. с англ. А.А. Юдина // *Эрос и цивилизация. Одномерный человек*. М. : АСТ, 2003. С. 5–250.
2. *Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии* ; пер. с нем. М. Вульфа. М. : ОМКО, 2012. 218 с.
3. *Браун, К.-Х. Критика фрейдо-марксизма* ; пер. с нем. С.Ф. Шушурина и Б.А. Старостина. М. : Прогресс, 1982. 270 с.
4. *Бороненкова, Я.С. Психоаналитическая социальная философия*. М. : Флинта, 2016. 112 с.
5. *Штейгервальд, Р. «Третий путь» Герберта Маркузе* ; пер. с нем. А.Д. Попова и В.М. Родина. М. : Международные отношения, 1971. 341 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. И. Мартынова

Alina.martynova@tut.by;

Научный руководитель — Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи конфликтного поведения и эмоционального интеллекта мужчин и женщин в период ранней взрослости. Чем выше эмоциональный интеллект, тем субъект более склонен выбирать стратегию сотрудничества в конфликте. Чем ниже эмоциональный интеллект, тем больше склонность к избеганию конфликта. Описаны различия в конфликтном поведении мужчин и женщин. В период ранней взрослости мужчины чаще используют стратегию конфронтации, а женщины – избегания.

Ключевые слова: конфликт; стратегии поведения в конфликте; эмоциональный интеллект.

Конфликт представляет собой сложное многоаспектное явление, объективно существующее в жизни каждого человека и определяемое через столкновение, противоречие, противостояние, противоборство и другие понятия, характеризующие разного рода взаимоотношения сторон. В психологии конфликт – это столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, фиксируемых ими в жесткой форме [1].

Каждый участник оценивает и соотносит свои интересы и интересы соперника, задавая себе вопросы: что я выиграю, что я потеряю, какое значение имеет предмет спора для соперника. На основе такого анализа он сознательно выбирает ту или иную стратегию поведения (избегание, приспособление, компромисс, уступка или сотрудничество). В данной работе мы используем схему Томаса-Килменна, согласно которой существует пять стратегий поведения в конфликте:

1. Сотрудничество (кооперация, интеграция), когда конфликтующие стороны вступают в диалог и находят выход, который помогает каждой из них максимально реализовать свои интересы и сохранить долгосрочные партнерские отношения.

2. Компромисс (взаимные уступки) – поведение, основанное на взаимных уступках.

3. Конфронтация (доминирование, соперничество, борьба, напористость), когда стороны нацелены на удовлетворение личных интересов в ущерб интересам другой стороны.

4. Приспособление (уступчивость), при котором одна из конфликтующих сторон полностью отказывается от своих интересов в пользу другой стороны.

5. Уклонение (уход, избегание, игнорирование): при этом стиле конфликтующие стороны не вступают в переговоры, не пытаются реализовать свои интересы или интересы другой стороны [2].

Поведение в конфликте напрямую связано со способностью человека понимать и управлять своими и чужими эмоциями, то есть – с эмоциональным интеллектом. Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность умственных способностей, связанных с обработкой эмоциональной информации [3]. Согласно смешанной модели эмоционального интеллекта Н. Холла, основными компонентами эмоционального интеллекта являются эмоциональная осведомленность, управление личными эмоциями, личная мотивация, эмпатия, определение эмоций других людей.

В исследовании приняли участие 37 женщин и 31 мужчина. Всего 68 респондентов в возрасте 20-39 лет. Сбор данных осуществлялся с использованием методик: Опросник стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной) [4]; Методика диагностики эмоционального интеллекта (Н. Холла) [2].

Для статистической обработки данных использовался U-критерий Манна-Уитни, а также коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По тесту К. Томаса мы получили равное количество респондентов (по 21% из общего числа), которые выбирают в конфликте стратегии приспособления, компромисса и сотрудничества. 13% респондентов в случае конфликтов выбирают стратегию избегания. 14% респондентов идут в конфликте на конфронтацию. То есть индивиды активно проявляют свои интересы, отстаивают. 4% респондентов выбирают смешанные стратегии поведения в конфликте (компромисс и избегание; конфронтацию и избегание; компромисс и приспособление). Можно предположить, что данные стратегии респонденты выбирают ситуативно, в зависимости от предмета конфликта.

По тесту Н. Холла наибольшее среднее значение получено по шкале эмоциональной осведомленности. Индивиды периода ранней взрослости знают базовые эмоции, могут их обозначить. Кроме того, эмоциональная осведомленность помогает определять, что нравится, а что не нравится, расставить приоритеты и принимать верные решения с учетом приоритетов.

Общий эмоциональный интеллект, к сожалению, низкий у 67% респондентов. Количественный состав респондентов с разным уровнем эмоционального интеллекта по всем его видам представим в таблице.

Таблица

**Количественный состав респондентов с разным уровнем
эмоционального интеллекта**

Шкалы эмоционального интеллекта	Уровни		
	Высокий	Средний	Низкий
Эмоциональная осведомленность	17 чел. (25%)	24 чел. (35%)	27 чел. (40%)
Управление своими эмоциями	3 чел.(5%)	9 чел.(13%)	56 чел.(82%)
Самомотивация	10 чел. (15%)	22 чел. (32%)	36 чел. (53%)
Эмпатия	14 чел. (21%)	24 чел. (35%)	30 чел. (44%)
Распознавание эмоций других	12 чел. (18%)	23 чел. (33%)	33 чел. (49%)
Общий эмоциональный интеллект	5 чел. (8%)	17 чел. (25%)	46 чел. (67%)

Эмоциональная осведомленность значимо положительно коррелирует с сотрудничеством ($r_s=0,266$; $p\leq 0,01$) и значимо отрицательно с избеганием ($r_s=-0,258$; $p\leq 0,01$). Это означает, что чем более индивид идентифицирует свои эмоции, умеет обозначить их, тем более он склонен выбирать стратегию сотрудничества в конфликте и не избегает его. При низкой эмоциональной осведомленности субъект выбирает избегание как стратегию поведения в конфликте. С остальными стратегиями поведения в конфликте статистически значимая связь эмоциональной осведомленности не обнаружена.

Связь управления своими эмоциями со всеми стратегиями поведения в конфликте статистически незначима. Связь самомотивации со всеми стратегиями поведения в конфликте также статистически незначима.

Эмпатия значимо положительно коррелирует с сотрудничеством ($r_s=0,306$; $p\leq 0,01$) и значимо отрицательно с избеганием ($r_s=-0,315$; $p\leq 0,01$). Это означает, что чем более индивид способен чувствовать эмоции других людей, сопереживать им, тем более он склонен выбирать стратегию сотрудничества. Чем более развита эмпатия, тем менее субъект склонен выбирать избегание.

Распознавание эмоций других людей значимо положительно коррелирует с сотрудничеством ($r_s=0,268$; $p\leq 0,01$) и отрицательно с избеганием ($r_s=-0,282$; $p\leq 0,01$). Это означает, что чем более индивид способен распознавать эмоции окружающих, создавать у них положительные эмоцио-

нальные состояния, тем более он склонен выбирать стратегию сотрудничества. При неспособности распознавать эмоции других людей субъект выбирает избегание как стратегию поведения в конфликте.

Общий эмоциональный интеллект значимо положительно коррелирует с сотрудничеством ($r_s=0,247$; $p\leq 0,01$) и значимо отрицательно с избеганием ($r_s=-0,317$; $p\leq 0,01$). То есть, чем выше эмоциональный интеллект, тем более индивид склонен выбирать стратегию сотрудничества. Чем ниже эмоциональный интеллект, тем более субъект склонен выбирать стратегию избегания.

Наиболее значимые положительные корреляционные связи выявлены между показателями эмоционального интеллекта (эмоциональная осведомленность, эмпатия, распознавание эмоций других людей и общий эмоциональный интеллект) и стратегией сотрудничества в конфликте.

Наиболее значимые отрицательные корреляционные связи выявлены между показателями эмоционального интеллекта (эмоциональная осведомленность, эмпатия, распознавание эмоций других людей и общий эмоциональный интеллект) и стратегией избегания конфликта.

Также для выявления половых различий нами был проведен сравнительный анализ данных мужчин и женщин с помощью критерия Манна-Уитни. Исходя из полученных результатов, мы можем сказать, что статистически значимые половые различия присутствуют в таких стилях поведения в конфликте, как конфронтация ($p=0,003$) и избегание ($p=0,026$).

Мужчинам более свойственно использовать конфронтацию, чем женщинам. Мы можем предположить, что это связано с тем, что в обществе существуют нормы, согласно которым мужчины должны быть более напористыми и уверенными в себе, чтобы защищать свои интересы. Это, в свою очередь, может привести к тому, что их интересы отстаиваются в ущерб интересам других.

Женщины же чаще мужчин используют стратегию избегания. Некоторые исследования также это подтверждают и показывают, что женщины чаще склонны к избеганию конфликтов из-за своих личностных особенностей, таких как высокая эмпатия, стремление к гармонии и желание избегать негативных эмоций. Также мы можем предположить, что и в данном случае это связано с влиянием социальных норм и стереотипов, в соответствии с которыми женщины должны быть более уступчивыми.

Таким образом, выявлена взаимосвязь стратегий поведения в конфликте и эмоционального интеллекта в период ранней взрослости: чем выше эмоциональный интеллект, тем более индивид склонен выбирать

стратегию сотрудничества в конфликте. Чем ниже эмоциональный интеллект, тем больше склонность к избеганию конфликта. В период ранней взрослости мужчины чаще используют стратегию конфронтации, а женщины – избегания. Такие стили поведения как сотрудничество, компромисс и приспособление у мужчин и женщин встречаются одинаково часто.

Библиографические ссылки

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.academic.ru> (дата доступа: 27.02.2025).
2. Практическая психология: учебно-методическое пособие / Под ред. С.В. Кондратьевой. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2013.
3. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополоцк: Полоцкий гос. ун-т, 2020.
4. Гришина, Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2022.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА У МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В. Л. Подмостко

prlmostkovika@gmail.com;

Научный руководитель — Т. В. Тратинко, старший преподаватель

Статья посвящена изучению детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра. Особое внимание уделено взаимосвязи между эмоциональными взаимоотношениями матерей и их отношением к заболеванию ребенка. Установлено, что у большинства матерей наблюдается повышенный уровень эмоционального напряжения, связанный с особенностями восприятия болезни, а также трудности в принятии себя в родительской роли. Полученные результаты подчеркивают значимость эмоционального состояния матери для создания благоприятной семейной среды, необходимой для развития ребенка с расстройством аутистического спектра. Исследование расширяет представления о влиянии родительских установок на динамику детско-родительских отношений и может служить основой для дальнейших научных исследований в данной области.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра; детско-родительские отношения; отношение родителей к болезни; эмоциональные взаимоотношения.

В настоящее время во всем мире отмечается стремительный рост детей с расстройствами аутистического спектра. По мировым научным данным распространенность расстройств аутистического спектра составляет 1 случай на 160 новорожденных. За последние 5 лет общее число детей с данным заболеванием, находящихся под наблюдением специалистов Республики Беларусь, выросло в 2,4 раза (по данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь за 2022 год).

Увеличение процентных данных связано не только с тем, что данное нарушение широко распространено среди детей, но и с улучшением диагностики.

Изучаемая проблема является важной, многоаспектной и сложной, однако степень изучения психологических аспектов отношения родителей, отдельно матери и отца, к заболеванию своих детей аутизмом, а также к конкретным аутистическим проявлениям и уровню развития социальных навыков, остается недостаточным. Однако такие отношения необходимо рассматривать как важный ресурс для развития ребенка с расстройством аутистического спектра.

Ключевым элементом социальной ситуации развития ребенка является его система взаимоотношений с близкими взрослыми, включая особенности общения, формы и методы совместной деятельности, которые в конечном итоге формируют личность ребенка. Вместе с тем, многие родители детей с расстройством аутистического спектра сталкиваются с дефицитом знаний о природе этого расстройства, а некоторые воспринимают его как явление мистического характера. Недостаточное понимание особенностей аутизма и неверная оценка уровня развития ребенка часто приводят к завышенным или несоответствующим требованиям со стороны родителей, что оказывает негативное влияние на течение заболевания и развитие ребенка в целом [1].

Детско-родительские отношения представляют собой сложную систему чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, используемых в общении, а также особенностей восприятия и понимания характера ребенка и его поступков, сформировавшихся в детстве родителей [2]. Важнейшим компонентом социальной среды развития ребенка с инвалидностью является его отношения с близкими взрослыми, особенности общения, а также способы и формы совместной деятельности. При этом родители с аутичными детьми находятся в состоянии хронического стресса, а для матерей характерны уход от фрустрации, эмоциональная нестабильность, повышенная чувствительность к социальным стандартам и высокий уровень тревожности по поводу внешних оценок [3].

С целью изучения эмоциональных взаимоотношений и отношения к болезни у матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра, а также выявление взаимосвязи между эмоциональным взаимоотношением и отношением к болезни в контексте воспитания, нами было организовано эмпирическое исследование на базе ГУ "Минский городской центр социального обслуживания семьи и детей".

Выборку составила группа из 23 матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра. Из них 11 женщин не осуществляет трудовую деятельность, 6 работают на неполной ставке и 7 работают на полную ставку, 16 женщин состоит в браке и воспитывает ребёнка в полной семье, 7 не состоит в браке.

Для выявления особенностей детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра, нами были подобраны следующие диагностические методики: Методика диагностики отношения к болезни ребенка (Добр; В.Е. Каган, И.П. Журавлева). Опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (ОДРЭВ).

Анализ данных по показателям эмоциональных отношений в семье показал, что мамы не всегда способны понять эмоциональное состояние ребенка, его настроение, желание. Им бывает сложно понять причины выражаемых ребенком эмоций, разобраться, почему он весел, грустен, обеспокоен. Данной группе трудно принять себя в качестве родителя. Они не умеют воздействовать на эмоциональное состояние своего ребёнка. Но следует отметить, что мамы данной группы склонны к проявлению эмпатии. Совместно с ребенком они стремятся понять его внутренний мир, его переживания, мысли и чувства. Мамы в большей степени принимают своего ребенка таким, какой он есть. Они не стремятся избегать телесных контактов, с легкостью приласкают своих детей, высоко оценят старания и достижения ребенка, покажут свою веру в его силы и возможности.

На втором этапе исследования нами были изучены особенности выраженности отношения к болезни ребенка у матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра.

Анализ данных по шкале «Интернальность» показал, что у большинства испытуемых выявлен экстернальный контроль болезни ребенка, это может обозначать, что причины болезни воспринимаются как нечто, не зависящее от родителей, что они не могут контролировать и чем не могут управлять.

По итогам показателя «Шкала тревоги» у большей части опрошенных выявлена завышенная тревожность по отношению к ребенку с расстройствами аутистического спектра. Однако, часть группы осознала свои переживания и волнения, предприняли попытки построения дальнейшего жизненного маршрута ребенка, что и способствовало снижению тревожности.

Завышенные баллы показателя «Нозогнозия» описывают преувеличение тяжести болезни ребенка. У 50% испытуемых выявлен заниженный показатель данной шкалы, это указывает на преуменьшение матерями тяжести болезни ребенка.

У большей части испытуемых шкала «Контроля» выявила высокие показатели, что говорит о тенденции устанавливать на время болезни максимальные ограничения активности ребенка.

Если говорить о суммарных результатах по всему опроснику в целом, следует сказать, что выявлены более высокие показатели, они в свою очередь характеризуют напряженное отношение к заболеванию ребенка.

Таким образом, в ходе диагностики мы установили, что, у большинства матерей, воспитывающих детей с аутизмом, напряженное отношение к заболеванию ребенка, показатели эмоциональных отношений по таким шкалам как, способность воспринимать состояние, принятие себя в качестве

родителя и умение воздействовать на состояние ребёнка являются за пределами нормы.

Исследование потребовало использования критерия Колмогорова-Смирнова. Был сделан вывод о соответствии нормальному распределению. Для оценки связи между исследуемыми величинами по полученным в ходе исследования данным проводился корреляционный анализ при помощи использования статистического метода коэффициента линейной корреляции Пирсона.

В результате чего были найдены значимые корреляционные взаимосвязи между:

- «общей напряженностью» и «эмоциональным фоном взаимоотношений» ($-0.565, p = 0.004$),
- «нозогнозией» и «безусловным принятием» ($-0.505, p = 0.012$);
- «общей напряженностью» и «умением воздействовать на ребенка» ($-0.374, p = 0.072$);
- «контролем активности» и «оказанием эмоциональной поддержки» ($-0.217, p = 0.309$), «умением воздействовать на ребенка» ($-0.238, p = 0.263$);
- «тревогой» и «умением воздействовать на ребенка» ($-0.439, p = 0.032$).

При этом, необходимо отметить, что отсутствуют статистически значимые корреляционные взаимосвязи между аспектами отношения к болезни и блоком чувствительности.

Обобщив имеющиеся результаты, можно сделать вывод, что детско-родительские отношения представляют собой сложную систему чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении, особенностей восприятия, понимания и принятия ребенка родителем. Важнейшим компонентом социальной среды развития ребенка с расстройством аутистического спектра является адекватное принятие родителями болезни ребенка и построение стиля и качества детско-родительского взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Разживина М. И., Заболотская В. А. Особенности адаптивного поведения детей с аутизмом. doi:10.23888/humJ20202201-215 // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8, № 2 (29). С. 201–215.
2. Либлинг М. М. Холдинг-терапия как форма психологической помощи семье, имеющей аутичного ребенка. // Дефектология. 1996. № 3.
3. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук МГУ М., 1986. 209 с..

ПАРАМЕТРЫ САООТНОШЕНИЯ ЛИЦ С РАССТРОЙСТВАМИ БИПОЛЯРНОГО СПЕКТРА

Д. А. Попыванов

denis07062005den83@gmail.com

*Научный руководитель – Е. Д. Беспанская-Павленко,
кандидат психологических наук, доцент*

В статье рассматривается феномен самооотношения в различных психологических теориях, представлены результаты эмпирического исследования параметров самооотношения лиц с расстройствами биполярного спектра, выявлены их особенности в сравнении с лицами без диагностированных психических расстройств.

Понимание структуры и особенностей самооотношения, присущих лицам с расстройствами биполярного спектра, имеет потенциал для оптимизации современных психотерапевтических программ для таких пациентов, включения в них работы с целостным представлением личности о себе, что могло бы сделать эффект психотерапии более предсказуемым (вследствие внимания к новой точке приложения психотерапевтической работы) и долговременным (вследствие работы с фундаментальными структурами и глубинными убеждениями индивида).

Кроме того, полученные в ходе исследования данные имеют потенциал для использования при разработке индивидуального подхода к психологической поддержке лиц с расстройствами биполярного спектра, учитывающего особенности их самооотношения, таким образом способствуя гуманизации медицинской психологии.

Ключевые слова: самооотношение; самоуважение; аутосимпатия; самоуничижение; расстройства биполярного спектра.

В современной психологии самооотношение является сложным понятием, имеющим несколько определений. Его трактовка и методы исследования различаются в зависимости от подхода, выбранного учеными, изучавшими проблемы сущности самооотношения, а также от уровня разработанности методологических основ выбранного ими направления в истории психологии [1].

Исторически первые представления о самооотношении встречаются в работах Уильяма Джеймса. Для описания отношения субъекта к себе автор использовал термин «self-esteem», рассматривая его как измеримый показатель, зависящий от двух факторов: уровня притязаний и уровня достижений субъекта [2].

С. Куперсмит в своих трудах рассматривает самооотношение как устойчивую и обобщённую систему. По его мнению, оно формируется в течение жизни и проявляется в виде одобрения или неодобрения человеком самого себя [3].

В теории личности К. Роджерса основным фактором, определяющим отношение человека к себе, является степень самореализации. К. Роджерс

выделяет два элемента самоотношения: самопринятие и самооценку. Самопринятие он связывает с общим отношением к себе, которое поддается изменению с помощью «сознательных усилий», а самооценку понимает как оценку индивидом конкретных собственных личностных качеств [4].

В отечественной литературе термин «самоотношение» был впервые использован грузинским исследователем Н. И. Сарджвеладзе [5]. Согласно автору, самоотношение определяется как отношение субъекта потребности к ситуации её удовлетворения, направленное на самого себя и для конкретного субъекта обусловленное взаимодействием отдельных содержательных единиц в его структуре [6].

В. В. Столиным самоотношение трактуется как структура в самосознании личности и является выражением смысла «Я», обобщенным чувством, к нему обращенным [7].

Согласно С. Р. Пантилееву, самоотношение каждого индивида имеет определенную специфику, определяющуюся «эмоциональным тоном» и «семантическим содержанием» представлений индивида о собственной личности.

Понимание параметров и особенностей самоотношения, присущих лицам с расстройствами биполярного спектра, имеет потенциал для оптимизации современных психотерапевтических программ для таких пациентов, включения в них работы с целостным представлением личности о себе, что могло бы увеличить предсказуемость и долговременность эффекта психотерапевтического вмешательства.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются концепция самосознания В. В. Столина и концепция самоотношения С. Р. Пантилеева. Для получения первичных данных была использована методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева (МИС) [8].

В исследовании приняли участие 70 человек (29 мужчин и 41 женщина) в возрасте от 20 до 40 лет (средний возраст – 27,3 года). Выборка исследования состоит из двух групп:

- 32 человека с диагностированными расстройствами биполярного спектра, из которых 13 – с биполярным расстройством первого типа, 15 – с биполярным расстройством второго типа, 4 – с неуточненным биполярным расстройством.
- 38 человек без диагностированных психических расстройств – группа сравнения.

Лица с расстройствами биполярного спектра являются пациентами нескольких врачей-психотерапевтов на территории Республики Беларусь, респонденты группы сравнения – сотрудники ресторанной сети в г. Гомель.

Для определения преобладающих и наименее выраженных параметров самооотношения групп респондентов с расстройствами биполярного спектра и без диагностированных психических расстройств было рассчитано медианное значение для всех шкал и мета-факторов методики исследования самооотношения С. Р. Пантилеева, так как распределение показателей респондентов по шкалам и мета-факторам методики, согласно критерию Колмогорова-Смирнова, значительно отличается от нормального.

Таким образом, принимая во внимание одинаковую размерность шкал методики после перевода полученных респондентами баллов в стены, можно сделать следующие выводы:

1. Показатель отраженного самооотношения относительно высокий среди всей выборки ($m = 6$ для лиц с расстройствами биполярного спектра и без диагностированных психических расстройств). Следовательно, респондентам данного исследования свойственно представлять собственный образ при предполагаемом восприятии окружающими несколько позитивнее, чем при восприятии самим собой.

2. Самопринятие является наименее выраженным компонентом структуры самооотношения лиц с расстройствами биполярного спектра ($m = 3,5$). Таким образом, лица с расстройствами биполярного спектра склонны воспринимать себя излишне критично, их симпатия к себе проявляется лишь эпизодически.

3. Наиболее выраженным мета-фактором среди выборки является «Самоуважение» ($m = 14$ для лиц с расстройствами биполярного спектра и $m = 16$ для группы сравнения). Следовательно, респондентам данного исследования свойственно приоритезировать когнитивную оценку собственной личности, инструментальную сторону Я.

Для выявления различий в структуре самооотношения между лицами с расстройствами биполярного спектра и без диагностированных психических расстройств был использован U-критерий Манна-Уитни, с его помощью были получены следующие данные.

Существуют значимые различия между группами респондентов по шкалам «Самоуверенность», «Саморуководство» и «Отраженное самооотношение», а также по мета-факторам «Самоуважение» и «Аутосимпатия».

Различия по шкале «Самоуверенность» ($\bar{x}=40,43/29,64$; $n=38/32$ для респондентов с расстройствами биполярного спектра и без подобных расстройств соответственно; $p=0,024$) свидетельствуют об относительно малой выраженности самоуверенности у респондентов с названными расстройствами. Они могут объясняться свойственным таким индивидам восприятием себя как слабого или неполноценного человека, не способного самостоятельно решать возникающие проблемы, проявлять асертивность.

Выраженность подобных установок может быть проинтерпретирована как следствие ограничений, накладываемых расстройством на жизнь индивида в сферах установления социальных контактов и планирования деятельности [9]. Опыт стигматизации подкрепляет дисфункциональные установки вследствие подчеркивания окружающими особенностей индивида, зачастую с преувеличением или искажением объективно существующих симптомов.

Различия по шкале «Саморуководство» ($\bar{r}=41,55/28,31$; $n=38/32$; $p=0,006$) указывает на относительно малую выраженность этого показателя у респондентов с расстройствами биполярного спектра. Так, данным лицам в меньшей мере свойственно представление о собственной личности как об основном источнике активности, результатов и достижений, присущих им, таким образом подчеркивается воспринимаемое доминирование внешних обстоятельств в формировании будущего индивида.

Проблема неспособности в полной мере влиять на собственное будущее особенно актуальна для лиц с расстройствами биполярного спектра. Самочувствие и продуктивность таких индивидов во многом зависит от течения заболевания, смены фаз и их чередования с интермиссиями, что проявляется особенно ярко в отсутствие адекватного медикаментозного и психотерапевтического лечения [9].

Различия по шкале «Отраженное самоотношение» ($\bar{r}=40,22/29,89$; $n=38/32$; $p=0,027$) свидетельствуют об относительно малой выраженности у лиц с расстройствами биполярного спектра представления о способности вызвать у других людей уважение или симпатию.

Подобные различия в литературе интерпретируются как следствие стигматизации индивидов с психическими расстройствами. При продолжительном предвзятом отношении окружающих структура самоотношения индивида может изменяться, причем различия в отраженном самоотношении отражают важнейший компонент этих изменений – ожидание определенной модальности чувств, испытываемых окружающими к больному [10].

Различия, выявленные для мета-фактора «Самоуважение» ($\bar{r}=40,93/29,05$; $n=38/32$; $p=0,015$) также указывают на относительно малую его выраженность среди лиц с расстройствами биполярного спектра. Таким образом, данным лицам свойственно ниже оценивать соответствие собственного «Я» названным социально-нормативным критериям.

В рамках интерпретации подобных различий предполагается переживание индивидами с расстройствами биполярного спектра собственной ненужности, неуместности в мире. Вероятно, подобное переживание вызвано не только различиями в области трудоспособности или предска-

мости поведения, но и субъективно воспринимаемым несоответствиям базовым требованиям, предъявляемым к члену общества в области нравственности и моральности.

Различия, обнаруженные для мета-фактора «Аутосимпатия» ($\bar{r}=40,63/29,41$; $n=38/32$; $p=0,021$) свидетельствуют о переживаемом несоответствии лиц с расстройствами биполярного спектра их представлениям о собственном потенциале, о недовольстве всей своей личностью. Вероятно, заболевание воспринимается не как преграда самореализации (в таком случае не возникало бы подобного недовольства), а как структурный компонент негативно оцениваемой личности. Следовательно, индивиду свойственно воспринимать ограничения, накладываемые расстройством, как заслуженное наказание. В таком случае расстройство может являться причиной низкой аутосимпатии, но субъективно воспринимается как ее следствие.

Таким образом, в ходе исследования получены данные о параметрах и структуре самоотношения лиц с расстройствами биполярного спектра, значимых отличиях данной структуры от структуры самоотношения психически здоровых людей, что может способствовать как разработке более эффективных психотерапевтических программ для лиц с подобными расстройствами, так и развитию взгляда на человека с аффективным, как и любым другим, психическим расстройством в первую очередь как на личность, а не как на пациента с установленным диагнозом.

Библиографические ссылки

1. Селезнева, Е.В. Самоотношение как акмеологический феномен // Мир психологии. 2008. №4. С. 238–249.
2. Джеймс, У. Принципы психологии // Классическое наследие. 2018. №1-2. С. 24-48.
3. Герасимов, П.Е. Теоретические аспекты проблемы самоотношения // Изв. Саратов. ун-та. Психология развития. 2010. №4. С. 80–84.
4. Чеснокова, И.И. Проблемы самосознания в психологии. М. : Наука, 1977. 109 с.
5. Сарджвеладзе, Н.И. Структура самоотношения личности и социогенные потребности. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 70 с.
6. Сарджвеладзе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси : Мецниереба, 1989. 206 с.
7. Столин, В.В. Самосознание личности. М. : изд-во МГУ, 1983. 284 с.
8. Пантилеев, С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
9. Miklowitz, D.J., Johnson, S. L. The Psychopathology and Treatment of Bipolar Disorder // Annu Rev Clin Psychol. 2006. P. 199–235.
10. Белова, А.Ю. Социальная стигматизация и пути ее преодоления у больных с психическими расстройствами // Психиатрия и психофармакотерапия. 2019. №1. С. 14–23.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

А. Н. Рабушиц

alina.rabushchishch@mail.ru;

Научный руководитель — Т. В. Тратинко, старший преподаватель

Статья посвящена эмпирическому исследованию взаимосвязи самооффективности и субъективного благополучия у молодых специалистов. В работе описана актуальность исследования данной проблематики, а также проведен анализ показателей самооффективности и субъективного благополучия как детерминанты профессиональной идентичности. В результате исследования были выявлены эмпирические показатели, свидетельствующие о наличии корреляционных связей между субъективным благополучием и показателями самооффективности молодых специалистов. Степень внедрения результатов данного исследования может быть высокой в пределах образовательных учреждений, программ обучения и организаций, ориентированных на развитие профессиональных навыков молодых специалистов.

Ключевые слова: самооффективность; субъективное благополучие; профессиональная идентичность; профессиональная деятельность; самосознание личности; молодой специалист.

В настоящее время важность изучения профессиональной идентичности связана с современным положением дел в профессиональной сфере. Поиск себя в профессии становится все более востребованным. Гибкость и оперативность в решении новых задач, а также умение удовлетворять постоянно меняющиеся потребности общества и индивида, являются важными качествами молодого специалиста в современных условиях.

Показатели субъективного благополучия и самооффективности играют значительную роль в современной психологии и психологической практике.

Анализ различных подходов самооффективности (А. Бандура, Д. Зиглер, О. О. Богатырёва, М. И. Гайдар) показывает, что в современной психологии существует четкое определение данного феномена и его проявлений в разных аспектах жизни: мотивации, эмоциональном состоянии, профессиональном самоопределении, способности справляться со стрессовыми ситуациями, сохранении здоровья и социальной адаптации, что влияет на поведение человека [1].

В основе феномена самооффективности лежит способность человека анализировать и осознавать свои способности, а затем применять эти умения и навыки наиболее эффективным образом. В этом заключается важная составляющая успешной личности, которая дает возможность для реализации личных и профессиональных целей [2, с. 306].

Субъективное благополучие рождается, становится и развивается в процессе социализации, которая подразумевает успешную адаптацию к обществу.

С одной стороны, субъективное благополучие – феномен, целиком относящийся к внутренней системе личности, внутренний критерий адаптированности в социуме, с другой – оно основано на объективных социальных установках, влияет на внешнее поведение индивида и, очевидно, является объективным критерием качества самой жизни и позитивности интегральной детерминации личности [3].

Исследование самоэффективности и субъективного благополучия в профессиональной деятельности личности актуально, поскольку отношение профессионала к себе, как к компетентному специалисту, может оказать заметное влияние на его успешность при осуществлении профессиональных функций. Субъективное отношение к выполняемой деятельности реализуется в обращенности человека к своим внутренним резервам, потенциалам развития, возможностям выбора средств действий и построения определенной стратегии деятельности, поведения и жизни в целом.

Цель исследования: выявить взаимосвязь самоэффективности и субъективного благополучия у молодых специалистов.

Объект исследования: самоэффективность и субъективное благополучие как детерминанты профессиональной идентичности.

Предмет исследования: взаимосвязь самоэффективности и субъективного благополучия у молодых специалистов.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь самоэффективности и субъективного благополучия у молодых специалистов.

Выборку составила группа из 22 человек, которые в данный момент являются молодыми специалистами, в возрасте от 19 до 25. Из них 19 девушек и 3 юношей. Средний возраст выборки составил 21,7 лет.

В качестве основного диагностического материала использовались 2 методики: методика Диагностика самоэффективности (Маддукс, Шеер); экспресс-методика диагностики структуры субъективного благополучия (ССБ) Э. Динер.

По результатам исследования самоэффективности в сфере предметной деятельности у молодых специалистов средний показатель составляет 24,09, что соответствует среднему уровню и означает, что молодые специалисты зачастую характеризуются адекватной самооценкой, которая позволяет им ставить реалистичные цели и добиваться их, также у таких людей чаще оптимистические или пессимистические сценарии развития событий.

В результате исследования самоэффективности в сфере межличностного общения средний показатель составляет 10,23 что соответствует

среднему уровню выраженности. Это говорит о том, что большинство молодых специалистов можно охарактеризовать, как людей верящих в свою способность устанавливать и поддерживать социальные контакты.

Рассмотрим полученные результаты по общему показателю субъективного благополучия у молодых специалистов (по экспресс-методике диагностики структуры субъективного благополучия (ССБ)). Средний показатель составляет 128,23, что соответствует удовлетворительному уровню. Это свидетельствует о том, что в целом испытуемые удовлетворены различными сферами своей жизни.

По шкале «социальное благополучие» был диагностирован у 12 специалистов (55%) удовлетворительный уровень, высокий уровень – у 9 человек (41%), очень высокий уровень был выявлен у 1 молодого специалиста (4%), низкий и очень низкий уровни не были диагностированы. Среднее значение – 28,27, что соответствует удовлетворительному уровню и означает, что у молодых специалистов присутствует удовлетворенность своим социальным окружением, при этом есть желание расти дальше в данной сфере и расширять свои социальные связи и улучшать их качество.

По шкале «психологическое благополучие» молодых специалистов было выявлено, что у 13 человек (59%) преобладает удовлетворительная степень выраженности, низкий уровень – у 4 специалистов (18%), высокий – также у 4 человек (18%) и очень низкий выявлен у 1 специалиста (5%). Среднее значение – 25,18, что соответствует удовлетворительному уровню и это выражается в том, что такие люди в большинстве случаев испытывают удовлетворение в личностном росте, уверенности в себе, своей самооценке и только в отдельных ситуациях переживает неприятные чувства.

По шкале «материальное благополучие» у молодых специалистов, было выявлено, что у 16 человек (73%) удовлетворительный уровень, высокий – у 3 специалистов (14%), низкая степень выраженности характерна для 2 человек (9%), очень низкая для одного специалиста (4%). Средний показатель составляет 26,50 что соответствует удовлетворительному уровню. Это говорит о том, что молодые специалисты в сферах отдыха, финансов, питания и жилищных условия находят удовлетворение базовых потребностей, однако стремятся к улучшению условий материальной части своей жизни.

По шкале «физическое благополучие» у 11 специалистов (50%) преобладает удовлетворительный уровень, низкий – у 4 человек (18%), высокий уровень у 4 специалистов (18%), и 3 человека (14%) обладают очень низким уровнем своего физического благополучия. Среднее значение – 24,32, что соответствует удовлетворительному уровню и означает состояние, при котором человек максимально удовлетворен возможностями своего

тела, организма, может преодолевать значительные физические нагрузки и, при этом, сохранять работоспособность. Отсутствие хронических заболеваний, редкие проблемы с самочувствием также присущи большинству испытуемых.

По шкале «духовное благополучие» был диагностирован у 13 специалистов (11%) удовлетворительный уровень, высокий - у 5 человек (23%), низкий уровень был выявлен у 4 молодых специалистов (18%), очень низкий и очень высокий по одному специалисту соответственно (4%). Среднее значение – 26,05, что соответствует удовлетворительному уровню и означает, что у молодых специалистов зачастую не вызывает негативных эмоций и находят удовлетворение сферы образования, религий, ценностей и традиций.

Исходя из полученных результатов, можно отметить, что среднее значение уровней самооффективности у молодых специалистов свидетельствуют об адекватной оценке потенциала в той или иной сфере их жизнедеятельности. Субъективное благополучие у молодых специалистов находится на достаточном уровне удовлетворенности их различными сферами жизни, такие люди характеризуются уверенностью в себе в большинстве ситуаций и обладают перспективой развития. В ходе исследования выявлено, что распределение типов субъективного благополучия равномерное.

Вторым этапом исследования стала статистическая обработка данных для определения выявления взаимосвязи между самооффективностью и субъективным благополучием у молодых специалистов. Проверили полученные результаты на нормальность распределения с помощью критерия Колмагорова-Смирнова.

После проверки эмпирических данных, на нормальность распределения для выявления взаимосвязи использовали коэффициент корреляции Спирмена.

В ходе статистической обработки на выявление взаимосвязи между самооффективностью и субъективным благополучием у молодых специалистов была выявлена взаимосвязь между следующими шкалами: «самооффективность предметной деятельности» и «духовное благополучие» ($r=0,171$, $p=0,044$); «самооффективность межличностного общения» и «социальное благополучие» ($r=0,294$, $p=0,033$); «самооффективность межличностного общения и психологическое благополучие» ($r=0,177$, $p=0,024$).

Таким образом, мы можем говорить о том, что чем выше уровень самооффективности предметной деятельности у молодых специалистов, тем выше их духовное благополучие, тогда как уверенность в межличностных коммуникациях напрямую влияет на социальное и психологическое здо-

ровье. Следовательно, от уровня самооффективности молодых специалистов в различных сферах зависит не только качество их жизни, но и способность адаптироваться к меняющимся условиям профессиональной среды, налаживать эффективные социальные связи и справляться с психологическими трудностями.

Связь между субъективным благополучием и самооффективностью подчеркивает важность для профессиональной идентичности, где уверенность в своих силах взаимосвязана с ощущением удовлетворенности жизнью, создавая гармоничную картину баланса между внутренним миром и внешней деятельностью.

Библиографические ссылки

1. *Кобец В.Н.* Концепция самооффективности и ее использование в процессе подготовки будущих управленцев // Теория и практика управления социальными системами: философия, психология, педагогика, социология: ежеквартальный научно-практический журнал. 2012. № 3. С. 24-30
2. *Гайдар, М.И.* Личностная самооффективность студентов-психологов и возможности ее развития в процессе профессиональной подготовки // Вестник университета (Государственный университет управления) - М.: ГУУ, 2008. - №10 (20). С. 306-309.
3. *Джидарьян, И.А.* Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал №2, 2000. С. 40-48.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ДОВЕРИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

И. И. Савельева

irisasea24@gmail.com;

Научный руководитель — Ю.С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор рассматривает особенности доверия и переживания одиночества у представителей ранней взрослости с различным статусом романтических отношений. Выявлено, что у состоящих в отношениях индивидов более высокие показатели доверия связаны с меньшей зависимостью от общения. При отсутствии романтических отношений наблюдается отрицательная взаимосвязь между доверием и переживанием одиночества. Индивиды, не состоящие в отношениях, имеют более высокие показатели позитивного одиночества, что свидетельствует о способности продуктивно проводить время в уединении.

Ключевые слова: доверие; переживание одиночества; зависимость от общения; позитивное одиночество; романтические отношения; ранняя взрослость.

Межличностные отношения представляют собой особую категорию, отражающую связь личности с окружающим миром и другими людьми. Они формируются на основе общественных отношений, но при этом, как отмечает Г.М. Андреева, не являются простым продолжением общественных связей. Она подчеркивает, что природу этих отношений следует рассматривать как отдельное явление, которое формируется внутри каждого вида общественных отношений. Это позволяет лучше понять их уникальные характеристики и динамику [1].

Межличностные отношения – это динамическая структура, которая постоянно изменяется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Одними из значимых факторов, влияющих на межличностные отношения, являются доверие и переживание одиночества.

Понятие доверия активно используется исследователями в контексте изучения межличностных отношений. Будучи сложно детерминированным явлением, оно тесно связано с мерой доверия, возникающего между субъектами. Поэтому любое рассмотрение проблем генезиса, динамики развития отношений в целом, а также их отдельных проявлений, неизбежно наталкивается на необходимость включения в фокус внимания явления доверия. В различной интерпретации данное теоретическое положение постоянно присутствует в работах, направленных на изучение межличностных отношений [2; 3; 4].

По мнению многих исследователей, одна из ключевых функций доверия – регуляция системы межличностных отношений. Оно стимулирует

развитие отношений, активизирует взаимодействие между сторонами и способствует уменьшению напряженности. Роль доверия проявляется не только в межличностных отношениях, но и в формах и качестве взаимодействия человека с окружающим миром. Г.М. Заболотная отмечает: «Одним из важнейших факторов, определяющих характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений, является доверие. Оно непосредственно "вплетено" в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества» [5, с. 79].

Д. Перлман и его коллеги провели исследование, заключившее, что у мужчин переживание одиночества сильнее зависит от наличия близких взаимоотношений, чем у женщин. Так, овдовевшие мужчины имеют более высокий уровень переживания одиночества, чем состоящие в браке, в то время как среди женщин статистически значимой разницы обнаружено не было [6].

Тем не менее, в исследовании половых различий в жизненных ценностях в период ранней взрослости было установлено, что и для мужчин, и для женщин любовь и семья занимают высокое положение в иерархии ценностей, что можно также трактовать как желание создавать близкие, доверительные межличностные связи и избегать одиночества [7]. Также исследования факторов риска одиночества позволяют прийти к выводу, что, несмотря на некоторые различия, всё, так или иначе, сводится к количеству и качеству социальных отношений [8].

Исходя из этого, можно заключить, что исследование доверия и переживания одиночества в период ранней взрослости имеет большое значение. В этом возрасте происходит формирование норм и способов общения с другими и с самим собой, поскольку имеются определенные коммуникативные предпосылки и заложена база для полноценного развития, но, в то же время, существует потенциал для их дальнейшего улучшения и совершенствования. Сталкиваясь с необходимостью постоянно взаимодействовать и выстраивать коммуникацию, индивиды также предстают перед множеством вызовов взрослой жизни, зачастую испытывая трудности в их преодолении. Это сказывается на их личностных особенностях и может спровоцировать проблемы в социальной сфере, такие как невозможность выстраивания доверительных отношений с самим собой и другими, ощущение недостатка близости и, как следствие, переживание субъективного одиночества.

Установки в отношении себя также различаются в зависимости от возраста [9]. Респонденты в возрасте за шестьдесят имеют более высокую самооценку и чувство независимости, чем двадцатипятилетние, что объясняется снижением значимости наличия любимого или сексуального партнера. Таким образом, можно прийти к выводу, что наличие или отсутствие романтических отношений в период ранней взрослости может являться фактором доверия и переживания одиночества.

Исследование проводилось среди 125 человек в возрасте от 17 до 25 лет, среди которых 60 мужчин и 65 женщин. В романтических отношениях состоят 52 человека, не состоят 73.

Изучение доверия себе было реализовано с помощью рефлексивного опросника уровня доверия к себе (Т.П. Скрипкина, А.Б. Купрейченко) [10]. Также применялась «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Асташиной [11], направленная на изучение феноменологических проявлений доверия себе для получения более точных и подробных сведений. Изучение доверия другим людям и социального доверия было реализовано с помощью методики «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцкий, Т.В. Казанцева) [12]. Уровень переживания одиночества респондентов был выявлен при помощи краткой версии «Дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к)» (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) [13].

Анализ полученных данных, представленных в таблице, показал, что представители ранней взрослости, не состоящие в романтических отношениях, в среднем способны продуктивно, творчески проводить ситуации уединения, имея более высокие показатели позитивного одиночества ($p = 0,042$). По остальным показателям статистически значимые различия не обнаружены. Опираясь на полученные результаты, мы также выдвинули гипотезу о том, что индивиды, состоящие в романтических отношениях, характеризуются более высоким уровнем доверия по сравнению с теми, кто не имеет партнера. Они также демонстрируют более низкие показатели общего состояния одиночества, менее испытывая социальную изоляцию и нехватку эмоциональной близости. Данные выводы и предположения требуют дальнейшего углубленного исследования особенностей доверия и переживания одиночества в романтических отношениях.

Таблица

Доверие и переживания одиночества при наличии и отсутствии романтических отношений

	Состоит ли в романтических отношениях	
	Да	Нет
Доверие себе в жизненно значимых сферах	67,27	59,96
Доверие себе в феноменологических проявлениях	64,79	61,73
Доверие другим	64,58	61,88
Социальное доверие	61,93	63,76
Общее переживание одиночества	57,62	66,84
Зависимость от общения	61,34	64,18
Позитивное одиночество	55,22	68,54

При исследовании взаимосвязи доверия и одиночества были обнаружены корреляции, специфические для состоящих и не состоящих в романтических отношениях представителей ранней взрослости. Так, имеется отрицательная взаимосвязь между доверием себе и зависимостью от общения ($r_s = 0,330$ при $p = 0,017$), а также социальным доверием и зависимостью от общения ($r_s = 0,288$ при $p = 0,039$) у индивидов, состоящих в романтических отношениях, тогда как у не состоящих были обнаружены отрицательные взаимосвязи между доверием другим и общим переживанием одиночества ($r_s = 0,291$ при $p = 0,013$), а также социальным доверием и общим переживанием одиночества ($r_s = 0,240$ при $p = 0,041$). Можно предположить, что наличие стабильных отношений снижает зависимость от внешнего социального окружения, обеспечивая эмоциональную поддержку в паре, тогда как отсутствие романтических отношений делает значимыми другие социальные связи, а недостаток доверия к ним усиливает ощущение изоляции.

Опираясь на результаты исследования, можно предположить, что наличие романтических отношений меняет структуру взаимосвязи между доверием и одиночеством, определяя характер их переживания. Для состоящих в романтических отношениях индивидов в период ранней взрослости важным фактором становится внутренняя уверенность и доверие к своему окружению, что снижает социальную зависимость. Вместе с тем, для не состоящих в романтических отношениях ключевую роль играет общий уровень доверия к людям: его снижение связано с более выраженным переживанием одиночества. Это подчеркивает важность формирования доверительных социальных контактов независимо от наличия романтического партнера.

Библиографические ссылки

1. *Андреева, Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2000. 376 с.
2. *Астанина, Н.Б.* Развитие представлений о доверии как о психологическом феномене в зарубежной науке // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 1. С. 139–143.
3. *Сафонов, В.С.* О психологии доверительного общения / В.С. Сафонов // Проблема общения в психологии / [Под ред. Б.Ф. Ломова]. М.: Наука, 2011. С. 264–272.
4. *Якушева, М.В.* Особенности невербальной презентации доверия и недоверия в межличностном общении: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 26 с.
5. *Заболотная, Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестн. РУДН. Серия: Социология. 2003 № 4/5. С. 79–85.

6. Лабиринты одиночества / пер. с англ. сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989. 624 с.
7. *Король, Н.В.* Гендерные различия в жизненных ценностях в период ранней взрослости // Актуальные проблемы педагогики и психологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск, 2012. С. 95-100.
8. *Barjaková, M., Garnero A., d'Hombres B.* Risk factors for loneliness: A literature review // *Social science & medicine*. 2023. Vol. 334. P. 116-161.
9. *Левченко, А.В.* Переживание одиночества в пожилом возрасте // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2014. №10 (116). С. 199-204.
10. *Купрейченко, А.Б.* Психология доверия и недоверия. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 564 с.
11. *Астанина, Н.Б.* Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» // Психологическая наука и образование. 2010. №3. С. 159–172.
12. *Почебут, Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В.* Социальный капитал личности. М. : ИНФА, 2014. 250 с.
13. *Леонтьев, Д.А., Осин Е. Н.* Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) // М. : Смысл, 2016. 88 с.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИИ И РИСКОВ

В. А. Семёнова

semenovavaleria2004@yandex.ru;

*Научный руководитель — И. И. Калачёва, доктор исторических наук,
профессор*

В публикации автор говорит о феномене бренда города и стратегиях его создания. Описываются различные памятники историко-культурного наследия города Полоцка, а также их роль в формировании имиджа. Данная работа может послужить основой для проведения исследования и более глубокого анализа данного вопроса. Так же, работа может быть использована для разработки новых туристических маршрутов по Полоцку, что будет способствовать увеличению потока туристов и повышению уровня экономики города.

Ключевые слова: этика; биоэтика; коммуникативная компетентность; медицина; коммуникация.

Медицина в современном мире сталкивается с рядом изменений в системе ценностей и появлением новых проблем. Стремительное развитие информационных технологий вызвало необходимость переосмысления уже существующих ценностей, в особенности коммуникационных подходов между врачом и пациентом, которые играют центральную роль в достижении успешных результатов оказания медицинской помощи и поддержании высокого уровня доверия к медицинским учреждениям.

Ценностные трансформации, происходящие в системе здравоохранения, а именно: изменение этических, моральных, профессиональных ценностей, развитие высокотехнологичных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации пациентов существенно меняет парадигму взаимоотношений врач-пациент. Пациенты становятся более информированными и требовательными, что требует от врачей грамотной подготовки и совершенствования знаний не только в решении диагностических и терапевтических решений, но и в построении эффективной коммуникации, которая является основой оказания медицинской помощи, влияющей на уровень удовлетворенности пациента. Врач должен владеть этическими основами и учитывать эмоциональные и психологические аспекты в сложных и неоднозначных ситуациях, что делает коммуникацию сложной и многоуровневой.

Биоэтика — это наука, изучающая человека и принципы его поведения в области здравоохранения. Она рассматривает ряд медицинских, фило-

софских, юридических, биологических проблем и внедрение законов о защите прав человека для снижения негативных последствий в альянсе «врач-пациент», повышая степень ответственности и обязанности врача на правовом уровне. Биоэтика состоит из принципов, которые рассматривают такие процессы жизнедеятельности, как рождение, выживание, болезнь и смерть человека. Принципы прописаны в декларации ООН о биоэтике и правах человека, образуя многоуровневую систему, которая применяется в клинической практике для обоснования конкретного поведения в различных ситуациях и защиты прав человека в системе здравоохранения.

В основе биоэтики лежат представления о недостаточности одностороннего медицинского истолкования телесного благополучия как цели врачевания. Насущной необходимостью является междисциплинарный диалог медиков с представителями широкого круга гуманитарных наук и диалог с пациентами и представителями общественности. Только так может быть адекватно выражена и понята многоплановая природа человеческого страдания и на этом основании выработана современная регулятивная идея блага и как цели врачевания для отдельного индивида, и как цели общественного здравоохранения в целом [1].

Стоит отметить, что достижения научно-технического прогресса в биомедицине не только расширили возможности в области биомедицины, но и повлияли на традиционные представления о добре и зле, благе пациента, представления о начале и конце жизни человека, и, соответственно, дали еще один дополнительный стимул развитию биоэтики [2].

Сегодня биоэтику рассматривают с точки зрения теоретической, прикладной и профессиональной этики.

Прикладная этика рассматривает общезначимые моральные дилеммы современности в различных областях науки и общественной жизни. Главной особенностью прикладной этики является признание права личного морального выбора человека в уникальной ситуации.

Прикладную этику следует отличать от профессиональной (практической, нормативной) этики. Профессиональная этика – система моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом особенностей его профессиональной деятельности и конкретной ситуации. Профессиональная этика является неотъемлемой составной частью подготовки каждого специалиста. Исторически профессиональная этика прежде всего сложилась в медицинской, юридической, педагогической профессиях, в которых центральное место занимает помощь конкретному человеку и, следовательно, взаимодействие с ним [3].

Профессиональная (практическая, нормативная) биоэтика – институционально оформленная нормативная регуляция и ценностная экспертиза

отношения человека к живому. Соответствующие предписания оформляются в виде клятв (например, клятва Гиппократа), деклараций (например, Декларация о правах инвалидов), не являющихся юридическими документами по своей сути, а также нормативно-правовых актов, конвенций (например, Конвенция о биологическом разнообразии) [1].

Стоит отметить, что в Республике Беларусь существует постановление «О правилах медицинской этики и деонтологии», в котором содержится совокупность норм, правил и принципов поведения медицинских работников при выполнении должностных обязанностей. Врачи должны соблюдать такие принципы, как: гуманизм, милосердие, сдержанность, конфиденциальность и толерантность.

Принцип гуманизма заключается в том, что врач должен уметь сострадать и уважать жизнь пациента. Врач не имеет права совершать действия, которые могут физически или психологически навредить или вовсе привести к летальному исходу независимо от того, какой возраст, пол, социальное положение или характер заболевания у пациента.

Принцип милосердия направлен на достижение благой цели. Врач должен облегчать страдания пациента, используя эффективные методы лечения, а также проявлять заботу, внимание и поддержку к пациентам, помогая справиться с эмоциональными и физическими трудностями.

Принцип сдержанности выражается в умении врача проявить терпение к пациенту, быть тактичным. Врач должен не только обеспечивать пациента полной информацией о лечебном процессе, но и учитывать интересы пациента и давать возможность самостоятельно принимать решение о своем здоровье.

Принцип конфиденциальности заключается в сохранении информации о здоровье пациента.

Принцип толерантности проявляется в уважении врачом взглядов, убеждений, а также отсутствии дискриминации пациента по всевозможным аспектам: национальные и религиозные признаки, этническое происхождение, политические убеждения и тому подобное.

Вышеперечисленные принципы являются неотъемлемой частью коммуникации в альянсе «врач-пациент», обеспечивая безопасное и уважительное отношение к пациентам. Соблюдение врачами этических принципов помогает не только в улучшении уровня оказываемой медицинской помощи, но и в достижении наилучших результатов в лечебном процессе.

Ко всему этому, одной из ключевых проблем в общении врача и пациента является цифровизация здравоохранения. При общении через цифровые платформы сложнее наблюдать за выражением лица, позами, жестами и другими невербальными сигналами, которые иногда могут указывать на эмоциональное состояние или дискомфорт у пациента.

Чтобы у пациента не было дискомфорта при проведении консультаций, врач должен уметь расслабить пациента, убедить его в том, что он не одинок, что пациент может справиться со своей болезнью, он должен почувствовать настоящее сочувствие и понимание. При проведении консультации врачу необходимо быть убедительным. Он должен уметь объяснить пациенту диагноз и выбор терапии таким образом, чтобы пациент понял, что его отношение к лечению является важным фактором в его собственном выздоровлении. Врачу нужно понимать, что его роль не ограничивается просто практикой медицины. Это еще и возможность проявить свое влияние на нравственное развитие общества. Врач должен создавать культуру заботы о здоровье и направлять их на путь к здоровью.

Библиографические ссылки

1. *Петров В.И., Седова Н.Н.* Практическая биоэтика. Этические комитеты в России. М.: Триумф, 2002. 192 с.
2. *Бартко А.Н., Михайлов Е.П.* Биомедицинская этика: Теория, принципы и проблемы: В 2 ч. М.: Изд-во ММСИ, 1996. Ч. 1.: Теория и принципы биомедицинской этики. 161 с.
3. *Лихачев С.В., Жакова С.Н.* Биоэтика: Учеб. пособие / М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, Перм. аграрно-технологический ун-т им. акад. Д.Н. Прянишникова. Пермь: Прокрость, 2021. 118 с.

ОТРИЦАНИЕ КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА И РАЗЛИЧИЯ НЕГАТИВНОГО И СПЕКУЛЯТИВНОГО МЕТОДОВ В ФИЛОСОФИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

И.Д. Синюкович

blackcrowhuginn@gmail.com

*Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук,
доцент*

В данной статье представлен вариант интерпретации сущности абсолютного метода в философии Г.В.Ф. Гегеля на основе анализа «Феноменологии духа» и «Науки логики». Объектом исследования выступает система абсолютного идеализма, предмет исследования – метод системы науки Г.В.Ф. Гегеля. Целью данной статьи является доказательство единства и различия метода в философии Г.В.Ф. Гегеля, в контексте проблемы отрицания. В рамках исследования аргументирован тезис о единстве и одновременном различии двух ипостасей абсолютного метода, немецкого философа: единство основано на одинаковой форме, а отличие порождается доминированием различных аспектов негации в них. Тем не менее, именно отрицание и соединяет негативный метод «Феноменологии духа» и спекулятивный метод «Науки логики» в единое целое, как так оба момента негации всегда присутствуют одновременно. Актуальность статьи заключается в изложении в рамках данного исследования особенностей абсолютного метода философии Г.В.Ф. Гегеля и роли отрицания в рамках его функционирования, что, в свою очередь, позволит точнее понимать абсолютный идеализм и, соответственно, многие составляющие современной интеллектуальной действительности.

Ключевые слова: Г.В.Ф. Гегель; «Наука Логики»; «Феноменология духа»; абсолютный метод; негативный метод; спекулятивный метод; отрицание.

Г.В.Ф. Гегель – один из величайших философов в истории человечества, чьи идеи легли в основу дальнейшего развития разнообразных философских течений, тем самым оказав неоценимый вклад в развитии всей современной интеллектуальной жизни. И именно сейчас, в XXI веке, освобождаясь от идеологического контекста предыдущих столетий, мы постепенно начинаем приближаться к действительному пониманию системы истинной науки немецкого мыслителя. Так, философ Д.К. Маслов в журнале «Логос», посвященному Г.В.Ф. Гегелю, отметил следующее: «Нельзя сказать, что диалектика осмыслена в достаточной степени, хотя бы уже потому, что «Наука логики» (далее — НЛ) только начинает осмысляться по-настоящему» [1, с. 104]. Действительно, данное произведение немецкого философа как раз посвящено абсолютному методу: самому главному элементу абсолютного идеализма, без которого невозможно его существование.

Однако «Наука логики» сама по себе не является достаточным основанием для осмысления метода философии Г.В.Ф. Гегеля, так как он начал оформляться ещё в первом произведении немецкого мыслителя: в «Феноменологии духа». Поэтому только рассматривая обе эти работы вместе, возможно понять абсолютный метод. Вместе с тем, необходимо учитывать и сложность этой задачи: приступая к исследованию, мы сразу сталкиваемся с противоречием. Метод, представленный в «Феноменологии духа», который мы для удобства будем в дальнейшем обозначать как негативный, и метод, изложенный в «Науке логики», который мы обозначим как спекулятивный, являются одним и тем же методом, только с одной оговоркой. Согласно мысли немецкого философа «...положение в форме суждения не пригодно для выражения спекулятивных истин» [2, с. 149]. К любому утвердительному предложению необходимо добавлять отрицательное, поскольку только таким образом, возможно в полной мере изложить истину.

Метод философии абсолютного идеализма, с нашей точки зрения, является подобной спекулятивной истиной. В связи с этим, наш главный тезис следующим: негативный и спекулятивные методы являются одним и тем же методом, и одновременно с этим, они различны. Главное, что объединяет оба метода – это их структура, состоящая из трёх частей: абстрактной, или рассудочной; диалектической, или отрицательно-разумной; спекулятивной, или положительно-разумной. Негативный и спекулятивный методы полностью подчиняются представленной абсолютной схеме. В то же время, у обоих методов есть отличия, которые не позволяют признать их полностью тождественными. Связано подобное с эволюцией метода, которая покоится на развитии операции отрицания.

Г.В.Ф. Гегель на протяжении текста «Науки логики» регулярно употребляет термин снятие в отношении негации. Снятие – это одновременное уничтожение и сохранение чего либо. Подобным характеризуются две стороны любой негации, которые всегда присутствуют одновременно. Если мы нечто отрицаем, то мы отрицаем конкретное содержание, то есть порождаем иное этого нечто, которое тоже обладает содержанием. Предыдущее явление одновременно уничтожается и сохраняется в новом явлении.

Тем не менее, в различных ипостасях негации доминирующими становятся различные её стороны. Так в абстрактном отрицании всё-таки главным моментом становиться уничтожение предыдущего содержания, несмотря на то, что оно так же порождает нечто новое. А в определённом отрицании конструктивная сторона негативности выходит на первый

план, так как отрицание отрицания снимает первую абстрактную негацию, тем самым восстанавливая утраченное единство. Именно в этом, с нашей точки зрения, и заключается единство и различие негативного метода «Феноменологии духа» и спекулятивного метода «Науки логики».

В «Феноменологии духа» метод созерцателен, так как в нём доминирующую роль играет именно негативная сторона абсолютного метода, почему мы и обозначили его как негативный метод. Как ранее указывалось, в первой крупной работе Г.В.Ф. Гегеля идёт возвышение сознания до уровня абсолютного знания, которое связано по большей части с его очищением. Формообразования сознания постоянно уничтожаются ради процесса поиска истины. Здесь целесообразно процитировать белорусского философа Т.Г. Румянцеву: «Решая задачу по освобождению сознания, «Феноменология духа» выполняет своего рода негативную функцию по отношению ко всей его последующей системе философии» [3, с. 14].

Безусловно, конструктивная сторона метода тоже присутствует в «Феноменологии духа», так как на основе уничтоженных явлений сознания появляются новые, противоположные им. Однако негативная сторона всё-таки доминирует, из-за чего французский мыслитель русского происхождения А.В. Кожев и обозначает метод философии Г.В.Ф. Гегеля как описательный, то есть лишенный созидательной стороны. Акцент на разрушительной стороне метода проистекает из опыта познания, который и обеспечивает дальнейшее движение сознания к собственному пониманию.

В «Феноменологии духа» на всех этапах развития абсолютного духа происходят процессы сравнения и обращения. Сознание сравнивает найденную истину с предметом. Опыт показывает, что истина ложная, из-за чего происходит обращение: сознание пытается изменить своё знание о предмете, тем самым изменяя сам предмет, и себя само. В этом процессе как раз и кроется негативный метод, на основе которого выстроена «Феноменология духа».

В сравнении на основе опыта проявляется негативная сторона абсолютного метода, а в обращении – спекулятивная, или конструктивная. Поэтому, правомерно заключить, что в опыте сознания скрывается ещё не оформившийся метод истины. В «Феноменологии духа» метод как таковой ещё не появился, он ещё не понят и не выражен в понятии. Поэтому «абсолютная мощь негативного», или «абсолютная мощь рассудка» [4, с. 678] (так силу рассудка обозначал А.В. Кожев), в данном месте используется скорее как «дубина негации». Истина оказалась ложной – сознание

её отвергает, и по большей части случайно приходит к новой, противоположной. Разрушительная часть абсолютного метода в «Феноменологии духа» осознаётся сознанием, а спекулятивная действует неявно, как бы в тени.

Тем не менее, на этапе абсолютного знания, по мысли Г.В.Ф. Гегеля, сознание приходит к самому понятию науки и тому образу истины, на основе которого можно выстроить истинную систему науки. Это основа «Науки логики», в которой немецкий философ демонстрирует уже спекулятивную, или конструктивную сторону своего метода.

Разрушительная сторона метода сохраняется, но она становится лишь основой для дальнейшего, целенаправленного синтеза категорий. Впоследствии, Ф. Энгельс в своей знаменитой работе «Анти-Дюринг» напишет, что «в диалектике отрицать, не значит просто сказать нет, объявить вещь не существующей, или разрушить её любым способом... первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным» [5, с. 145]. Создавая учение марксизма, его основатели опирались в первую очередь на «Науку логики», из-за чего мы и встречаем подобную трактовку отрицания. Действительно, в данном произведении Г.В.Ф. Гегеля акцент делается именно на определённое, второе отрицание, которое является, таким образом, целью первой негации, то есть направленность на конструирование, творение заложена в спекулятивном методе изначально. В «Науке логики» категории уничтожаются только для того, чтобы в результате породить новые понятия из своего содержания.

Соответственно, рассматриваемые методы не тождественны из-за разных аспектов операции отрицания, которые в них проявляются различным образом. Вместе с тем, это же понятие негативности делает их едиными. Отрицание никогда не будет полноценным, если концентрироваться только на одной из его сторон. Уничтожение и одновременное созидание, связанное с сохранением отрицаемого, всегда будут вместе присутствовать в негации. Точно так же и метод философии Г.В.Ф. Гегеля, который, по сути, полностью основан на негативности, образует собой единую целостность только благодаря сочетанию обоих моментов.

Поэтому негативный метод «Феноменологии духа» и спекулятивный метод «Науки логики» являются лишь частями абсолютного метода, который обретается лишь на этапе Абсолютной идеи. Рассматриваемые методы – это этапы эволюции абсолютного метода. Он в своём развитии замыкается в круг, сохраняет свой путь в собственном содержании, тем самым становясь совершенным. Данная абсолютная форма, по мысли

Г.В.Ф. Гегеля, только и может сделать философию истинной наукой. Произвести этот переворот необходимо, чтобы, в свою очередь, реализовать изначальную цель всего развития сознания: свободу духа.

Библиографические ссылки

1. *Маслов, Д.К.* Осмысляя диалектику Гегеля: чем является диалектика как метод? // Логос. 2023. №33 (2). С. 103-142.
2. *Гегель, Г.В.Ф.* Наука логики: [в 3 т.: перевод с немецкого]. М.: Мысль, Т.1. 1970. 501 с.
3. *Румянцева, Т.Г.* Обоснование свободы самосознания в работе «Феноменология духа» Г.В.Ф. Гегеля // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022. № 2. С. 13-18.
4. *Кожев, А.В.* Введение в чтение Гегеля: лекции по "Феноменологии духа", читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высш. практ. шк. СПб.: Наука, С.-Петербург. изд. фирма, 2003. 791 с.
5. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. I—XII. 482 с.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА (НА ПРИМЕРЕ Г. ПОЛОЦКА)

В. Д. Стежкина

stezhkinavika@gmail.com;

*Научный руководитель — И. И. Калачёва, доктор исторических наук,
профессор*

В публикации автор говорит о феномене бренда города и стратегиях его создания. Описываются различные памятники историко-культурного наследия города Полоцка, а также их роль в формировании имиджа. Данная работа может послужить основой для проведения исследования и более глубокого анализа данного вопроса. Так же, работа может быть использована для разработки новых туристических маршрутов по Полоцку, что будет способствовать увеличению потока туристов и повышению уровня экономики города.

Ключевые слова: имидж города; страновой брендинг; историко-культурное наследие; бренд; туризм; коммуникация.

Полоцк – старейший город Беларуси, основанный в 862 году. Расположен на севере республики, в месте впадения реки Полоты в Западную Двину. По сути дела, это музей под открытым небом. Здесь, на сравнительно небольшой площади города, собрано множество старинных зданий, памятников архитектуры, религиозных сооружений, парков и скверов, скульптур и монументов [1]. Город считается поистине уникальным, действительно отличается от всех остальных городов. Он пропитан атмосферой древности и предоставляет возможность прикоснуться к прекрасному.

Полоцк является не только древнейшим городом Беларуси, но и городом музеев, который хранит уникальное культурно-историческое наследие. Ни в одном населенном пункте Беларуси нет такого количества памятников, уникальных музеев, как в древнем Полоцке. В настоящее время 11 музеев входят в состав Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Среди них такие как:

1) Музей детства, где будет интересно не только детям, но и взрослым. В экскурсионных залах вы сможете увидеть различные детские игрушки, раритетные модели фотоаппаратов, а также коллекции, созданные непосредственно маленькими посетителями музея;

2) Музей средневекового рыцарства – уникальная возможность не только прикоснуться к средневековью и даже ощутить себя в роли рыцаря;

3) Краеведческий музей, который предоставляет возможность изучить историю Полоцка и взглянуть на старинные экспонаты;

4) Художественная галерея – место, где вы сможете полюбоваться прекрасными картинами просто окунуться в атмосферу искусства;

5) Музей традиционного ткачества Поозерья, здесь можно узнать историю развития ткачества, прядения и вышивки;

6) Музей Белорусского книгопечатания – музей, где вы сможете изучить историю создания книг с древнего времени до наших дней и др.

Гости, хотя бы раз посетившие г. Полоцк, стремятся приехать сюда снова и снова. Здесь для жителей Полотчины и туристов создаются благоприятные условия, воплощаются в жизнь необычные, неординарные идеи и проекты. Изучив отзывы туристов о городе Полоцке, можно сделать вывод, что город пользуется огромной популярностью среди туристов. Они отмечают, что красота Полоцка привлекает внимание с первых минут посещения города. Старинная архитектура, невероятная история, красивая природа – всё это привлекает туристов. Если туристы и отмечают некоторые недостатки, то их куда меньше, чем достоинств.

Если задаться вопросом «Что же так привлекает посетителей музеев города Полоцка?», ответ можно найти вполне легко. В первую очередь, уникальные музейные предметы из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, которое насчитывает 95 456 музейных предметов. В музейном фонде хранится свыше 35 коллекций (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, нумизматика, археология, предметы быта и этнографии, стекло, фарфор, оружие, одежда, мебель, старопечатные, рукописные и печатные издания, документы, фото-и фотоматериалы и др.). Самыми большими являются коллекции нумизматики, археологии, фотоматериалов и печатных изданий. Ряд музейных предметов включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь: клад золотых ювелирных изделий (XI в.), иконка «Константин и Елена» (XI в.), старопечатные и рукописные книги (XVI-XVIII вв.), Козьянковский монетный клад куфичных дирхамов (IX-X вв.), иконы из Софийского собора (XVIII в.), светские портреты времен Речи Посполитой (XVIII в.) и другие [2].

Привлекает посетителей также современные технологии, новые услуги и проекты, уникальные и нестандартные подходы, ноу-хау, применяемые в работе каждого из 11 полоцких музеев.

Большим спросом у посетителей стационарной выставки «Прогулка по Нижне-Покровской» пользуется новшество XXI века – QR-коды. С помощью данной технологии человек может достаточно быстро и легко найти нужную ему информацию, не задумываясь о формулировке и записи запроса в поисковую строку Интернета. При использовании QR-кодов, через считанные секунды экскурсант получает полную информацию об экспозиции, объектах выставки, с помощью любого смартфона, который

оснащен простым программным обеспечением, фотокамерой и программой, позволяющей считывать данный тип кода.

Используя QR-код в экспозициях выставки можно решить несколько задач: дать посетителям самостоятельно знакомиться с экспонатами; расширить возможности экскурсовода, который сможет в ходе экскурсии проиллюстрировать свой рассказ дополнительными материалами; проводить с детьми интеллектуальные соревнования.

В настоящее время музеи Полоцка активно участвуют в реализации социально-значимых проектов. К примеру, проект «Коррекционно-развивающий проект для детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи» Детского музея открывает двери помощи для малышей с проблемами речи. Людям с ограниченными возможностями, особенной категории граждан уделяется пристальное внимание, оказывается содействие в общедоступности посещения ими музейных учреждений.

Музей-заповедник живет современной жизнью. Ежегодно разрабатываются музейно-педагогические программы для посетителей разных возрастных категорий, начиная с 4-х лет (история, искусство, народная культура и др.), на постоянной основе проводятся занятия, экскурсии с посетителями с применением интерактивных методов, мастер-классов, встреч с интересными людьми: мастерами народной культуры, учёными, литераторами, музыкантами и др [3].

В настоящее время ведется работа по включению в список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО Софийского собора и Спасо-Преображенской церкви Евфросиниевского монастыря, являющихся неотъемлемой частью уникальной исторической территории Полоцка. Данный факт является важным конкурентным преимуществом для привлечения туристов именно в этот город. Наличие культурного наследия города Полоцка в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО это важный шаг к улучшению имиджа города, ведь такой статус несомненно привлекает внимание.

Достижения в сфере культуры и искусства, бесспорно, содействуют укреплению авторитета Полотчины в республике и за её пределами, формированию позитивного международного имиджа города и, в целом, Республики Беларусь. Полоцкие музеи – центр притяжения, кладёшь уникальности и исторических знаний для посетителей. Имея уникальное историко-культурное наследие, ценнейшие архитектурные и археологические памятники, город Полоцк является поистине городом-музеем, своеобразной визитной карточкой Республики Беларусь.

Существует огромное количество причин, чтобы поехать в Полоцк. Например, в Евфросиньевском монастыре можно увидеть всемирно извест-

ную святыню – крест Преподобной Ефросиньи Полоцкой. Во время Великой Отечественной национальное достояние пропало. Произведение искусства воссоздали.

А еще Полоцк – географический центр Европы. По расчётам ученых, именно в Полоцке находится географический центр Европы: в замкнутый контур части света с Балтийским, Белым и Черным морями, Великобританией и крупными островами геодезисты вписали матрицу с подробным шагом сетки и высчитали географическую середину. В Полоцке на 55 градуса 30 минуте северной широты и 28 градуса 48 минуте восточной долготы установлен памятный знак, где каждый гость может получить сертификат о том, что он побывал в центре Европы. Это тоже является нашим конкурентным преимуществом, ведь, кто не хочет побывать в центре Европы?

Город всегда притягивал к себе тех, кто интересуется своими корнями. Полоцк и сам не раз становился центром важных исторических событий. Благодаря богатому историко-культурному наследию, своей насыщенной культурной жизни Полоцк был первым белорусским городом, который удостоен звания культурной столицы Беларуси. Такое почётное звание Полоцк получил в 2010 году. 1150-летие Полоцка включено в календарь памятных дат ЮНЕСКО 2012-2013 годов. В ноябре 2012 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже открылась фотовыставка "Полоцк древний. Полоцк современный". При поддержке ЮНЕСКО состоялась международная конференция "История и археология Полоцка и Полоцкой земли" (г. Полоцк, ноябрь) [4]. Также, летом 2024 года Полоцк стал площадкой для проведения XI Форума регионов Беларуси и России.

Образ города Полоцка может быть различным в глазах людей. Кому-то он запомнится как город-музей, кому-то как культурная столица, кому-то как город на берегу Западной Двины, а кому-то как город Ефросинии Полоцкой. Полоцк может быть разным. Город ежегодно встречает огромное количество туристов, что помогает не только городу, но и всей Беларуси в улучшение международных отношений. Полоцк активно сотрудничает с другими городами и странами в рамках мероприятий, что говорит об укреплении межкультурных связей. Также, город акцентирует внимание на своих особенностях и превращает их в преимущества. Но только наличия культурного наследия для создания положительного имиджа города, а в последствие и страны мало. В Полоцке активно занимаются улучшением музеев, памятников, храмов. Охрана культурного-наследия невероятно важна, ведь важно сохранить уже имеющуюся историю и в будущем создавать новую. Также активно ведётся работа по оптимизации проведения экскурсий. Это и создание QR-кодов с интересной информацией, это и аудио гиды и создание новых экскурсионных программ.

Культурное наследие также играет важную роль в привлечение инвестиций. Инвестиционная привлекательность любой территории зависит от эффективного использования ее социально-экономических и политических ресурсов, а также культурного наследия принадлежащего данной территории. Бренд города (территории) – это впечатление, которое производит город (территория) на целевую аудиторию, сумма всех материальных и символических элементов, которые делают город (территорию) уникальным. Иными словами, это конкурентная идентичность территории [5, с.76].

На наш взгляд, город уже обладает положительным имиджем и привлекает финансовый поток средств в страну, как благодаря туристам, так и благодаря своему образу в мире, который весьма привлекает внимание к нашей стране.

Библиографические ссылки

1. 45 главных достопримечательностей Полоцка // must-see.top [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://must-see.top/dostoprimechatelnosti-polotska>. (дата доступа: 24.02.2024).
2. Полоцк – город музеев – визитная карточка Республики Беларусь // Полоцкий районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://polotsk.vitebsk-region.gov.by/en/economy/international-cooperation/item/1136-polotsk-gorod-muzeev-vizitnaya-kartochka-respubliki-belarus>. (дата доступа: 22.02.2024).
3. Охрана историко-культурного наследия // Полоцкий районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://polotsk.vitebsk-region.gov.by/ru/sotsialnaya-sfera/okhrana-istoriko-kulturnogo-naslediya/k-svedeniyu-sobstvennikov-balansoderzhatelej-istoriko-kulturnykh-tsennostej> (дата доступа: 22.02.2024).
4. Полоцк // Belarus.by [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа URL: <https://www.belarus.by/ru/travel/belarus-life/polotsk>. (дата доступа: 23.02.2024).
5. Визгалов, Д.В. Брендинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНЦЕПТ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В. Ю. Тимошко

timoshkaaas@mail.ru;

*Научный руководитель – В. В. Анохина, кандидат философских наук,
доцент*

Статья посвящена концептуализации феномена «медиатизация» в контексте социогуманитарных исследований. Начало теоретического осмысления процесса медиатизации связано с пониманием последней как процесса распространения единой «медиа-логики», то есть, опосредования действия всех социальных институтов влиянием медиа (институциональный подход к исследованию процесса медиатизации). Выделены три основных теоретических подхода, в совокупности описывающих процесс медиатизации, а именно: институциональный, социально-конструктивистский (культурный) и материалистский. В рамках культурного подхода выделяется теория волн медиатизации и концепция «глубокой медиатизации», акцентирующая качественное изменение процесса медиатизации культуры в 21 веке. В рамках материалистского подхода «медиатизация» трактуется как процесс материализации культурных практик – медиа, ставших натурализованной формой культуры и частью социума.

Ключевые слова: медиатизация; медиация; медиалогика; волны медиатизации; глубокая медиатизация.

Прослеживая историю медиатизации в качестве исследовательского концепта, невозможно не отметить, что исходное употребление термина «медиатизация» никак не соотносилось со средствами массовой коммуникации и информации: его использование в контексте исторической науки имело своей целью описание «реорганизации властных иерархий королевских, княжеских и императорских династий, [термин] означал особый способ реструктуризации вассальных отношений» [1]. Термин «медиатизация» в настоящее время продолжает использоваться «в административном праве ряда европейских стран» [2].

Ввиду иностранного происхождения данного термина и проблемами адаптивного перевода, «медиатизация» в литературе порой отождествляется с понятиями «медиации» и «медиатации» [3]. Также существуют такие термины, как «медиация» и «медиализация», порождающие множественные дискуссии и разнообразные интерпретации. В русскоязычной литературе «mediation» чаще всего переводится как «опосредование», поскольку за термином «медиация» закреплено значение «внесудебного разрешения споров при участии третьей нейтральной стороны» [3].

Согласно мнению российской исследовательницы А. Н. Гуреевой, медиация (mediation) характеризует любой акт опосредованной коммуникации, а медиатизация (mediatization) представляется собой длительный, кумулятивный процесс, таким образом акцентируется процессуальность медиакommunikации. Данная исследовательница полагает, что валиден вывод о существовании медиа и медиации еще до момента становления общества медиатизированным [3].

По этому вопросу можно выделить два основных направления исследований. Первое направление придерживается мнения о том, что точкой отсчета процесса медиатизации необходимо является эпоха Нового Времени, хотя не исключается важность XX-XXI вв., когда происходит качественное преобразование медийных техник и технологического обеспечения. Процесс медиатизации связывают с философией Р. Декарта и Г. Лейбница, где происходило зарождение идей о конструктах действительности, обладающих своей собственной логикой» [2].

Началом понимания медиатизации в теоретическом дискурсе как расширения некой логики медиа можно считать 1979 год, когда американцы Д. Элтейд и Р. Сноу ввели понятие единой «медиадиалогии». Суть такой медиадиалогии сводится к опосредованию действия всех социальных институтов влиянием медиа, а именно способом трансляции информационного контента данными медиа. Было отмечено, что медиа в рамках существующего социального порядка становятся «доминирующей силой, к которой вынуждены приспосабливаться другие институты» [2]. «Медиадиалогия сводится к форме общения; процессу, посредством которого средства массовой информации представляют и передают информацию» [2]. Элементами этой формы являются различные носители и форматы, используемые этими носителями. Формат состоит из того, как организован материал, в каком стиле он представлен, фокуса на конкретных характеристиках поведения и грамматики медиакommunikации. Четкого определения формата не было представлено, хотя понятие является одним из центральных в теории. Его рабочее определение таково: «совокупность содержательно-стилевых характеристик, присущих конкретному медиа (в том числе СМИ) или отдельным единицам контента» [2].

Немецкие исследователи А. Ф. Кротц и А. Хепп на основе четырех пониманий медиа считают, что возможно выделение четырех подходов, в совокупности описывающих процесс медиатизации. «Исследования медиа как технологий, социальных институтов, способов представления и пространств специфического опыта могут зафиксировать изменения в медиа и тем самым выявить специфические формы культурных и социальных изменений» [2]. Скандинавский исследователь К. Лундби вместо четырех подходов, выделяет три: институциональный, подход в рамках

«культурной перспективы» и подход в рамках «материальной перспективы» [17]. В данной классификации подходы, связанные с созданием представления и перестройкой социальных миров, объединены в один. В свою очередь, русские исследовательницы А. Н. Гуреева и В. С. Кузнецова выделяют три глобальных подхода в понимании феномена медиатизации: «институциональный, социально-конструктивистский (культурный) и материалистский» [4].

Институциональный подход рассматривает медиа с двух сторон: «как отдельную самостоятельную систему и как структурную часть других социальных систем» [5]. Медиа являют собой институциональную, оказывающую влияние на другие социальные институты и жизнь общества в целом. Идеи институционального подхода первоначально происходят из теории «медиаэтики», впервые описанной американскими теоретиками Д. Элтейдом и Р. Сноу. Медиатизация с позиций институционального подхода – это процесс, в ходе которого социальные институты адаптируют свою активность под «медиа-форматы». Согласно мнению датского исследователя С. Хьяварду, современное общество зависимо от логики медиа. Он выделяет прямую медиатизацию и косвенную. В рамках прямой медиатизации «ранее непосредственная деятельность становится опосредованной (например, онлайн-банк, онлайн-образование и т. д.)» [3]. В рамках косвенной медиатизации различные виды деятельности подвергаются влиянию медиа-символов. Социальные сферы или системы (например, религия, политика, образование и т. д.) приспосабливаются к логике медиа, включающей в себя «определенный способ организации и представления материала, практики коммуникации, интерпретации и понимания» [3].

Социально-конструктивистский подход основывается на теории социального конструирования реальности, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом, однако, учитывает ключевые изменения инфраструктуры медиа в современном обществе. В рамках культурного подхода исследуются социальные изменения через процессы конструирования реальности с помощью опосредованной коммуникации, а медиатизация представляется «термином, описывающим характер современных коммуникаций и роль медиа в контексте социального конструктивизма» [5].

Данный подход представлен в работах Ф. Кротца (а также А. Хеппа). Ими был выдвинут тезис, что медиатизация является, наряду с глобализацией, коммерциализацией и индивидуализацией, ключевым трендом современности. В определении немецкого специалиста в области коммуникации Ф. Кротца, «медиатизация – это исторический, продолжающийся, долгосрочный процесс, в котором все больше и больше появляется средств массовой информации, появляются и институализируются. Это

мета-процесс, аналогичный индивидуализации, коммерциализации и глобализации, который позволяет нам связать события, разворачивающиеся в разных местах и исторических временах» [5]. По его заявлению, медиатизация предлагает новые возможности для коммуникации индивидов, производителей, обществ и культур, тем самым формируя человека современности. Данный подход в исследовании получил название «слабой версии» теории медиатизации, ввиду ее основной формулировки как «медиатизация и ...» ("mediatization and") в противоположность «медиатизации [чего-то]» ("mediatization of"). В данной теории медиа не выступают причиной социокультурных изменений, акцент смещен на описание корреляционных отношений между изменениями в медиа и изменениями в социокультурной среде.

Н. Коулдри и А. Хепп выделяют «волны медиатизации», связанные со спецификой функционирования медиа среды в рамках определенных технологий, а именно: «волна механизации (1450-1830 гг., связана с появлением и развитием печатных медиа); волна электрификации (1830-1950 гг., связана с медиа, передающих сообщения при помощи электричества); волна дигитализации или цифровизации (начиная с 1950-х гг.). Цифровизация повседневности выражается в том, что всё больше сфер повседневности оказываются связанными с цифровыми устройствами и технологиями, находящимися в сетевом взаимодействии. В рамках цифровизации выделяют процесс датафикации (21 век), и процесс «глубокой медиатизации» [6]. Датафикация повседневности выражается в вовлеченности цифровых устройств и технологий в сбор так называемых «больших данных», их удаленную обработку и адаптацию под конкретные пользовательские информационные запросы. «Глубокая медиатизация» описывается как продвинутая стадия медиатизации, «возрастающая зависимость всех социальных процессов от коммуникативной инфраструктуры» [6]. Зависимость обеспечивается за счет технологий «больших данных» которых с усилением медиатизации оказывается достаточно для вероятностного прогнозирования и проектирования ключевых социальных, экономических и культурных процессов и состояний общества.

С точки зрения исследователей «глубокой медиатизации», переход культуры от стадии медиатизации к стадии «глубокой медиатизации» представляет собой «переход количества в качество» [6]. «Первоначальная медиатизация культуры характеризовалась через количественные показатели, такие как прирост числа владельцев компьютеров, телефонов, пользователей Интернета и т. п., что сопровождалось и сопровождается процессами цифровизации, виртуализации и глобализации культуры» [6]. Качественный сдвиг происходит в момент, где виртуальность, глобальность и цифровые технологии из возможности превращаются в необходимость культуры.

В основе материалистского подхода к теоретическому исследованию медиатизации лежит теория культурного материализма, согласно которой «концепцию культуры составляют повседневные структуры, а именно смыслы, чувства и практики, являющиеся посредниками материальных отношений в обществе» [5]. В данной трактовке, медиатизация понимается как «материализация культурных практик и повседневной жизни и определяет медиа как технологию, являющуюся натурализованной формой культуры и незаменимой частью социума» [5].

Подводя итог вышесказанному, можно выделить медиатизацию как комплексный феномен, требующий продолжающейся концептуализации и операционализации, ввиду усиливающейся всеохватности данного процесса. Обилие иностранных переводов и невозможность грамотного адаптирования породили распространения таких терминов, как медиатация, медиализация и медиазация, приводящих к множественности «рассеивающих» дискуссий, требующих уточнения исходя из «свежего» обращения к оригинальным текстам зарубежных исследователей. На данный момент, сопоставление трех определений медиатизации в рамках институционального, социально-конструктивистского (культурного) и материалистского подходов представляется наиболее фундаментальным схватыванием ее природы и предлагает устойчивую почву для дальнейших философских изысканий.

Библиографические ссылки

1. Анохина, В. В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // *Философия и социальные науки*, 2015. № 3. С. 13-18.
2. Артамонова, Ю. Д., Володенков, С. В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // *ПРЛННМА: Проблемы визуальной семиотики*, 2021. Вып. 2. С. 9-27.
3. Гуреева, А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // *Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика*, 2016. №6. С. 192-208.
4. Федотова, Н. А. Процесс медиатизации: подходы к пониманию [Электронный ресурс] // *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2022. №2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-mediatizatsii-podhody-k-ponimaniyu> (дата доступа: 20.01.2025).
5. Гуреева, А. Н., Кузнецова, В. С. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // *Вопросы теории и практики журналистики*, 2021. Т.10. № 1. С. 191-205.
6. Назаренко, А. Н. Медиатизация в контексте философии культуры [Электронный ресурс] // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-v-kontekste-filosofii-kultury> (дата доступа: 20.01.2025).

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

А. Н. Фадеев

Fadalx23@gmail.com;

Научный руководитель — Е. С. Макеева, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты научного исследования, посвященного проблеме взаимосвязи копинг-стратегий и показателей социально-психологической адаптации у пожилых людей. В качестве предмета исследования выступили механизмы совладания со стрессовыми ситуациями и параметры адаптационного потенциала людей пожилого возраста. Выборку исследования составили 60 испытуемых в возрасте от 61 до 75 лет. Научная новизна исследования состоит в определении эффективности совладания пожилых людей с неблагоприятными жизненными событиями в зависимости от удачного выбора стратегии и от факторов адаптированности их личности. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования для оказания психологической помощи пожилым людям, а также для профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе.

Ключевые слова: копинг-стратегии; социально-психологическая адаптация; люди пожилого возраста.

Сегодня для многих пожилых людей велика значимость профессиональной деятельности, успеха, достижений в карьере, они крайне тяжело переживают выход на пенсию, зачастую испытывая, острый стресс, который обусловлен снижением интенсивности и количества связей пожилого человека с обществом [1]. Постепенно происходит понимание человеком неизбежности его отдаления от референтной группы коллег, от того общества, которому он посвятил много лет, занимая существенное место в нем. Происходит осознание (но не обязательно принятие) потери источников социальных и психологических стимуляций, прекращения сложившихся межличностных и профессиональных отношений. Очевидно, что люди более позднего возраста вынуждены адаптироваться не только к изменениям социальной ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе.

Центральным моментом в успешности адаптации к стрессу человека пожилого возраста является степень конструктивности стратегии и модели его поведения, которые либо способствуют, либо препятствуют успешности в преодолении стресса, а также оказывают влияние на социально-психологическую адаптацию пожилого человека и на сохранение

его здоровья [2]. Эффективность совладания с неблагоприятными жизненными событиями зависит не только от удачного выбора стратегии, но и от индивидуальных особенностей личности, в частности от уровня ее адаптированности.

Именно поэтому целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи копинг-стратегий и социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста.

В качестве методик исследования мы использовали: методику «Модели преодолевающего поведения» (шкала «SACS» С. Хобфолла) [3], методику исследования базисных копинг-стратегий – «Индикатор стратегий преодоления стресса» (Д. Амирхана) [3] и методику диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда) [4].

Для оценки статистической значимости результатов проведенного исследования мы применяли: 1) критерий Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса, позволивший подсчитать «нормальность» математического распределения полученных данных в анализируемой выборке; 2) корреляционный анализ Спирмена, дал нам возможность выявить силу и направление связи между копинг-стратегиями и показателями социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о существовании связи между совладающими механизмами и параметрами социально-психологической адаптации у пожилых людей.

Исследование проводилось на базе ГУ «Дрогоичинский ТЦСОН». Выборку исследования составили 60 людей пожилого возраста. Возраст испытуемых варьировал от 61 до 75 лет.

Результаты проведенного исследования указывают, что чуть меньше половины респондентов (37%) имеют высокие показатели по шкалам:

- «осторожные действия», т.е. испытуемые, стремящиеся найти помощь в решении собственных проблем силами и средствами других людей, также часто используют осторожные действия в качестве стратегии преодоления;

- 35% – «агрессивные действия», т.е. пожилые люди агрессивно реагируют на различные конфликтные ситуации;

- 33% – «импульсивные действия», т.е. испытуемые склонны действовать по первому побуждению, под влиянием сиюминутных стимулов, эмоций, влечений, без обдумывания своих поступков, взвешивания альтернативных вариантов действий (особенно подразумевающих отсроченное вознаграждение).

– 32% – «ассертивные действия». Для испытуемых характерно позитивное поведение человека, демонстрирующего самоуважение и уважение к другим.

– 32% – «асоциальные действия», т.е. поведение и поступки испытуемых не соответствуют общепринятым нормам и правилам.

Большинство пожилых граждан имеют низкие показатели по следующим шкалам: «избегание» (43%) и «манипулятивные действия» (40%).

Обращает на себя внимание тот факт, что у пожилых людей высокое распространение осторожных, импульсивных и асоциальных действий сочетается с высоким распространением стратегии ассертивного действия.

Стратегия вступления в социальный контакт развита у значительно меньшего числа респондентов, а высокий уровень избегания проявляется лишь у 28% опрошенных.

Для пожилых людей среди факторов социально-психологической адаптации важное значение имеют:

– «интернальность» (70,5). Испытуемые имеют склонность видеть в качестве причин происходящих в ее жизни событий преимущественно себя: собственные способности, усилия, свойства характера и т. д.;

– «адаптация» (66,57). Характеризуется позитивным отношением к возрастным изменениям и изменениям в образе жизни.

С целью оценки взаимосвязи копинг-стратегий и социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста был применен критерий линейной корреляции r -Спирмена.

В частности, в анализируемой выборке была обнаружена прямая умеренная корреляционная связь по шкалам:

– «приятие других» и «вступление в социальный контакт» (0.327 при $p < 0,05$). Испытуемые, которые принимают других людей, охотно вступают в контакт;

– «приятие других» и «поиск социальной поддержки» (0.339 при $p < 0,05$). Испытуемые, которые принимают других людей, ищут поддержки окружающих в разных ситуациях;

– «эмоциональная комфортность» и «осторожные действия» (0.411 при $p < 0,05$). Пожилые люди с осторожностью вступают в контакт с другими людьми, боясь оказаться в дискомфортных условиях;

– «доминирование» и «манипулятивные действия» (0.279 при $p < 0,05$). Манипулятивные действия в данном случае выступают как влияние на других людей, постепенное подавление их интересов и действий.

Таким образом, гипотеза о том, что существуют взаимосвязь копинг-стратегий и социально-психологической адаптации у людей пожилого

возраста, частично подтвердилась на 5-ти процентном уровне статистической значимости.

Библиографические ссылки

1. *Фирсова, Н.Г.* Стресс-преодолевающее поведение людей пожилого возраста // Вестник университета. М.: Государственный университет управления. 2014. № 5. С. 274-276.
2. *Мальшев, И.В.* Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-стратегий личности в разных условиях социализации // Современные исследования социальных проблем. М.: Речь. 2012. № 12. С. 1-22.
3. *Водопьянова, Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
4. *Фетискин, Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Речь 2002.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ОСОЗНАННОСТЬ ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

К. Г. Цыдик

tsydik.com@gmail.com;

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

В статье рассматриваются различия в выраженности профессиональной востребованности и осознанности у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания. По всем компонентам профессиональной востребованности и осознанности (кроме наблюдения) отмечены статистически значимые различия: выгоревшие педагоги чувствуют себя менее профессионально востребованными и менее осознанными. Полученные результаты могут быть использованы в работе психологов учреждений образования при разработке мероприятий, направленных на профилактику эмоционального выгорания педагогов.

Ключевые слова: профессиональная востребованность; осознанность; эмоциональное выгорание; педагоги.

Эмоциональное выгорание является одной из наиболее актуальных проблем в педагогической деятельности [1].

Педагоги ежедневно сталкиваются с серьезной нагрузкой, стрессом и необходимостью поддерживать высокий уровень вовлеченности в образовательный процесс. Это приводит к физическому и эмоциональному истощению, деперсонализации (цинизму), а также снижает чувство собственной профессиональной эффективности – компонентам **эмоционального выгорания** [2].

Низкий уровень профессиональной востребованности и осознанности педагога могут выступить факторами развития эмоционального выгорания. Ведь специалист, не осознавая у себя различных проявлений эмоционального выгорания, не сможет предпринять мер по предотвращению дальнейшего развития данного состояния. Вместе с тем отождествление педагогом себя как незначимого для других профессионала, некомпетентного и неспособного справиться со сложными задачами еще более повышает риск выгорания [3].

Согласно Е. В. Харитоновой, **профессиональная востребованность** определяется как система отношений личности к себе как к значимому для других людей профессионалу; как к компетентному профессионалу, способному справиться со сложными задачами; как профессионалу, оценивающему результаты своей работы как общественно полезные; удовлетворенному степенью реализации своего профессионального потенциала и тому подобное [4]. При низком уровне востребованности педагог может

ощущать свою деятельность как бесполезную, что ведет к усилению эмоционального выгорания.

При этом важная роль отводится *осознанности*, под которой понимается способность произвольно сосредоточивать внимание на текущих событиях и ощущениях, произвольно переключать внимание с одних аспектов на другие, ощущая при этом подконтрольность процесса сосредоточения и управляемость им [5]. В состоянии осознанности педагог фокусируется на переживании настоящего момента, в том числе и на собственном отношении к себе в профессиональном аспекте.

Исследование. В исследовании приняли участие 77 женщин-педагогов в возрасте от 19 до 72 лет (средний возраст составил 38,1 лет). Респондентки имели преимущественно высшее педагогическое образование (90,9%) и различное семейное положение (замужем – 62,3%, не замужем – 32,5%, в разводе – 5,2%).

Для сбора эмпирических данных использовался опросный метод с применением следующих методик:

1) «Профессиональное выгорание» (ПВ) Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданная на основе методики МБИ К. Маслач, С. Джексона [6];

2) «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е. В. Харитоновой и А. Б. Ясько [4];

3) «Пятифакторный опросник осознанности» (FFMQ) Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной, созданный на основе одноименной методики Р. Баер и соавторов [7].

Полученные данные обрабатывались в пакете SPSS Statistics v. 23.0 с применением t-критерия Стьюдента, U-критерия Манна-Уитни.

Результаты. Установлено, что 2/3 педагогов имеют высокую и крайне высокую степень эмоционального выгорания (67,5%), тогда как низкая и средняя степень зафиксированы лишь у 32,5% педагогов.

Большинство педагогов в возрасте до 28 лет и старше 45 лет имеют высокую и крайне высокую степень эмоционального выгорания, что объясняется недостаточной адаптацией к условиям профессиональной деятельности. Если в начале карьеры молодые педагоги сталкиваются с реальностью, не соответствующей их ожиданиям, то, обладая уже опытом работы, педагогам приходится адаптироваться к новым требованиям, что выражается в неуверенности и беспокойстве. Изменение приоритетов в современном образовании может приводить к появлению конфликта между профессиональными и личными желаниями и целями [7].

Именно поэтому важное значение приобретает уровень осознания собственных желаний, страхов и возможностей. По уровню осознанности вы-

борка распределилась следующим образом: у 37,7% респонденток отмечен низкий уровень осознанности, у 44,1% – средний и у 18,2% – высокий уровень. Большинство педагогов с высоким уровнем осознанности имеют низкую и среднюю степени выгорания, в то время как у менее осознанных специалистов преобладают высокая и крайне высокая степень. Так, при среднем значении общего показателя осознанности у педагогов с высокой и крайне высокой степенью выгорания 119,9 баллов, в группе с низкой и средней степенью данный показатель составил 136,4 балла.

Средние значения компонентов осознанности в группах педагогов с различной степенью эмоционального выгорания представлены на рисунке 1.

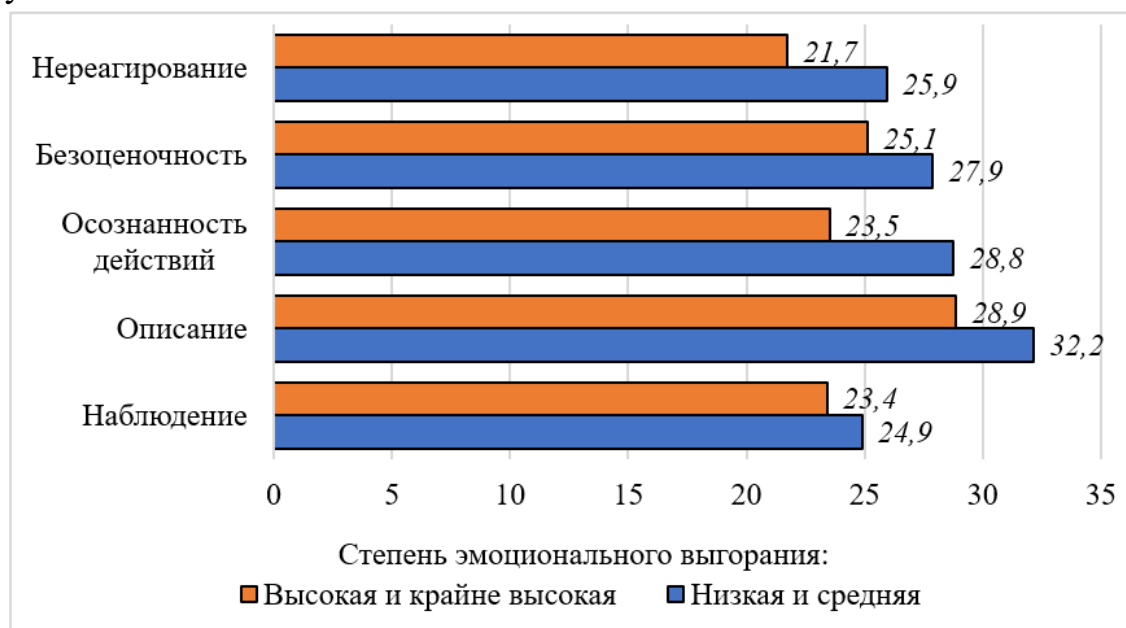

Рисунок 1 – Выраженность компонентов осознанности в группах педагогов с различной степенью эмоционального выгорания

Выраженность всех компонентов осознанности, кроме наблюдения, статистически значимо ($p < 0,01$) оказалась выше в группе педагогов с низкой и средней степенью выгорания, так как невыгоревшие педагоги менее истощены, у них имеется больше ресурсов для внутренней работы по осознанию собственных ощущений, действий и ситуации в целом.

Более того, под воздействием стрессоров у педагогов может искажаться восприятие себя как профессионала, они могут недооценивать собственные возможности и результаты своего труда. Выраженность общего показателя профессиональной востребованности у педагогов с высокой и крайне высокой степенью эмоционального выгорания составила 129,4 балла, тогда как у педагогов с низкой и средней степенью выгорания

– 157,4 балла. Другими словами, выгоревшие педагоги ощущают себя менее востребованными на профессиональном поприще.

Это подтверждают и средние значения компонентов профессиональной востребованности у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания, которые приведены на рисунке 2.

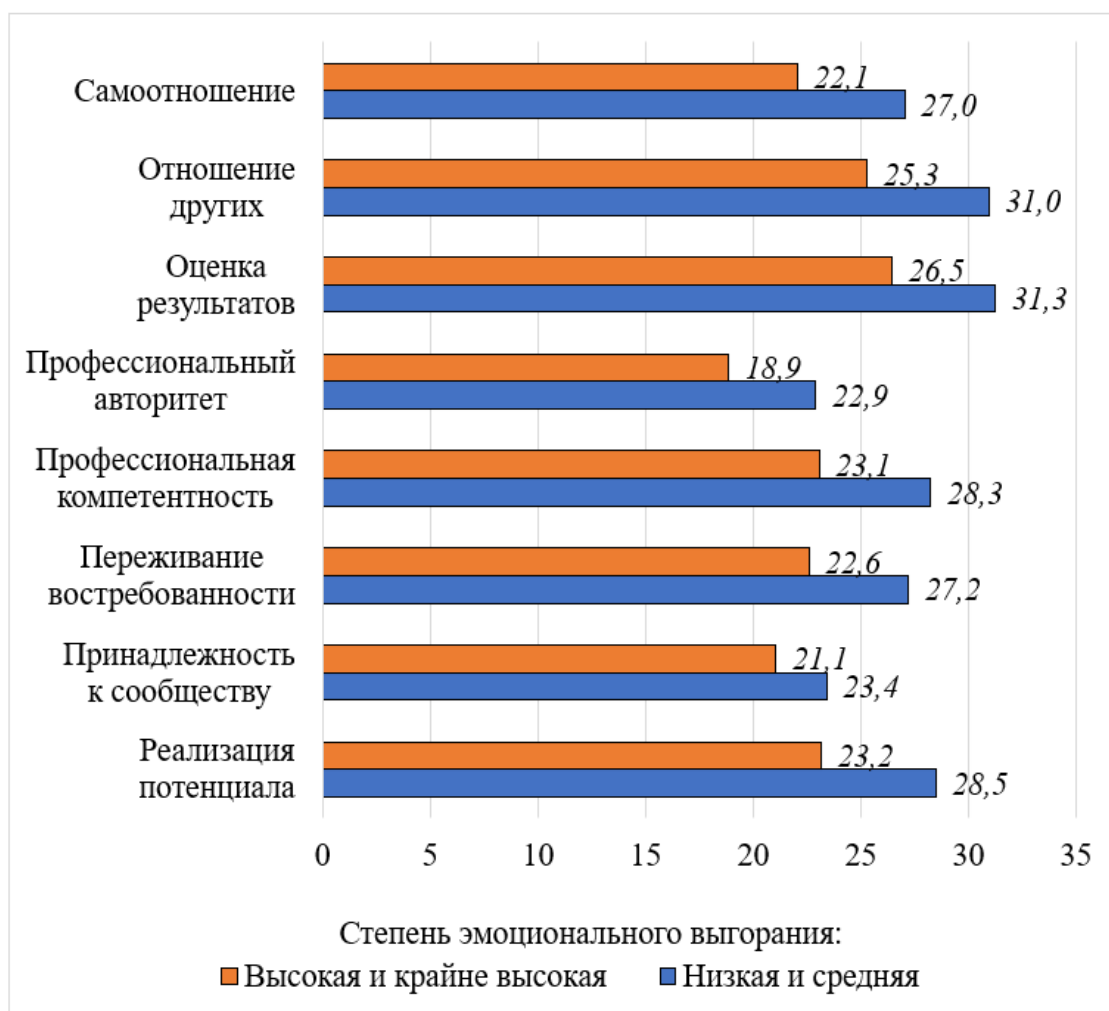

Рисунок 2 – Выраженность компонентов профессиональной востребованности в группах педагогов с различной степенью эмоционального выгорания

С усилением степени эмоционального выгорания педагоги более ощущают неудовлетворенность степенью реализации своего профессионального потенциала, достигнутым профессиональным статусом, к негативной оценке своего профессионального «Я». Статистически значимые различия ($p < 0,001$) в выраженности компонентов профессиональной востребованности отмечены между группами педагогов с различной степенью эмоционального выгорания.

Выгоревшие педагоги отличаются меньшим уровнем осознанности и чувствуют себя менее значимыми для других из-за недостатка внимания

к собственным ощущениям, концентрируясь при этом на получаемой от других участников учебного процесса обратной связи. Недостаточное осознание своих сильных сторон, а также ощущение неудовлетворенности профессиональным статусом отражаются на оценке персональных достижений, что ухудшает психологическое состояние педагогов и в свою очередь усугубляет эмоциональное выгорание. В целом, высокая степень выгорания препятствует осознанию собственных чувств и происходящего, повышая уязвимость педагогов перед стрессом и негативными эмоциями.

Таким образом, у педагогов выраженность профессиональной востребованности и осознанности у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания достоверно отличаются. Педагоги с высокой и крайне высокой степенью эмоционального выгорания чувствуют себя менее профессионально востребованными и менее осознанными. Организация работы психологов учреждений образования по коррекции профессиональной востребованности и осознанности среди педагогических работников может выступить средством профилактики эмоционального выгорания.

Библиографические ссылки

1. *Бладыко, А. В.* Особенности эмоционального выгорания у учителей и преподавателей // Психология : традиции и инновации: мат-лы I Междунар. науч. конф. Уфа, 2012. С. 34–39.
2. *Maslach, C.* Burnout : A multidimensional perspective // Professional burnout : Recent developments in the theory and research. Washington : Taylor & Francis, 1993. P. 19–32.
3. *Цыдик, К. Г.* Особенности эмоционального выгорания педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности // Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований : сб. науч. статей участников XXX Респ. конкурса науч. работ студ. Минск : БГУ, 2023. С. 149–152.
4. *Харитонов, Е. В.* Социально-профессиональная востребованность личности: к обоснованию психологической концепции // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 1–5.
5. *Пуговкина, О. Д.* Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 2. С. 18–28.
6. *Водопьянова, Н. Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2015. 212 с.
7. *Юмартова, Н. М.* Осознанность (Mindfulness). Характеристики и инструменты измерения // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. СПб, 2013. С. 267–273.